

М а р и я Х р о н о

Сказки Даймона



16+

Мария Хроно

Сказки Даймона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67628267

SelfPub; 2022

Аннотация

Сказки для детей – не только развлечение, они готовят их к взрослой жизни, объясняют как устроен мир, учат морали и даже знакомят со Смертью...

Но не меньше нуждаются в сказках и взрослые.

В греческой мифологии Даймон является духом, вызывающим к истинной сути человека. Обычно сказки помогают уснуть, но сказки Даймона пробуждают от сна жизни. Его зов способен как открыть человеку удивительные тайны бытия, так и свести его с ума, раскрывая перед ним непостижимые грани столь незнакомого нам мира.

Содержание

Вступление	5
Лабиринт миров	8
Глава 1. Нигредо	10
Моя крепость	10
Тень	35
Прекрасный принц	54
Олеко	71
Философия огня	93
Живая тюрьма	118
Пустота	127
Синдром Творца	139
Призрак	155
Лекарство от стресса	157
Лесной Принц	164
Глава 2. Альбедо	172
Тёмный свет	172
Письмо	178
Сделка с ангелом	186
Последний цветок	200
Падший ангел	207
Глава 3. Рубедо	218
Мир в твоей ладони	218
Библиотека Матезиуса	227

Новый Икар	245
Башня. Пульс	248
Завершение	252

Мария Хроно

Сказки Даймона

Вступление

Демон, приходящий в ночи – жестокий, ужасный, терзающий разум и сжигающий тело желаньем. Ты на грани реальности и фантазий – словно сон, боюсь я утратить. Я боюсь твоего появления, я боюсь, что ты никогда не придешь. И стереть мне память о тебе было бы величайшей милостью для меня. Я бы уничтожил тебя – собственными руками. Я бы отдал все во имя тебя – ведь ты Душа моя.

Женщина, сотканная паутиной Луны, каждый раз приходит в ночи через дверь желаний моих. Сев на меня, она смотрит в глаза мои – и не в силах я отвести взгляд. Ведь в глазах ее плещутся миры, что не видел я прежде, не знал. Слезы стекают по щекам моим, пока она меня иссушает. Меня убивая, песни она мне напевает – песни о Другой Стороне.



Нет никого ужаснее нее.

Нет никого прекраснее ее.

Настало время Мрачных сказок.

Лабиринт миров

Тебе страшно? Настолько страшно, что хочется закричать, вскочить с кровати и броситься прочь, но сил хватает лишь на то, чтобы шептать. Тебе так хочется все рассказать им, но глядя в их, полные скорби глаза ты позволяешь себе лишь улыбнуться на прощание. Ты уже почти что мертв, а им еще жить – так пусть верят, что ты умирая смирился с неизбежным. Но ты все равно боишься, боишься и ничего не можешь сделать, пока пустота неумолимо поглощает тебя крупичка за крупичкой.

В последний момент, когда ты желаешь увидеть свет в последний раз, но твои глаза видят лишь тьму, только тогда, только тогда ты понимаешь, что всегда был пустотой.

Не бойся, та сторона все же есть. Нет, она не похожа на унылый, скучный и мирный рай, и не полыхает в ней адское пламя, но там есть лабиринт.

В этом лабиринте вечно царит сумрак и прохлада. Приглушенный холодный изумрудно-голубой свет озаряет миллиарды дорог. Пути ветвятся, расходятся, сплетаясь в паутину, но у каждого из них есть свой конец, он же начало – дверь, что ведет в мир. Одни из них так похожи на наш, другие же ты даже представить не сможешь сейчас своим человеческим разумом, не то что понять.

Но у каждого из них своя музыка, непохожая на земную, у

одних она спокойная, у других подобна самому хаосу, у нее есть свой цвет и вкус, но редко лишь один. Она раздается в лабиринте, зовя, маня из одного его конца в другой, завлекая в темные туннели и сияющие залы.

Что же выбрать, спрашиваешь ты. Когда ты там окажешься, у тебя не возникнет такого вопроса. Иди от одной двери к другой, познавая тайны чужих миров пока не найдешь тот, где захочешь остаться в следующей жизни. Может тебе приглянется первый попавшийся мир, а может ты решишь бродить в полумраке веками – время там течет незаметно, неслышно, его заглушает музыка множества измерений.

Поверь мне и не бойся. Когда-нибудь, когда ты уже забудешь наш разговор, не знаю где и когда, я обещаю ты вновь очнешься и осознаешь, что существуешь.

Мир – паутина.

Глава 1. Нигредо

Моя крепость

В одной такой разной Вселенной, в одном сером, унылом городе жил маленький мальчик. Этого мальчика звали Цакль, и было ему лет десять от роду. Цакль был очень послушным мальчиком с очень строгой мамой. Он всегда молча, без капризов, ел безвкусную кашу на завтрак, терпеливо высиживал уроки в школе, а потом осторожно, стараясь не наступать в грязь, в которой буквально утопал город, чтобы не запачкать ботинки, шел домой. Дома мальчика ждала мама, которая тщательно, до мелочей, выспрашивала, как прошел день, не делал ли ему замечаний мистер Уилсон (его школьный учитель), и не заходил ли (не дай-то бог!) он куда-то после уроков.

Вечером приходил его папа, и столь строгая мама сразу превращалась в милую, невинную пташку. Она всегда твердила, что папа так сильно устает на работе в конторе мистера Смитерса, что нельзя его тревожить. И всегда, когда он возвращался, либо кружила возле него, либо стояла у стены, пожирая супруга восторженными глазами, в любую минуту готовая сорваться с места на любую просьбу. В противовес эмоциональной, пухленькой, вечно пышущей здоро-

вьем и энергией маме, папа был весьма уравновешенным, тихим и спокойным человеком. Низкого роста, худощавый, в очках, с серыми волосами, поеденными лысиной, не снимавший своего серого костюма даже дома, он после работы садился в свое кресло и читал газету, заботливо подготовленную женой. Порой он тихим голосом просил супругу сварить кофе или принести плед. На Цакля папа почти не обращал внимания и словно чувствовал рядом с ним какую-то неловкость. Порой папа спрашивал сына как учеба и, удовлетвовавшись коротким ответом вроде «все хорошо, учитель меня вчера хвалил», с чувством выполненного отцовского долга возвращался к газете.

Сегодня выходной, а Цакль за неделю получил немало восторженных отзывов в тетрадь от мистера Уилсона, поэтому мама разрешила ему погулять. Так что Цакль как всегда осторожно, аккуратно шел по узеньким улочкам Смоллута, тщательно избегая кучи сочащегося мусора, бродячих собак, бездомных людей, праздно шатающихся драчливых пьянчуг. И так проходили его выходные, его каникулы – на улочках Смоллута посреди унылых полуразвалившихся домов, за высокой крепостной стеной – по другую сторону которой, как Цакль предполагал в своих самых смелых мыслях, был немного другой мир. Был ли он лучше? Этого мальчик не знал, но иногда, когда никто не видел, он подходил близко-близко к стене и прислонялся к ней ухом – а вдруг?

И однажды это «а вдруг» случилось. Одним весенним вос-

красным утром Цакль пошел гулять к стене – ведь пока все спят, наслаждаясь выходным, он мог «послушать» стену или даже попытаться найти в ней щели, дабы хоть одним глазком взглянуть на то, что скрывалось снаружи. В одном месте кладка выглядела изрядно расшатавшейся, и Цакль, предварительно оглядевшись по сторонам, начал осторожно «выколупливать» кирпич, но тот упорно не хотел поддаваться. Лишь облачко известки попало мальчику в лицо. Цакль не удержался и громко чихнул.

– Будь здоров, – пожелал кто-то рядом. Цакль дернулся от неожиданности и начал беспокойно оглядываться, ведь не хватало только, чтобы кто-то увидел, как он пытался разрушить стену.

– С... Спасибо, – пробормотал он в ответ, не видя никого рядом, и почувствовал, как сердце внезапно пустилось вскачь. Ведь если рядом никого нет, значит этот голос раздался из-за стены!

На минуту воцарилось молчание, во время которого внутри Цакля происходила отчаянная борьба. Мама всегда говорила, что хорошие мальчики не разговаривают с незнакомцами, а Цакль уж очень хотел быть хорошим мальчиком. Но он так давно желал узнать, что скрывается там, за стеной, что все-таки не выдержал и решил рискнуть.

– П... Пподождите. Вы все еще здесь? – окликнул мальчик, надеясь, что его таинственный собеседник еще не ушел.

Пара секунд молчания показались ему вечностью, а потом

незнакомец наконец-то отозвался:

– Да?

– Знаете, вот... Как... – собравшись с духом, мальчик, наконец, смог сформулировать мысль, – Я никогда не был по ту сторону стены, не могли бы вы, сэр, рассказать... что там?

– Смотря с чем сравнивать, а для этого мне нужно знать, что творится по твою сторону, – незнакомец рассмеялся, у него был такой молодой, звонкий смех, но при этом не детский. Странно, но отдельными нотками он почему-то был знаком Цаклю.

– А знаешь, я сегодня жутко спешу, но если хочешь узнать, что происходит по мою сторону стены – приходи через неделю в это же время сюда, я буду тебя ждать. Кстати, как тебя зовут, мальчик?

– Томми, – на всякий случай соврал мальчик. Ему показалось, что незнакомец разочарованно вздохнул.

– Тогда до встречи... Томми...

– До встречи.

Через неделю они встретились, и еще через одну, и еще, и еще... Почти каждые выходные Цакль сбегал к своему новому знакомому, который теперь уже знал его настоящее имя и, как ни странно, совсем не обиделся на обман. Своего имени незнакомец упорно не называл, отшучиваясь и припоминая мальчику его маленькую ложь, так что Цакль прозвал его Сказочником, ведь все истории, рассказанные его новым другом, походили на сказку. По его словам, в Теририи – так

назывался этот удивительный город, на улицах всегда чисто, все жители веселы и приветливы друг к другу, на завтрак они едят хрустящие тосты с сочным беконом и пьют ароматный кофе с мятными леденцами вместо безвкусной похлебки. На улицу можно выходить в любой час, даже поздно ночью – последний преступник скончался в тюрьме лет десять назад, и ее почти сразу же переоборудовали в исторический музей.

– Слушай, я долго думал... Я мог бы показать тебе свой город... Если ты конечно не против прогуляться... – в одну из встреч предложил Сказочник.

Цакль на минуту задумался, оглянулся назад на серые унылые дома и ответил:

– Буду рад, если там все и впрямь так, как ты описываешь. Только я вот понятия не имею где находятся ворота из города, а кого не спрашивал – на меня начинали громко кричать, мол, я хочу сбежать из столь «чудесного» места.

– А тебе и не потребуются ворота.

Цакль кинул оценивающий взгляд на стену.

– Нет, я не перелезу.

– И это не потребует. Слушай внимательно, сейчас я открою тебя маленькую тайну. Стой на месте и закрой глаза. Закрыв?

– Да.

– Точно закрыл?

– Да.

– А теперь представь, что ты стоишь посреди широкого

поля со мной, и мы смотрим на мой город, что виднеется на горизонте.

– Если он существует, конечно.

– Существует, и ты должен в это поверить, Цакль, это очень важно. Представил?

– Вроде...

– А теперь протяни руку.

Мальчик послушался. Как ни странно, через мгновение его рука коснулась не холодной и мокрой стены, а чьей-то теплой ладони. Затхлый, наполненный запахами подпорченных продуктов с рынка на главной площади, раскиданных повсюду отбросов и тел горожан, свято верящих, что принимать ванную надо никак не чаще пары раз в месяц, воздух Смоллута сменился свежим прохладным ветерком, принесшим сладковатый аромат полевых цветов.

– Теперь открывай, – разрешил Сказочник.

Первое что увидел Цакль – луг, весь заполненный такими разными цветами – синими, фиолетовыми, белыми, желтыми.

– Так вот что так сладко пахло! – мальчик вдохнул этот аромат полной грудью.

– Ну привет.

Перед ним стоял стройный, среднего роста человек, закутанный в черный плащ. Лицо почти полностью было скрыто под капюшоном и длинным темно-зеленым, развевающимся по ветру шарфом. Из-под него лишь немного выглядывали

отдельные черные пряди. Сказочник протянул ему руку из длинного рукава плаща для рукопожатия. Кожа была гладкой, словно у юнца, так что не наблюдая лица своего нового друга, Цакль по прикосновению и голосу решил, что Сказочнику не более двадцати пяти – тридцати лет.

– Я рад, что мы наконец-то увиделись вот так, – сказал Сказочник и указал на горизонт, где луг заканчивался, и виднелись ослепительно белые башни, – вот мой город и я проведу тебя сегодня туда.

Пока они шли, Цакль то и дело украдкой пытался разглядеть лицо под капюшоном, на всякий случай – ему было страшновато идти вот так с незнакомцем, но напрямую попросить Сказочника снять капюшон мальчик стеснялся. Но он напрасно пытался скрыть свое любопытство.

– Я заметил твои попытки разглядеть мое лицо, и я прекрасно тебя понимаю.

Видя, как Цакль стушевался, его спутник поспешно добавил:

– Не переживай, я не в обиде, но лицо показать не смогу. Оно обезображено болезнью. Я не хочу тебя пугать, да и кожа моя от солнечных лучей будет болеть и чесаться, так что приходится даже в жару закрывать ее плащом. Не волнуйся, это не заразно. Просто последствие... Одной... – ему сложно было подобрать нужные слова, – детской травмы. Я прекрасно вижу, что ты мне не доверяешь, но все же ты идешь рядом со мной. Я не смогу прямо сейчас доказать тебе, что

не желаю тебе зла, но ты и сам увидишь это совсем скоро.

– Ты прав, я опасаясь тебя, – немного помявшись, признался Цакль, – но я так давно мечтал увидеть, то что столько лет скрывалось от меня по ту сторону стены, что рискну.

– Некоторые мечты стоят того, чтобы ради них рискнуть головой, – Сказочник сорвал знак и стал вертеть в зубах на манер сигареты, – ты смелый маленький мальчик.

Когда они, наконец, подошли к Теририю, Цакль увидел, что в отличии от Смоллута, он не огорожен крепостной стеной, город словно выросал из окружающего его луга. Высокие башни, аккуратные маленькие домики и ухоженные дорожки постепенно вплетались в него: на окраине города нерешительно, а затем все смелее и смелее, вытесняя великолепие природы великолепием плодов человеческого разума и труда.

Сказочник манерно поклонился и с гордостью в голосе напыщенно произнес:

– Добро пожаловать в Теририй, мой маленький друг. Здесь ты наконец-то воочию узришь те чудеса, о которых я столько рассказывал, и я уверен, поймешь, почему я считаю, что это самый удивительный город в мире.

Оказавшись в городе, о котором он столько слышал, Цакль зажмурился – настолько ярко сияли мостовые и стены. Многие здания здесь были выстроены из белоснежного камня, настолько гладкого и чистого, что в нём можно было увидеть своё отражение. Они походили на дворцы – богато

украшенные барельефами стены уходили ввысь, к небесам, настолько, что шпили башен касались облаков. Чтобы увидеть их верхушки, Цаклю пришлось задрать голову так, что у него заболела шея. В домах было множество широких окон, многие из которых были украшены разноцветными витражами. Тут и там на стенах висели разноцветные флажки, слегка колеблющиеся на ветру.

– Какое всё яркое – проворчал Цакль, прикрывая лицо ладонью, – у меня уже глаза болят, так и ослепнуть недолго!

Входы в большинство дворцов украшали портики с изящными колоннами, между которыми стояли искусно изваянные из мрамора статуи животных. Среди них были самые разные создания: кони, львы, орлы и многие другие, неизвестные Цаклю. У одного из домов стояла скульптура, изображающая дракона. Гордое животное изящно изогнуло шею и напрягло задние лапы, будто готовясь подпрыгнуть, расправить могучие крылья и взлететь над городом, дабы полюбоваться своими владениями сверху. Увидев его, мальчик испугался и отшатнулся, не сразу осознав, что это лишь скульптура – столь искусно она была сделана.

– Боже, какое страшилище, такой верно может проглотить человека, не разжёвывая! – непроизвольно вырвалось у него.

Сказочник лишь нахмурился, услышав такие отзывы, и повёл Цакля по центральной улице города к главной площади. Улица была такой ширины, что по ней могли проехать четыре телеги, и рядом ещё оставалось место для пешехо-

дов. Повсюду кругом суетились горожане, наряженные в яркие наряды из разноцветных тканей. Каждый как будто пытался перещегоолять остальных. У всех были довольные сытые лица, они переговаривались друг с другом и смеялись. Окинув взглядом свою оборванную серую рубашку, старые поношенные штаны и стоптанные башмаки, Цакль решил, что они насмежаются над его видом.

– И зачем они так вырядились, у вас что, маскарад какой?

– Нет, это обычная одежда жителей города.

– А ты почему тогда в черном плаще?

– Здесь каждый ходит, как хочет, и никому нет дела. Я прежде жил в другом месте, и все еще не хочу обновлять гардероб.

В одной из лавок Сказочник купил мальчику леденцов. Тот вначале обрадовался и поблагодарил друга, но стоило ему попробовать один, и он с трудом удержался, чтобы не выплюнуть его. Сказочник с тревогой посмотрел на его искаженное гримасой отвращения лицо.

– Не нравится?

– Слишком сладкие, как вы такое едите только!

– Да ну! Это же лучшие леденцы в городе, самого Бадди Бернса!

– Какие же тогда худшие, – подумал мальчик, но из вежливости промолчал.

Вскоре Цакль почувствовал странный незнакомый запах. По мере их продвижения запах всё усиливался, и вскоре впе-

реди показались яркие клумбы, высаженные по бокам улицы. Цветы на них образовывали сложные геометрические узоры. Столько цветов Цакль никогда в жизни не видел, по сравнению с этим разнообразием луг перед городом казался однообразным и монотонным. Там были и ярко-алые розы, и золотистые тюльпаны, и нежно-белые лилии. Именно они источали странный приятный аромат. Но Цаклю, хоть ему и нравился запах цветов на лугу, это показалось уже слишком. Он пытался понюхать какие-то диковинные цветы, которые Сказочник называл «орхидеями», но от их запаха Цакль начал чихать. Пришлось зажимать нос, проходя мимо особо ароматных клумб.

По центру улицы стали появляться фонтаны, украшенные прекрасными скульптурами людей и животных. Огромные рыбы извергали струи прохладной кристально-чистой воды, прекрасные мраморные нимфы танцевали, как будто паря над поверхностью воды, окутанные радужным ореолом брызг.

Возле воды радостно играли дети: они бегали и, смеясь, пытались обрызгать друг друга, зачерпнув воды из фонтана. Часть брызг попала на Цакля. Когда вода коснулась его лица, он в ужасе отшатнулся.

– Такая холодная! Я ведь могу заболеть! И что тогда, сидеть дома? Вот мистер Уилсон расстроится...

Чем ближе Цакль и Сказочник подходили к центральной площади, тем больше народа становилось вокруг. На откры-

тых террасах кафе и ресторанов люди наслаждались изысканными блюдами и прекрасной погодой. По бокам улицы тут и там стали появляться уличные актёры, художники и музыканты, вокруг которых собирались группы зрителей. Отовсюду доносились музыка и весёлый смех.

– Как шумно! – подумал Цакль – и чего им дома не сидится всем!

И вот, выйдя, наконец, на центральную площадь города, он увидел перед собой огромное. Нет! Гигантское! Титаническое дерево! Оно вздымалось выше самых высоких башен города, ствол был толщиной с гору, а корни размером с целую улицу. На них даже кое-где росли обычные деревья, кажущиеся игрушечными рядом с этим исполином.

– Ого, какое огромное! – задрал голову, восхитился Цакль.

Сказочник зарделся, словно сам вырастил это дерево, но следующая фраза мальчика быстро согнала румянец с его лица и заставила нахмуриться.

– Сколько места занимает. Вот если оно упадёт, весь город раздавит!

На мощных ветвях кое-где виднелись странные оранжевые плоды, размерами под стать дереву. Ствол был весь опутан паутиной из лесенок и деревянных мостков, по которым сновали люди. Они срывали с дерева спелые плоды, обвязывали их верёвками и аккуратно спускали на землю.

– Что это за плоды? – спросил Цакль у Сказочника.

– Эти плоды – волшебные, их мякоть на вкус слаще мёда, а если прочитать над таким плодом специальное заклинание, то он превратится во все, что пожелаешь. Поэтому нам нужно меньше работать, чем жителям других городов. Мы можем заниматься тем, чем нам нравится, а всё необходимое нам даёт Дерево.

– Но я вижу, в тех же лавках и кафешках полно работников. Почему они все еще этим занимаются?

– Им просто нравится что-то делать самим.

– Вот странные. А почему ты не попросил Дерево дать тебе лекарство от твоей болезни?

– Некоторые вещи нельзя исправить даже с помощью магии.

– Жаль, а ты научишь меня заклинанию?

– Конечно, только произносить его нужно с радостью в сердце и любовью к жизни, иначе не работает.

– Да-да, конечно, пойдём скорее, попробуем!

Они направились к группе людей, только что снявших новый плод с дерева. Сказочник о чём-то поговорил с одним из них, видимо, главным, и махнул рукой Цаклю.

– Слушай внимательно, нужно сказать «Арбор Мунди, Фацетэс Валюнтатем», а в конце поклониться дереву и поблагодарить его.

– Да-да-да, я всё понял! – с нетерпением закивал мальчик.

– Ну, сейчас я такого загадаю! Такого! Хм... а чего бы мне такого загадать? Что мне нужно-то? Может, велосипед? Да

не, мелкогато! Может, карету с лошадьми? Да ну, я ж лошадей боюсь. А, вот! Хочу корабль! Хочу быть капитаном!

Пока он раздумывал, чтобы ему пожелать, Цакль забыл заклинание и произнёс его неправильно. Он настолько разволновался, что напрочь забыл поблагодарить дерево. Ничего не произошло.

Цакль нахмурился и произнёс заклинание снова, опять неправильно.

Опять ничего.

– Давай попробуем еще раз. Ты перепутал слова, да и забыл поблагодарить Дерево. К тому же, оно исполняет лишь истинные желания, дает лишь то, что тебе действительно нужно.

Цакль, конечно, был хорошим мальчиком, но этот город начал его утомлять. Он был ярким, слишком ярким. Мальчик постарался как можно мягче сказать об этом своему другу.

– Знаешь, я бы скоро пошел домой.

– Хорошо, я провожу тебя. Но через неделю я могу привести тебя снова, и может на этот раз у тебя все получится с заклинанием.

– Слушай, это все, конечно, замечательно, но, если честно, мне не очень нравится этот город. Я не хочу сюда больше возвращаться.

Сказочник стал очень грустным.

– А я так хотел... Ты бы мог жить со мной...

– Зачем тебе это?

– Просто ты был таким грустным, когда мы разговаривали с тобой через стену... Ну и я... Я подумал, может, тебе тут будет лучше...

– Я ценю твои старания, но... Этот город не по мне.

– Ладно, я провожу тебя домой, – Сказочник расстроился и, тяжело вздохнув, переспросил, – и значит, ты больше вообще не придешь?

– Сюда далеко идти, и если я буду так долго пропадать, мама поймет что что-то не так. Да и скоро конец семестра, придется готовиться к куче контрольных, – попытался оправдаться Цакль.

– Понимаю, понимаю, – печально закивал Сказочник, но он все еще не сдавался, – но может потом, в каникулы?

– Я не хотел тебя обидеть, честно. Просто здесь все не так... Не так как я ожидал. Много людей, шумно, все выраженные в пух и прах, а зачем? Дети невоспитанные, валяют дурака и брызгаются ледяной водой, вот если бы мистер Уилсон добрался до них, он бы им показал! Мама всегда говорила, что приличные мальчики и девочки ведут себя спокойно, играют тихо, так чтобы никому не мешать. Да еще это дерево не хочет исполнять мои желания. Ну не мог я неверно произнести заклинание, учитель говорит, у меня лучшая память в классе. Может вам просто кажется, что оно работает? Вдруг вся эта магия лишь миф? Чтобы не приходилось вста-

вать с утра на работу. Столько древесины зазря пропадает...

Цакль хоть и был воспитанным мальчиком, но его также приучили быть прямым и честным, да и прогулка столь вымотала и разочаровала его, что он уже не мог остановиться. Сказочник молча выслушивал его тираду.

– И зачем все эти украшения, все эти статуи, фонтаны?

– Так красиво же.

– А кому нужна эта красота? Она же совершенно бесполезна.

Из-под капюшона послышались всхлипывания.

– Ты что? – Цакль удивленно посмотрел на Сказочника, – что я такого сказал? Я же вроде не обидел тебя ничем. Просто этот город...

– Но это мой город! – крикнул Сказочник и резко бросился прочь, оставив Цакля одного в недоумении стоять посреди улицы. Мальчик подождал минут десять на случай, если друг передумает и вернется, а потом, все еще дивясь столь резкой вспышке эмоций приятеля, побрел по улицам Теририя в направлении дома.

Правда ему пришлось немного поплутать, Цакль лишь фрагментами помнил дорогу, хоть и не хотел сам себе в этом признаваться. Побродив по городу, мальчик стал замерзать – еще недавно ясное небо заволокло тучами, задул ледяной ветер. Да и в животе предательски урчало от голода.

– До дома далеко, а я замерз и хочу есть. Разумнее всего сначала отыскать Сказочника, попросить у него еды и теплой

одежды и затем быстро домой, пока мама не заметила. А то я так не дойду до дома.

Цакль вспомнил, что Сказочник говорил, что живет на самой тихой и спокойной улице города, где белоснежные дома-дворцы сменялись маленькими аккуратными разноцветными домиками.

– Не то чтобы у меня не было возможности жить в доме пороскошнее, но пока я живу один, мне не нужно много места, да и мне удобнее жить на окраине, чтобы было проще ходить на луг, где я собираю лечебные травы и цветы. Конечно, дерево обеспечивает нас нужным лечением, но мне нравится делать всякие настойки, а еще из луговых трав получают красивые букеты, – словно оправдываясь, во время одной из встреч возле стены рассказывал ему Сказочник.

Еще Цакль отчетливо помнил из его рассказов, что прямо напротив двери дома Сказочника есть маленький пруд. Стоило ему вспомнить это, и у него в голове буквально зазвучал голос друга: «Когда я только въехал в свой новый дом, все соседи упорно советовали мне закопать прудик – настолько мал и запущен он был. Но внимательно посмотрев на его грязно-зеленую гладь, я увидел, что он полон жизни, хоть это было и плохо заметно. Для рыб прудик был слишком мал, но в нем мельтешили мелкие рачки, водные жучки, личинки стрекоз. И знаешь, мне стало их жаль – чем они хуже красивых рыб? Временами я осторожно убираю часть ила, тщательно проверяю, не попали ли туда его маленькие жители,

чтобы им было проще дышать. И знаешь, когда мне становится грустно, я прихожу к своему пруду и понимаю, что если даже в такой грязной луже так пышно может расцвести жизнь, то и я как-нибудь справлюсь с тем что гнетет меня...»



На мгновение Цаклю почему-то стало немного грустно.

– И почему он убежал? Странный какой-то. Наобещал с три короба – а на деле вышел пшик. Чем ему так дорог этот город и этот зарастающий пруд? Но все-таки он мой друг, самый настоящий друг... И это странно, ведь он так не похож на тех, с кем я прежде общался.

Цакль окликнул владельца ближайшей кофейни, вышедшего на улицу покурить:

– Извините, Вы не подскажете, как пройти на улицу Мачура?

– Конечно, подскажу. Но далеко тебе придется идти, мальчик. Улица Мачура на самом краю города, а сейчас такой ветрище – замерзнешь. Подожди минутку. Мужчина нырнул за дверь и вернулся уже с горячим термосом в руках.

– Держи, хоть будет чем согреться в дороге. Кофе детям не полезен, так что я налил ромашковый чай.

– Спасибо, – поблагодарил Цакль, покраснев от смущения, – а термос?

– Не переживай, как-нибудь вернешь, ну а не вернешь – уж переживу, – хрипло засмеялся владелец кофейни. Смех у него был грудной, громкий, но чуть кашляющий – сказывалась вредная привычка.

– Смотри, дойдешь до конца улицы и возле библиотеки повернешь направо, там будет узенькая улочка Мачура, ее

надо пройти до самого конца, а в конце раскинулся парк, пересечешь его по прямой, перейдешь через мост, и в паре сотни метров от берега увидишь маленькие разноцветные домики, выстроившиеся в рядок. Вот туда тебе и надо. Мужчина достал из кармана фартука листок с ручкой и быстро набросал план.

– Вот тебе карта, на всякий случай.

– Спасибо большое, сэр.

– Хорошей дороги, малыш.

– И вам удачного дня.

Благодаря объяснениям баристы Цакль без проблем нашел дом Сказочника, хотя идти пришлось немало. Ноги уже предательски ныли, а ветер еще больше усилился, так что даже содержимое термоса не спасало озябшего мальчика.

Вот он – маленький, но ухоженный аккуратный домик, в котором живет его друг: васильковые стены, треугольная темно-зеленая крыша, странные рисунки в уголках окон – «под витражи». Напротив двери, почему-то приоткрытой – крупная изумрудно-зеленая лужа.

– И это и есть твой пруд? – подумал Цакль и еле удержался от смеха. Он наклонился над водной гладью, что-то мелкое и черное суетилось в воде.

– Какой же все-таки он странный... И нелепый... – в голове у мальчика промелькнуло, что он здесь не ради еды и теплой одежды, что он бы уже дошел до дома. Но почему-то ему хотелось перед возвращением повидаться с Ска-

зочником, почему-то расстроенная интонация его голоса перед тем, как друг убежал, тяготила Цакля.

Он постучал в приоткрытую дверь, но никто не ответил. Тогда, предварительно извинившись за непрошеное вторжение, Цакль зашел внутрь. Прикрыв дверь, он снял уже изрядно промокшую обувь и босиком прошел в прихожую – пол был весьма чистым. Мальчик заглядывал из одной комнаты в другую – они были незаперты, но нигде не было его друга.

– Значит он еще не вернулся домой? Но почему тогда оставил открытую дверь? Вот растяпа... – посетовал Цакль, но на всякий случай решил забраться по хлипкой лестнице на чердак.

Когда он поднялся, глаза не сразу привыкли к полутьме. Посреди чердака виднелась высокая фигура в каком-то неестественном положении.

– Сказочник? – осторожно окликнул Цакль.

Ему не ответили. От странной фигуры веяло чем-то жутким, но мальчик собрал всю волю в кулак и медленно, шаг за шагом приближался к ней, готовый в любую минуту сорваться и убежать прочь. Глаза постепенно привыкли к полутьме, и им уже хватило того малого количества света, проникавшего в маленькое чердачное окошко, чтобы разглядеть фигуру. Ноги не касаются пола, голова неестественно повернута, а от шеи к потолку тянется толстая веревка. Фигура ростом и сложением похожа на Сказочника, на ней черный плащ Сказочника. Словно в забытии мальчик подходил все ближе и бли-

же, не замечая, как горячие слезы обжигают щеки, взял валяющийся рядом опрокинутый стул и встал на него. Осторожно, он откинул капюшон, чтобы наконец-то разглядеть лицо друга, которое тот так рьяно прежде скрывал. На бледном, перекошенном от удушья лице проглядываются столь знакомые черты. Цакль словно смотрит в зеркало, только эдак лет через десять. Такой же нос с горбинкой, такие же темно-серые глаза, только неестественно выпученные, такие же тонкие губы, но искривленные в гримасе боли, его кожа, правда, покрытая легкой темной щетиной, его черные непослушные волосы, но отросшие до плеч, его лицо – только повзрослевшее и мертвое...

В маленьком синем домике с треугольной крышей раздался детский крик. Дерево, сломанное ураганом, издало жалобный стонущий скрип и упало, разбивая ветками чердачное окно. В дом ворвалась буря, безжалостно дергая подвешенное к потолку тело, словно марионетку, в какой-то дикой, неестественной пляске смерти. Цакль потерял равновесие и упал со стула. Голова ударилось обо что-то твердое, и разум заполнила милосердная тьма.

Прошла минута, а может, час, и он открыл глаза. Ветер резко стих. Находясь в полузабытьи, двигаясь словно деревянный, Цакль снова подставил стул к телу, закрыл мертвецу глаза и снял с него плащ. Надев плащ на себя, он вышел на улицу и пошел прочь – прочь от своего лучшего друга, прочь от этого маленького домика, прочь от прудика, кото-

рый остался без хозяина, и который теперь-то уж точно закопают. Прочь от этого города, в сторону своего дома, в сторону серой стены. Он еще не знал, как попадет внутрь, возможно, придется сознаться во всем городской страже, что стоит на воротах, придется сказать, что он сбежал – но как? Кто поверит в то, что можно ходить сквозь стены?

Он прошел мимо опустевших улиц, заваленных оборванными ураганом ветками и украшениями – теперь они уже выглядели не столь яркими и праздничными. Мимо роскошных домов с выбитыми ветром окнами, мимо раскрошенных в щепки торговых рядов, мимо разбитых экипажей. Не все успели укрыться от непогоды, и улицы были полны стонущих раненых людей, пытавшихся выбраться из-под обломков. Даже Великое Дерево на центральной площади теперь нагое, с содранными ветром листьями, с поломанными ветвями, выглядело уже не столь величественным. Волшебные плоды валялись на земле между обломков и искалеченных тел горожан, превратившиеся в бурю склизкую кашу.

Но Цакль словно не видел всего этого, лишь сильнее кутаясь в плащ, он шел и шел через город, временами наворачивая круги, плутая, через луг, к серой стене, за которой был его дом. Лишь дойдя до нее, он вспомнил, что так и не вернул термос баристе, забыв его в доме Сказочника. С минутой он простоял, размышляя, стоит ли рисковать еще больше, задерживаясь, дабы вернуть его, как вдруг услышал какое-то шуршанье и поскребывание по ту сторону стены. Источник

этого звука громко чихнул.

– Будь здоров, – на автомате пожелал Цакль. Порыв ледяного ветра забрался под плащ и покрыл тело мурашками.

Где-то вдалеке, по ту сторону луга, где прежде стоял сияющий Теририй, в небе полыхнула молния, ударяя в Великое Древо.

Я готов был разделить с тобой свой рай, но этими же самыми руками, которыми мы могли бы построить его, мы сплетем веревку, что затянется на моей шее. Я должен был бы бежать от тебя как можно дальше, дабы спасти свой мир, но разве сбежишь от самого себя?

Скажи мне, сколько кругов Ада нам предстоит пройти, сколько раз нам придется умирать и вновь возрождаться пока мы не найдем тот сказочный город?

Тень

Никита сидел на подоконнике, уставившись на проходящих мимо людей. Так проходили почти все его дни – после школьных занятий, мальчику только и оставалось что пялиться в окно. Хотя ему уже исполнилось десять, его никуда – никуда не пускали одного. А гулять с Никитой было некому...

Утром в школу его отводила мама, а днем забирала строгая нянька, которая была весьма нелюдима и особо не разговаривала с мальчиком. И пусть дома его ждал телевизор, дедушкино радио, компьютер и даже новенькая приставка – даже вымышленные миры фэнтези игр и фантастических фильмов не могли заглушить в его сердце странную тоску, когда в окно лились теплые лучи летнего солнца, а через раскрытую форточку слышалось пение птиц.

Никита жил с бабушкой и вечно занятой мамой, иногда бравшей сына на прогулки по выходным. О, эти выходные определенно были праздниками для засидевшегося дома мальчика. А вот отца у Никиты не было. Ему говорили, что тот оставил маму незадолго до рождения сына. Не пожелал создавать семью и скрылся бесследно, дабы не платить алименты.

Мама не любила затрагивать эту тему, и стоило ему начать расспрашивать начинала злиться. Она вообще любила

злиться – по поводу и без, а когда злилась, говорила Никите, что он похож на своего негодяя отца.

И мальчик однажды убедился в этом. Тайно роясь в маминой сумке в поиске мятных леденцов, которые она вечно таскала на работу, дабы беречь горло (она с утра до вечера вела языковые курсы и очень любила кричать, так что под конец дня у нее нередко садился голос), Никита наткнулся на маленькую помятую фотокарточку. На ней мама стояла в обнимку со статным мужчиной чуть старше нее и чертами лица, так походившим на Никиту. Глядя на фотографию, мальчик невольно подумал, – а ведь если бы не я, они бы возможно еще были бы вместе... Его мама была такая счастливая, красивая и молодая на этом фото... А в реальной жизни она все время ворчала и кричала, вечно уставшая, вечно торопящаяся и вечно недовольная. На этот раз мятные леденцы он красть не стал...

Как назло, окна их маленькой квартирki выходили на сквер, и вечерами после учебы, мальчик смотрел как там – за стеклом, гуляют и смеются другие люди. Он так до конца и не смог понять почему ему нельзя туда – погулять хотя бы на сквере перед домом с друзьями. Но мама вечно пугала его всякими страшилками и убеждала, что ему слишком рано гулять одному – ведь улица полна опасностей. Пока что самую большую опасность представляли ее рассказы – Никита плохо спал после них, мучаясь кошмарами по ночам каждый раз после такого «предостережения».

Сегодня на улице было оживленно – люди, воспользовавшись жарким июньским днем не теряли времени даром и высыпали на улицу, а мальчику оставалось лишь завидовать им, наблюдая за чужим счастьем с подоконника и гадать, когда же мама наконец-то уйдет в отпуск и пойдет гулять с ним. А она все обещала, и все откладывала, ссылаясь на очередные курсы, которые помимо нее никто не потянет. Дедушка еле ходил и почти не покидал дома, да и мама строго настроенно запретила им выходить без нее – вряд ли старик смог бы защитить ее драгоценное чадо от всех ужасов опасного внешнего мира.

Увидев целующуюся парочку на скамейке, Никита безразлично сморщился и резко отвел взгляд на тропинку прямо перед домом. И там, посреди спящих людей его внимание привлекла странная фигура в черном балахоне. Она была среднего роста, а ее плащ был весьма небрежен и порван. Он волочился по земле, тщательно скрывая фигуру незнакомца (или незнакомки?).

Стоило мальчику посмотреть на него, как незнакомец словно почувствовав его взгляд обернулся и посмотрел в ответ. На лице у него была странная белая фактурная маска, монструозная, но гиперреалистичная. Она повторяла черты человеческого лица, но невероятно искаженно, гротескно и вся была изборождена темными вмятинами. Нечто задрало голову (они жили довольно невысоко, на третьем этаже) и уставилось прямо на мальчика белесыми глазами с малень-

кими, суженными черными зрачками. И никто на улице не обращал внимание на это создание, люди просто проходили мимо, а иногда и сквозь него.

Оно растянуло рот в широкой улыбке и тогда мальчик, увидев, как широко раскрывается пасть этого нечто, понял, что никакая это была не маска... Существо подняло скрытые плащом руки вверх, которые под лохмотьями походили на крылья и держа их полукругом, как в древнем ритуале солнцепоклонников, застыло. В его взгляде, обращенным на ребенка было столько обожания и... голода.

Мальчик не мог пошевелиться от страха. И тут из толпы, слепой к этому созданию, выделилась фигура юноши, решительно направлявшегося прямо к ней. На вид ему было лет под тридцать, он был хорош собой и одет пусть и немного старомодно, но весьма стильно. В руке он держал черную трость и на каждом шагу выбивал ей какой – то ритм.

Существо услышало этот стук и резко обернулось.

– Ниииииик! – крик матери вырвал мальчика из оцепенения. Она звала его на иностранный манер, что его жутко бесило всегда. Он резко дернулся, оторвав взгляд от окна.

– Ты опять сидишь на подоконнике! Обвалишь! И кто чинить будет? А главное на что? Я же просила!

– Но мама... Мама, посмотри... Там, на улице, там было чудовище...

Ну и где твое чудовище? – спросила мама.

А я его и впрямь уже не было. Лишь также на сквере

сновали шумные, веселые, лопающие мороженое счастливые люди. И в последний момент, когда мама, подхватив его под руки, стала стаскивать злополучного подоконника, Никита увидел того самого юношу с тростью. Их взгляды на мгновение встретились, и мальчику показалось, что незнакомец улыбнулся и хитро подмигнул ему.

Порой ночью, когда Никите было тяжело уснуть, он на цыпочках проскальзывая мимо храпящего деда и комнаты матери, тихонько, еле дыша, открывал дверь и уходил гулять.

На какой-то период после «встречи» с Черным Нечто (так Никита прозвал странную фигуру в черном), мальчик прекратил свои ночные похождения, но мама, бабушка и доктор Андрей Сергеевич убедили его, что это не более чем фантазия, и сегодня, после длительного перерыва, он наконец – то решился выскользнуть из дома.

На сквере было свежо, чуть прохладно, и первое время лишь цикады нарушали ночную тишину. Никита, размяв ноги, плюхнулся в ароматную, мокрую от росы, пропавшую клевером траву и смотрел, как облака, лениво переносимые слабым ветерком, обнажают сияющий лунный лик.

И тут, когда последнее облачко перестало загораживать луну, мальчик услышал шорох позади себя. Ему стало очень страшно, но он заставил себя подняться на резко ставшие ватными ноги. А шорох нарастал. Логичнее всего было бы броситься напрямик домой, но самое громкое шуршание раздавалось сзади, в стороне дома, да и слыша приближение

нечта, Никита потерял голову от страха.

Он в панике бросился прочь, вспомнив все те ужасы, о которых ему так часто рассказывала мать. Звуки усилились, и это был уже далеко не шорох, а смесь полязгиваний, кланданий и похлопываний. Никита почти не оглядывался, но ему казалось, что пространство за спиной словно поглощает тьма, и не помня себя, сломя голову он бежал вперед.

Выбегая из арки на одну из улочек, мальчик заметил прямо перед собой фигуру и, не успев затормозить, врезался в нее. Его схватили чьи-то сильные теплые руки и прижали к себе. А он все барахтался и кричал, пока не потерял сознание...

Когда Никита очнулся, он увидел перед собой звездное небо в прорехах меж уже начавшей желтеть листвой. Вспомнив случившееся ранее, он резко вскочил и увидел перед собой того самого старомодно одетого юношу с тростью. Вблизи он смог наконец лучше разглядеть его. Рыжеватые, чуть длиннее обычного волосы, местами чуть завивались, а местами торчали ершиком. Глаза у него были непонятного цвета – порой они казались карими, почти черными, порой ореховыми, иногда отливали синевой, а под определенным освещением в них угадывались зеленые нотки – но возможно все дело было в тусклом свете уличных фонарей.

Мальчик был в растерянности, не зная, что ему делать, его всего трясло. Незнакомец опустился перед ним на колени и прижал дрожащего от страха и холода ребенка к себе.

– Ну, ну, – приговаривал он, с заботой поглаживая мальчика по спине, пока тот, рыдая, заливал слезами и соплями его аккуратно выглаженную строгую черную рубашку.

Когда Никита более – менее пришел в себя, незнакомец протянул ему руку.

– Прогуляемся? – предложил он – Не переживай, со мной на тебя никто не нападет, а я заодно расскажу тебе кое – что интересное. Будешь? – незнакомец протянул ему мятный леденец.

Мальчик, все еще в шоковом состоянии, на автомате взял конфету.

Спасибо, – прошептал он, и пошел следом за незнакомцем. Конфету он положил в карман, попомнив слова мамы о том, что опасно есть то что тебе дают незнакомцы, а отказаться как ему показалось, было бы невежливо.

Незнакомец шел неспешно. Он нисколько не хромал, и не опирался на трость, зато постоянно выстукивал ей какую – то странную мелодию. Выдержав паузу, он начал.

– Итак, мой дорогой маленький друг. Меня зовут Седьмой, но мои вроде как братья и сестры – у нас в семье весьма нестандартные взгляды на половую принадлежность, зовут меня Везучик. А тебя зовут Никита, я знаю.

– Ты следил за мной?

– Немного, но знаю вовсе не поэтому. И не торопись пугаться – ведь если бы не следил, кто знает, что бы с тобой приключилось этой ночью... Но не будем о грустном. Тебе

ведь интересно узнать, что за создание ты видел тогда у себя во дворе? И кто преследовал тебя сегодня?

– Мама и доктор говорят, что это фантазии... Или, – тяжело сглотнув, мальчик произнес страшное слово, – болезнь...

Седьмой рассмеялся, обнажив белоснежные зубы с на удивление острыми (но не слишком) клычками.

– Мой маленький друг, ты можешь конечно называть их и фантазиями, и болезнью, но я зову их Тенями.

– Значит они... Настоящие?

– Смотря что ты подразумеваешь под настоящим. Думаешь, раз оно в твоей голове – сразу значит фантом, выдумка? – Седьмой хитро улыбнулся.

Никита задумался, понял, что ничего не понял и спросил, – а они плохие, эти Тени?

– Не плохие, и не хорошие, просто у них на тебя могут быть свои скажем... виды... И не всегда, мой друг, далеко не всегда они будут совпадать с твоими собственными.

– И как мне быть с ними? Как мне быть, если они снова придут ко мне?

– Я вот для этого я как раз-таки тут. Смотри. Я научу тебя. Во первый, мой маленький друг, тебе важно знать и понимать, чего Ты хочешь, ведь Тени видят тебя не как обычные люди, они заглядывают прямоком в твою душу. И от того, что они в ней увидят, подчастую зависит твоя судьба.

– А почему я? Почему я их вижу, а другие люди тогда просто проходили мимо?

– Потому что ты чем – то похож на них, мой мальчик, тоже видишь сокрытое от чужих глаз. Тени всегда снуют среди людей, но те, то способен их увидеть их, для них словно свет фонаря в темноте для мотыльков. Но скоро светает, давай я провожу тебя домой, пока твои родные не проснулись и не спохватились.

И с тех пор Никита все чаще сбегал из дома по ночам и гулял со своим новым другом. Тот рассказал ему удивительные вещи – о мире, о себе, о Тенях. Сам Седьмой, по его словам, был существом весьма древним, возникшим еще на заре времен, когда людей и в помине не было. И с тех пор он, вместе со своими братьями и сестрами снует между мирами, меняя обличья.

Однажды во время прогулки Седьмой достал из кармана пачку карт и начал бойко их тасовать самыми замысловатыми способами. Карты Седьмого были не обычные, игральные, а какие- то странные, с фантастическими животными, людьми, магическими символами, все в кубках, жезлах, монетах и мечах.

– Знаешь, я ведь еще и Трюкач, сегодня я есть, а завтра и нет меня, – сказал он, пристально смотря на мальчика и вытаскивая одну из карт.

– Прямо как мой папа, был и пропал по словам мамы – невесело рассмеялся Никита.

На этой карте посреди тьмы, задрвав голову кверху лежал юноша с мечтательным взором, а вокруг него стояли семь

кубков, и наполнение каждого из них было страннее предыдущего...

– Хм... – промычал Седьмой и быстро спрятал карту.

После этой встречи он пропал.

Прошло три года с тех пор как Никита последний раз видел Седьмого. Он довольно долго ждал его появления, тайком выбираясь ночью из дома, но тот словно канул в бездну. А вот Тени иногда давали о себе знать – даже чаще чем прежде, то тут пошуршать во время его ночных прогулок, то там поскрежещут. Иногда он даже видел, как тени резко удлинились и словно тянулись к нему. Но после прогулок с Седьмым он уже не боялся их как прежде, и они не трогали его – лишь наблюдали поодаль. Никита больше никому не рассказывал о них – три года назад, его родные отнесли к этому как фантазии. И юноша понимал, что никто не захочет слушать о них, предложат полечиться, скажут забыть и все...

Первое время, когда Седьмой только – только перестал приходить к нему, Тени особенно сильно мучали его, приходя в кошмарных снах, Никита лишь съёживался в кровати, вспоминая своего друга и плакал.

– Они опасны тебе, лишь когда ты боишься их, Тени отлично чувствуют страх, – вспоминал он его слова и пытался собрать всю свою смелость дабы успокоиться после жутких образов, снявшихся ему. И страх становился все слабее и слабее, пока почти не исчез.

Пару месяцев назад дедушки не стало... Мама с его смер-

тью стала еще более раздражительной. Она могла резко сорваться, разрыдаться. Никита больше не ощущал в ней опору, как прежде. Порой она сама вела себя как ребенок, а подрастающий юноша понимал, что собственную маму в качестве ребенка он не вынесет, и дистанцировался от нее.

Он хотел бы помочь ей, поддержать ее в их общем горе, но у него каждый раз вставала картина перед глазами – когда они нашли дедушку утром, уже окоченевшего, белого как полотно, мама забилась в истерике, разнося и круша все вокруг, ломая вещи, а он – мальчик, впервые столкнувшийся с смертью, обливаясь слезами, посреди этого погрома, набирал номер скорой...

И сейчас ему особенно не хватало Седьмого. Никита уже с опозданием понял, что видел в нем отца. Он до сих пор так до конца и не понял, был ли тот действительно магическим духом, принявшим человеческое обличье или же просто сумасшедшим, который каким-то образом уловил (или сделал вид что уловил) его галлюцинации. Первый вариант был уж больно фантастичным, а второй казался слишком сложным, уж больно много совпадений.

Однажды, в солнечный весенний выходной, Никита, гуляя по улице (теперь мама уже разрешила ходить одному, но пугать страшными историями принялась еще пуще прежнего) понял, что хочет проведать дедушку. Он сел в душный, битком забитый автобус и уже через полчаса был на кладбище. Могила деда, окруженная зарослями с двух сторон, на-

ходила с края кладбища. Само кладбище было весьма заросшее и походило на лес с торчащими меж деревьев крестами.

Вглядываясь в столь дорогие черты, выгравированные на гранитном памятнике, Никита услышал, как из зарослей напротив его кто-то позвал. Голос раздавался совсем близко, но говорящего видно не было.

– Ты теперь совсем один?

– Кто ты? И откуда знаешь меня? Мне твой голос незнаком.

Раздался тихий смех.

– Голос незнаком, а вот меня ты отлично знаешь, а я тебя – тем более.

– Ты – Тень?



– Угадал.

– Тогда покажись.

– Не стану, я не хочу пугать тебя.

Никита замялся в нерешительности. Седьмой сказал, что Теней бояться не стоит – себе дороже. И в принципе у многих из них нет особых целей навредить тебе. Да и мальчик до сих пор так и не решил, считать их настоящими или нет.

А Тень тем временем продолжала.

Она говорила мягким, вкрадчивым, почти убаюкивающим голосом, – ты теперь ведь совсем один? Отец ушел, дедушки больше нет, а твой якобы покровитель – Седьмой, тот еще хитрец, тоже оставил тебя.

– У меня есть мама...

Тень грустно рассмеялась, – нет, это ты есть у мамы, а мамы так таковой у тебя больше нет.

И Никита вдруг понял, что так оно и есть. Ему стало ужасно тоскливо.

– Ты один, мой мальчик, ты остался совсем один.

– Да, я остался один, – грустно повторил Никита, и слезы закапали на могильную плиту.

– Такой юный, и такой взрослый, – нежно прошептала Тень, и из зарослей показалась темная тонкая рука.

Никита прикоснулся к ней, на ощупь она не чувствовалась, но при этом каким-то шестым чувством он ощущал тепло, исходящее от нее...

Санитарка в психиатрии поспешила на раздавшийся звонок. Когда она открыла дверь, перед ее взором предстал самый красивый из виданных ей юношей – он был немного (но лишь слегка) старомодно одет, в его глазах «хамелеонах» угадывались самые разные цвета и оттенки, а рыжие чуть отросшие волосы явно не хотела аккуратно укладываться. Правой рукой он опирался на трость. Санитарка была уже в годах, но даже годы не мешали ей заглядываться на молоденьких, особенно столь симпатичных. Она мгновенно покраснела, а посетитель, заметив это, хитро улыбнулся.

– Я пришел навестить Никиту... Никиту Апплетина.

– Но у него же нет родственников.

– Как так нет? А как же я? – с выражением чистого изумления спросил юноша.

По документам его давно сдала мать, и та умерла уже. Про других родственников она ничего не говорила.

– Ааа, так я вам все объясню, извольте. Моя мама – сестра Никиты, я его племянник, но она рано вышла замуж, сменила фамилию, отреклась от семьи. Знаете, там такая тяжелая история, – посетитель скорбно посмотрел в пол, а затем лукаво подмигнул санитарке.

– Но может вы, прелестный ангел, опустите эти формальности, и пустите меня, недавно осиротевшего племянника повидать своего дядюшку? Он последний кто остался у меня, – и посмотрел на нее ТАК, что она покраснела еще сильнее и смущенно замолчала.

– Молчание – знак согласия – бойко выпалил юноша, и с чувством чмокнул ее в щеку.

– Простите, не смог удержаться, вы чудо, право!

Да, санитарка в годах не смогла выдержать такого натиска... Без шансов...

Она повела посетителя в маленькую палату, где в ряд на трех кроватях лежали пациенты – «овощи».

Остановившись перед кроватью «дядюшки» она с грустью призналась, – Видите, он в тяжелом состоянии, витает «где-то», до него не достучаться.

– Ничего, вдруг мне удастся.

– Боюсь, что нет, мы и так, и сяк бились.

– Вы в меня не верите, – юноша обезоруживающе улыбнулся, но санитарку от неловкого момента спас звонок в дверь.

– О! Еще посетители, – и вся красная от смущения, бросилась из палаты.

Ухмыльнувшись ей вслед, Седьмой (да, это был определенно он, нисколько не постаревший за это время – во всяком случае внешне) сел на краюшек кровати. Никита, превратившийся из милого мальчика в поседевшего, наполовину лысого и обмякшего от лежачего образа жизни мужчины, смотрел прямо перед собой. Его лицо то и дело дергалось, глаза бегали, но выражение в целом и общем было преисполнено блаженством.

В его мире грез (или это были не просто грезы?) он был

вечно молодым – бродил посреди сказочного леса, в котором было возможно все, что он только мог пожелать и гулял – гулял сколько душе угодно!

И тут, Седьмой тихонько запел. Он пел о маленьком мальчике, о юном волшебнике, запертом в теле дряхлого пациента психушки. И маленький мальчик в своем сказочном лесу услышал его песню, и по его щекам ручьем хлынули слезы. Где-то там – в другом мире он закричал от ужасного осознания и открыл глаза уже в этом.

Никита ошарашенно посмотрел на Седьмого.

– Ты! Ты! Я ждал тебя три года!

– Ждал, да не три года, а много больше, Никита.

– В смысле?

Седьмой тяжело вздохнул и достал из кармана зеркало.

Никита дрожащей рукой взял его и посмотрел в него.

– Это, это я? – с ужасом спросил он.

– Да...

– Но как? И где я?

– Ты в психушке, Никита. Ты ушел в невидимое и загремел сюда.

По щекам мужчины текли слезы, его всего трясло, он судорожно мямлял одеяло и приговаривал, – как же так, как же так.

А потом жалобно посмотрел на Седьмого.

– И почему? Почему ты пришел только сейчас? Я думал...

– Потому что ты сам сделал твой выбор. И никто, ни я, ни

Тени не смогут сделать ничего с твоей душой против твоей воли.

Мужчина с болью уставился вниз.

– И что теперь? Я буду вот таким?

Седьмой молчал.

– Я могу попросить тебя о последней услуге? Помнишь, ты говорил, что вы видите мир по-другому? Видимое, невидимое, вы ощущаете мир не в конкретном месте и времени, а целостно. Ты можешь показать мне? Я упустил свое время, заблудившись в мире грез, и хочу наверстать упущенное...

– Ха. Мой дорогой мал... друг, это не просто наверстать.

– Прошу тебя..., – из глаз Никиты закапали слезы.

– Я сделаю это, но – материальное тело долго подобного не выдержит. Пара мгновений и ты попросту сгоришь изнутри.

– Я готов, что мне терять? Драное одеяло и серые стены.

– Если таков выбор твоей души, да будет так. Ляг поудобнее.

Седьмой взял мужчину за руку, и в тот же момент в сознании Никиты словно вспыхнули миллиарды искр. Это было мгновение, но в этом мгновении заключалась целая вечность. Тот, кто почти и не пожил земной жизнью, теперь, за пару секунд пропускал через свое сознание бессчётное количество жизней, и самых разных версий существования.

– Благодарю тебя, благодарю тебя, что пришел ко мне, – слабая прошептал Никита и умолк навсегда.

Вскоре в палату, разобравшись с прочими посетителями,

пришла санитарка. Она застала там юношу, сидящего на кровати возле пациента.

– Как все прошло? – робко спросила она.

– Прошло, – грустно сказал Седьмой.

– Понимаю. Я же говорила, он уже не реагирует на внешний мир давно, – санитарка попыталась поправить одеяло и заметила, что пациент не дышит.

– Он... Он... – она бросилась мерить пульс.

– Он мертв! Что вы с ним сделали?! – женщина было бросилась к выходу из палаты, зовя на помощь, но, когда она вернулась с помощью, таинственного посетителя в палате уже не было.

Прекрасный принц

Маска – это не просто маска, это моя Персона! Мое второе лицо, что я открываю миру.

Достопочтенный Янис.

В столь далеком царстве, что я понятия не имею где оно находилось и, черт его знает, когда вообще существовало было весьма интересное (по нашим меркам) законодательство. А еще более занятным там было теневое управление, про которое знали все и не говорил никто (а если и заговаривал, то ненадолго).

А царство то было то весьма продвинутым – по улицам его, мигая красными глазами – датчиками катались, летали, прыгали и ползали всевозможные роботы, блистая напоказ всем оголенными шестеренками из нержавеющей стали, которые ни брала ни влага, ни стужа, ни арматура.

Жители из плоти и крови, а конкретнее люди оголяться в разумных пределах не стеснялись (а иногда и чуть заходили за грань разумного) – коротенькие юбочки, шортики – трусики, декольте (и вам повезло если через него виднеются нежные дамские персики, а не суровая волосатая грудь альфасамца) – это все пожалуйста. Прочие непотребства: всевозможные дома и улицы удовольствий, дурманящие созна-

ния вещества не сильно осуждались и в ряде городов даже являлась их изюминкой, не скрывающейся от закона и морали. Но никогда, никогда и никто не оголял прилюдно лицо! Даже в самых грязных порнографических журналах вы никогда бы не узрели подобного стыда! На всех плакатах, брошюрах, в эфирах день ото дня звучали подобные лозунги, – Береги честь смолоду, а лицо под маской! Пусть ваши щеки видят лишь самые близкие! Не вышел рожей – купи нашу маску из кожи!

А уж истории вроде: и вот ее маска чуть приспустилась, и я увидел кончик ее подбородка и краешек щеки с румянчиком, были способны свести любого мужчину с ума.

Маски здесь продавались практически везде. Масочный бизнес процветал – здесь можно было купить маску на любой случай жизни, из самых разных материалов и в самую разную цену. Ведь даже последний бомж должен был носить маску, а не то!

И правил в этом царстве бессменный Янис. Сколько ему было лет – никто не знал, ведь он, как и все прочие обитатели его монархии носил маски. Его маска, даже если и менялась, всегда выглядела одинаково – красная, с подведенным золотом глазами и золотым ободком. Наверху, по углам она чуть заострялась, придавая Янису чуть демонический, а значит – еще более внушительный и внушающий буквально потусторонний ужас, вид.

А маски, как всем известно, скрывают возраст лучше лю-

бого макияжа, и не только возраст – ведь никто и не знал тот же это самый Янис или нет.

И никто, никто под его управлением ни смел снять маску в общественном месте, а еще – тем более высказать свое мнение о Янисе. А если вы все-таки дерзнули – все местные роботы дворники и доставщики куты (местный аналог пиццы) стоило вам в следующий раз зайти в темный переулок, в нем вас и оставляли (в невинном расфасованном по мусорным пакетикам виде).

– Молодой человек, вы хоть понимаете, что вы сделали!

– Но... Но у меня было разрешение!

– У вас было разрешение на собрание, но кто, скажите мне, кто позволил вам открывать людям глаза, показывать им действительность, рассказывать им правду! Кто, кто вам позволил устроить это... это бесстыдное действие! – судья сорвался на крик.

– Вы, вы оголили свое лицо! Ну ладно мы, взрослые люди, но там же могли оказаться дети! А вы демонстрируете всему свету свой подбородок, свои щеки и... мне даже говорить это противно – свой нос!

Одна дама из числа присяжных, сильно покраснела (что было заметно по ее изящным ручкам и шее, но никак ни по лицу, прикрытому маской) услышав подобные речи, а на последней фразе не выдержала и с очаровательным стоном упала в очаровательный обморок, упав на пол с не очень очаро-

ровательным грохотом.

– Это отвратительный акт непотребства. Ну раз у вас есть ТАКИЕ НАКЛОННОСТИ, то сидите вы с ними дома, ну в крайнем случае в кругу своих таких же помешанных друзей, но выставлять напоказ – нет уж, не позволим! – судья грозно сверкнул глазами и со всей дури стукнул кулаком по трибуне.

Из судебных протоколов тридцатилетней давности.

В маленьком городишке Тимор праздновали Ежегодный Фестиваль Масок. Маленький Риан, его мама Лия и папа Деф надели свои лучшие маски и пошли полюбоваться на лавочки, уставленные самыми разными масками, всевозможными сувенирами, вкусоностями и конечно же парадом масок. Вся страна преобразалась в это время – становилась в разы ярче, пестрее. Фонарные столбы были увешены гирляндами, роботы подмигивали прохожим всеми цветами радуги, и все высыпали на улицы. По центральной улице, в вальсе кружились, захватывая захмелевших прохожих, полуобнаженные девушки в пестрых масках и далеком подобии одежды из полупрозрачной и легкой, почти призрачной ткани. Напролом, сбивая с ног ползли длинные гусеницы – «огнедышащие» бумажными лентами драконы, своеобразные гигантские роботы на тонких ходулях – ножках и промеж этого мельтешили столь желанные автобочки с дешманским бух-

он ненавидел их сейчас... А еще больше – он ненавидел себя – ведь если бы он был менее капризным...

Мама – всегда сильная, всегда веселая мама, что читала сказки ему на ночь, собирала в школу, готовила завтрак и утешала, когда он плакал, мама вдруг сломалась. Словно загнаный зверек посреди толпы чудовищ, она упала на колени и завывала, дрожащими руками прикладывая осколки к лицу, словно, не замечая, как острые края режут ее прежде красивое, покрасневшее от слез лицо. Если бы она только знала, что эти шрамы, изуродовавшие ее, так и не исчезнут.

И тут отец сделал то, чего Риан никогда не сможет забыть. Он снял свою маску, и схватив маму за ладони, не давая ей больше калечить себя, надел ее ей на лицо. Это ее немного успокоило, и вскоре всхлипывания и завывания затихли, лишь слезы продолжали стекать из под маски.

– Пойдем, – решительно сказал Деф. Он помог подняться маме и буквально потащил их в сторону дома. Всю дорогу на них оборачивались, наиболее скромные – шептались и хихикали, но большинство не стеснялось и их крики, дикий хохот всегда будут преследовать Риана. А отец продолжал идти, с гордо поднятой головой, словно всего этого и не было, поддерживая совсем ослабевшую от пережитого страха мать.

Сколько из нас, встретив красавицу в поражающей воображение маске, сочетались с ней браком и в первую брачную ночь, стораая от предвкушения наслаждения, дрожащей рукой развязывали тесемки, и узнавали, что там – под пре-

красной маской скрывалось безобразное лицо уродины?

Из очень секретных и незаконных брошюр общества антимасочников.

Прошло 23 года. Это был день похорон отца Риана. Матери на них не было – после случая с маской она так и не оправилась, стала похожа на тень. В начале вяло бродила по дому, кое как делала домашние дела. Все у нее валялось из рук, а увидев открытую дверь на улицу она бросалась в самый дальний угол и забивалась туда. Потихоньку она совсем обмякла и то безмолвно и бесцельно бродила по комнате, шарахаясь от гостей, то сидела и все пыталась собрать осколки той самой маски – в тот раз она, до боли сжав их в руке, забрала их с собой. Стоило ее склеить – и ее лицо на мгновение озарилось счастьем, но через пару мгновений ослабевшими руками она вновь роняла и разбивала маску и вновь принимаясь плакать. Какое-то время Риан с отцом раз за разом упорно склеивали ту самую маску – прочие она не принимала ради тех моментов счастья на ее лице, но истерика после каждой новой утраты была столь сильной, что они вскоре перестали это делать.

Отец долго крепился, старался поддержать сына, но даже он не справился. Может, если бы у них хватило духу отдать мать в клинику, им было бы легче, не пришлось бы видеть ее в таком состоянии каждый день, но рука не поднималась. Особенно тяжело пришлось Риану, ведь именно он тогда порвал ту злополучную тесемку.

Дэф никогда не винил сына в случившемся, но порой тому казалось, что, когда отец переводит свой взгляд с большой матери на него, в нем плещется пламя скрытого гнева. И в такие моменты ему самому хотелось забиться в самый темный угол...

В какой-то момент отец тоже сдал и стал более замкнутым, раздражительным. Он мог вспылить, но потом быстро умолкал и уходил в себя. А Риан во всем винил себя... И эти чертовы маски. Злоба на маски, на правила, установленные в их обществе, приносила хоть какое-то облегчение. Да, он вел себя как капризный мальчишка в тот злополучный день, но маску сорвал случайно, а все те люди смеялись над его матерью вполне осознанно.

На похоронах были в основном сослуживцы отца, все в черных траурных масках. Сам покойник по правилам был в белой. Когда один из пожилых сослуживцев отца подошел проститься, ему угораздило запнуться ногой о собственную трость. Старик благополучно приземлился лицом и грудью прямо на покойного. В кладбищенской тишине раздался стук от упавшей трости и звонкое – крак от ломающейся о камень маски.

Старику быстро помогли подняться и все невольно уставились на бледное лицо покойника. Ведь все из присутствующих, кроме его сына, за долгие годы дружбы и совместной работы ни разу его и не видели.

Риан медленно поднял раскroившуюся маску. Старик ви-

новато усталился в землю. Юноша поднял осколки над головой, внимательно осматривая места сколов на солнце, а затем резко, с каким-то омерзением отбросил ее в сторону. Старик дернулся, словно его ударили током.

Риан, под пораженные взгляды всех собравшихся, аккуратно развязал тесемки на собственной маске и бережно одел ее на покойника. Черная траурная маска жутко смотрелась на посиневшей коже и белых словно снег седых волосах. Молча, не проронив ни слова, Риан развернулся и ушел.

Он шел быстро, размашистыми шагами, а все вокруг глазели на него. Роботы следили за ним на расстоянии, но не приближались, пока тот шел по многолюдным улицам. А зевак становилось все больше и больше...

Риан вошел в первый попавшийся бар. На него – даже посреди сигаретного дыма, алкогольных паров, ползающих повсюду тараканов, вырезок из порно журналов на стенах, на которые пялились сальными взглядами толстые пропитые мужики, все обратили особое внимание. Все взгляды, проглядывающие через прорези масок – прежде захмелевшие, угрюмые или блаженные, сальные, мечтательные, сонные, теперь же выражали искреннее недоумение и презрение. Они – пропойцы, картежники, уродливые пошляки презирали его. Ведь наконец – то в их поле видимости попал человек, который по нормам общества почему-то считался хуже них самих. И конечно никто не упустил такую возможность – вскоре начали зубоскалить, кто – то даже закатывал

рукава, но в бой идти не решался.

Все еще находясь в полузабъты, Риан плюхнулся за стойку и попросил чистого виски. Бармен – рослый темнокожий мужчина, за годы работы в баре повидавший немало, посмотрел на него испепеляющим взглядом.

– Тебя – здесь поить не будут! Прочь из моего бара, извращенец!

В поддержку ему раздались вопли восхищения. Казалось, все ждали этой фразы. И без того шумный бар, заголосил весь, со всех сторон на Риана градом посыпались оскорбления, а людской поток грубо подхватил его под мышки и вытолкнул на улицу. Но в этом потоке была одна рука, вложившая в ладонь юноши бумажку. Инстинктивно он сжал ее и не разжимал ладонь до тех самых пор, пока не пришел домой.

Мать, увидев, что сын пришел домой без маски, испуганно вскрикнула и убежала в другую комнату. Риан устало опустился на стул и наконец то посмотрел, что же было написано на той бумажке. Он ждал оскорбления, но вместо него на ней кривым почерком был выведен адрес, а ниже подпись – приходи сегодня в полночь, не приведи хвост, бумажку сожги. Тайные доброжелатели.

Когда Риан пришел на место и постучался в дверь долго никто не отзывался. Затем раздался хриплый мужской голос.

– Шин, это тот парень, про которого ты говорил?

– Дапусти, дай то в глазок посмотрю! Тьфу ты! Да как я пойму в такой темноте, да в маске.

Послушалось недовольное ворчание, за дверью началась перепалка. Через пару минут (за которые он уже раз сто думал броситься бежать прочь от этого незнакомого места, а то мало ли что) она наконец – то открылась и перед Рианом стояли двое мужчин. Один из них – высокий и тощий, поджарый и молодящийся, судя по щегольскому серому костюму и подкрашенной (но уже неумолимо отросшей) седине был в скромной серой маске с вытянутым носом. Несмотря на скромность, она была сделана со вкусом и была украшена еле заметным, но элегантным узором. Второй же – чуть помоложе, был весь довольно округлый, с отдающей в желтизну коричневатую кожу, в старом просаленном свитере и легкой коричневой жилетке поверх. Он носил ярко желтую округлую маску с парой синих и красных симметричных точек по бокам.

– Сними маску, – сказал круглый.

Риан на минуту опешил.

Круглый тяжело вздохнул, стащил свою, показав заросшее щетиной пухлое лицо.

– А так?

Юноша снял маску и аккуратно спрятал за пазуху пиджака.

– Он? – уставшим голосом спросил тощий. В этот момент он почему-то напомнил Риану цаплю. Вытянутую серую цаплю...

– Он, пошли, – схватил юношу за плечо, круглый потянул

его за собой в другой конец коридора.

– А кто вы? Я же не могу так просто за вами идти.

– Мы, – заговорческим шепотом сказал ему круглый, – мы, те кого презирает наше надменное общество. Мы – общество антимасочников. Не бойся, мы не причиним тебе вреда, но доказать тебе в открытую что мы свои не можем – нас же сразу схватят. Так что придется тебе пройти с нами в эту закрытую комнату. Наш поступок очень вдохновил нас.

– Все хотели бы увидеть тебя, – сухо добавил тощий, и они втроем пошли вглубь коридора, где была еще одна дверь.

А за дверью Риана ожидало множество лиц – именно лиц, без масок. Всего в комнате (вместе с встретившими его мужчинами) было девять человек – в основном мужчины намного старше него и лишь пара женщин – одна в годах, но ухоженная и другая – серая мышка, помоложе, почти что его сверстница. И все девять пар глаз уставились на него.

Первой опомнилась дама в годах. Кокетливо стреляя глазами, она обратилась к новоприбывшему.

– Шин рассказал нам о вашей смелости, молодой человек! Мы собираемся давно, но выступать в открытую – на подобное из нас уже многие годы никто не решался. Расскажите, расскажите нам свою историю.

– Какой красавчик, – громким шепотом бросила она «серой мышке». А ведь в свои 33 Риан и впрямь был хорош собой, со статной фигурой, ростом чуть выше среднего, но

при этом на лице его, лишь слегка тронутым легкими морщинами проглядывали, казавшиеся детскими черты – чуть пухлые алеющие губы, большие вечно смущенные зеленые глаза. Русые, с небольшой рыжизной волосы забавно топорщились, а нос и верх щек был усыпан веснушками. Эдакий ребенок с телом взрослого.

Его усадили за стул, налили обжигающего бренди, и Риана в какой – то момент словно прорвало (вот что значит с психологическими проблемами не ходить к психотерапевту), и он рассказал все – про маму, про то, как по его вине разбилась ее маска, со злобой вспомнил реакцию окружающих, с тоской – ее нынешнее состояние. Потом рассказал про похороны, с которых так рано ушел...

И все слушали и внимали его словам. Особенно участливо слушала дама в летах, то и дело кивая и хлопая длинными нарощенными ресницами (судя по внешнему виду она была самой обеспеченной здесь).

Когда Риан закончил, она, словно зачарованная посмотрела в его глаза и протяжно молвила, – нам не хватало такого как вы, Риан. Мы, – она обвела глазами присутствующих, – как крысы, прячемся за стенами, но вы – пусть даже в состоянии аффекта, вы – показали им.

Со всех сторон раздались крики, но на этот раз – уже одобрения.

Все девять пар глаз с восхищением смотрели на него. Все улыбались ему, мужчины одобряюще хлопали по плечу, жен-

щины (целых две) мило кокетничали (а еще без масок, ух, горячо).

Но что – то в этом их восторге было пугающее. От выпитого бренди Риана начало клонить в сон, а люди все наплывали и наплывали на него, словно в своем восхищении пытаясь поглотить его.

– Я, пожалуй, пойду, – уже чуть заплетающимся от алкоголя и сонливости языком сказал он, и направился к выходу.

Все, еще более захмелевшие нежели он, выстроились напротив, прощаясь с ним. Дама в летах на прощание коснулась его щеки, а затем, резко обернувшись, обратилась к остальным.

– Неправда ли он прекрасен? Такой юный и храбрый, прям как истинный принц! Ах если бы мы были хоть немного такими как он.

Тощий мужчина, похожий на цаплю, чуть шатаясь, заметил, – А ведь мы можем, – и тонкими пальцами подобрал со стола нож.

– Господа! Господа! У нас есть ножи, а у меня, прошу заметить, с собой швейный набор – подлатать костюм если что. Так вот, мы можем каждый



взять по кусочку нашего нового друга и пересадить их себе. Так, мы станем едины и станем похожи на него – сначала частью нашего лица, а затем и нашей душой!

Все заплодировали. Риан опешил. Прекрасный уютный вечер за пару минут превратился в жуткий кошмар. Опьянение как рукой сняло. Пока все рассматривали швейный набор Тощего и хвалили его идею, он похолодевшей рукой нащупал дверную ручку и уже почти выскользнул наружу.

– Наш прекрасный принц, куда же вы? – окликнула его дама в летах, и Риан побежал – так быстро как не бегал никогда прежде.

А они бежали за ним, пятеро отстали, но четверо – тощий, дама в летах, серая мышка и еще один неказистый мужчинка бежали за ним вплоть до самого дома.

А на улицах столь тихого городка в такое время как назло никого. Лишь роботы мигают датчиками, но почему-то не бросаются его спасать...

И вот, когда Риан бросился к двери, дабы открыть ее и спрятаться в доме, он замешкался с ключами и его повалили на землю.

Его грубо повалили на землю, мужчины зажали его, а женщины принялись резать.

– Оставьте мне глаз, глаз, – потребовал неказистый мужчина.

– А я возьму губы, они такие сладкие, – почти что пропела девушка, вонзая в них нож.

Риан какое – то время вопил, но никто не пришел к нему на помощь, а вопить вскоре стало нечем. Лишь его безумная мать стояла у окна и в пустой взгляд смотрела как в тусклом освещении уличного фонаря с ее сына снимают лицо.

Наспех – на пару швов привязав к себе свои трофеи, бравая четверка видимо начала уже трезветь – от боли и ночного холода, и бросилась в бега.

А мать все стояла и смотрела в окно на уже недвижимое тело.

– Они убили тебя? – с полувопросительной интонацией сказала Лия, не желая осознавать увиденное. Но ответом ей послужила лишь тишина.

– Они убили тебя, – потеряв последнюю надежду прошептала она. Старуха отвернулась от окна и растворилась во тьме комнаты.

– Где моя маска?! Где моя маска!!! – раздались ее плаксивые, как у капризного ребенка, крики.

А красные «глаза» подбирались все ближе и ближе. Они найдут тебя, прекрасный принц, что так и взошел на трон, и перемелют своими шестеренками. Они отыщут всех тех, кто носит частицу тебя на себе и перемелют и их... Остается лишь надеяться, что те капли крови, которыми ты оросил землю, когда – нибудь да и дадут свои плоды.

Олеко

Как вчера, как позавчера, и как много-много-много дней до этого Зоя устало брела по темному скверу домой. Было поздно, и на слабо освещенных желтым светом уличных фонарей дорожках, кроме нее, никого не было – во всяком случае, так ей казалось: в то время, когда она уходила с работы, большинство людей после тяжелого трудового дня уже всю наслаждались домашним уютом. Ей же из наслаждений сил хватало только на одно – сон. Несмотря на позднее время, Зоя почти не испытывала страха – ей, как и многим другим, попавшим в круговорот: работать чтобы выжить, выжить чтобы работать чтобы выжить, казалось, что со смертью она не так уж многое теряет. Но эта наивная установка в большинстве случаев работает ровно до тех пор, пока не случается нечто, грозящее прервать существование.

Сзади, посреди тишины, прерываемой лишь шагами Зои, раздался тихий стук, словно кто-то уронил на асфальт металлические шарики. Девушка испуганно оглянулась и в десяти метрах от себя посреди дороги увидела (насколько можно было что-то увидеть в тусклом свете фонарей) странное жестянокоподобное нечто, стоявшее на тонких «паучьих» лапках. Нечто, по всей видимости, обладало разумом, так как осознав, что его заметили, тоненько пискнуло и скрылось в кустах. Зоя на минуту впала в ступор – никогда прежде ей не

доводилось видеть разумные жестянки, и тем более, никогда они не бегали за ней в одиннадцать часов ночи по безлюдному скверу. Ей стало жутко, и она, ускорив шаг, пошла на выход из сквера, решив пойти чуть более многолюдной, хоть и более длинной дорогой, попутно высчитывая, через сколько недель ей хватит универсального человеческого ресурса – времени и денег на посещения психиатра.

Аллея закончилась, и Зоя оказалось посреди площадки, утыканной клумбами и уродливыми скульптурками, по краям которой под сенью диких яблонь ютились скамейки – на одной из них, несмотря на поздний час, кто-то сидел. Когда девушка проходила мимо, незнакомец заговорил с ней.

– Какая же безвкусица весь этот их парк, не находите? Насадил что лучше растет, наставили пухлых серафимов на высоких пьедесталах – а где изящность, где гармония? Вот видели бы Вы мой сад... Хотя я с радостью предоставлю Вам эту возможность... Уж на что стоит взглянуть – говорил он противным гнусавым голосом, глядя на девушку, которая всеми силами старалась сделать вид, что не слышит и не видит его, попутно ускоряя шаг и отгоняя весьма неприличные и мерзкие (но чем-то цепляющие) ассоциации на последние фразы незнакомца.

Тогда, пока она еще не успела скрыться, мужчина окликнул ее по имени.

– Зоя!

Девушка резко остановилась. Ее общение уже давно огра-

ничивалось лишь узким кругом коллег, и, решив, что чудом натолкнулась на кого-то из прежних, давно забытых ею друзей, она с надеждой пыталась разглядеть в темноте лицо говорившего.

– Зоя, – с упреком продолжил говорящий, – ради встречи с тобой я выбрался из своего прекрасного сада в этот жуткий мир с его уродливыми гипсовыми серафимами. А ты, ты меня даже не слушаешь! Ну Зооояя! – капризно протянул он.

– Мы разве знакомы?

Кроны деревьев бросали столь густую тень на незнакомца, что лица было не разглядеть, а голос Зоя, хоть убей, не могла узнать. Мужчина медленно поднялся со скамьи и вышел в полосу света.

– Простите, но я не помню вас...

Девушка могла поклясться, что ни разу не видела этого человека прежде, но откуда, откуда тогда он знал ее имя? Ей стало совсем жутко.

– Конечно, не помнишь, ты же меня раньше не видела, – невозмутимо, с интонацией взрослого, разъясняющего ребенку очевидные вещи, ответил незнакомец и представился, – Я – Олеко, и чуть потупив взгляд, не без хвастовства добавил, – один из Первородных.

Его брови вздернулись вверх с намеком. Он с надменной ухмылкой уставился на девушку, ожидая, по-видимому, что это признание вызовет у нее восхищение, и, приняв страх в ее глазах за благоговейный трепет, гордо приосанился из

разряда – да, мы такие. Со стороны это походило на очень провальный подкат.

Теперь, когда Олеко не сидел на скамье, было видно, что он ненормально высокий – его рост навскидку был эдак два метра с кепкой. Его казавшуюся нездоровой худобу не могло даже скрыть его свободное странное одеяние – походившая на ночнушку и грязно-белая до щиколоток рубаша с длинными, расширяющимися книзу рукавами и серый плащ без застёжек, накинутый поверх. В его движениях было что-то неестественное, механическое – они были резкие, судорожные, словно в припадке. И когда эта подергивающаяся махина сделала шаг навстречу Зое, с детской улыбкой на устах (которая в исполнении Олеко выглядела ну очень жутко), девушка со всех сил рванула прочь.

Олеко, закатив глаза, тяжело вздохнул и щелкнул пальцами.

– Тим, фас, – уставшим голосом приказал он.

Зоя услышала топот маленьких металлических ножек за спиной, в следующую секунду что-то острое вцепилось ей в плечи. Девушка пронзительно завизжала, пытаясь с себя скинуть непонятное нечто, но одна из «паучьих» лапок легонько «ужалила» ее, после чего глаза мгновенно застелила тьма, и Зоя безвольно рухнула на асфальт – прямо в объятия своему новому знакомому, который уже был тут как тут.

Очнувшись, Зоя не сразу вспомнила произошедшее прошлой ночью и долго с изумлением осматривала комнату, в

которой оказалась. Она лежала посреди довольно жесткой кровати с посеребренными от времени простынями на чуть менее жесткой плоской подушке. Шерстяной плед умудрялся кусать ее даже через ткань просторной ночнушки, тоже ей незнакомой. Помимо кровати, в комнате стояли шкафы, заваленные пожелтевшими рукописями, изъеденными жучками, толстенными книгами и тонюсенькими брошюрками – и на всех была написана какая-то абракадабра на непонятном языке. Местами на полках лежали инструменты, какие-то детали и всевозможные механизмы, представлявшие из себя порядком проржавевшее месиво из винтиков, проводков и шестеренок. Все это было заляпано засохшим маслом и щедро присыпано сверху толстым слоем пыли.

Из соседней комнаты раздалась ругань вчерашнего незнакомца. От звука его писклявого голоса сердце у девушки вмиг упало, внутри все резко сжалось и похолодело. Она минут пятнадцать пыталась унять бешено колотящееся сердце и перевести дыхание, а затем максимально тихо села в кровати и стала осматриваться на предмет чего-нибудь острого... или тяжелого...

Собравшись с духом, Зоя на цыпочках выскользнула из кровати, аккуратно вытащила, застрявший между книгами ржавый обломанный нож и и подкралась к окну. Из хорошего она увидела, что место ее заточения находится на первом этаже. На окне не было никаких решеток, а сама рама закрывалась изнутри на обычную щеколду – это было подозри-

тельно непредусмотрительно, но кто знает, как работает голова у этого психа? Из плохого – окно открывалось в совершенно безлюдный сад. Из сухой, потрескавшейся земли, куда хватало глаз торчали остовы мертвых деревьев, а промеж них ютились причудливой формы скамеечки, словно собранные из остатков металлолома, и уже вросшие в землю причудливые механизмы (а может это были статуи назло всем Венерам и купидонам мира?). Более же удачливые собратья последних деловито носились меж всем этим бардаком и имитировали активную хозяйственную (но судя по итогам совершенно бесполезную) деятельность. Это явно была частная территория, а значит выбраться с нее вряд ли будет легко.

Но Зоя решила рискнуть. Взмолившись всем божествам, которых она смогла вспомнить, девушка осторожно поддела щеколду на окне – та предательски громко скрипнула в ответ. Зоя мысленно выругалась и замерла. Ругань и шум в соседней комнате все так же продолжались. Осторожно взяв с полки замаслившийся тюбик, она попробовала капнуть на щеколду. Масло оказалось вязким и вполне себе масляным, но довольно странным – коснувшись металла оно слегка зашипело и пустило пару ярких искр, зато щеколда наконец – то перестала скрипеть и начала поддаваться. Миллиметр за миллиметром, очень осторожно, Зоя раскачивала и отодвигала щеколду. Под конец она столь увлеклась процессом, что не заметила, как ругань в соседней комнате стихла и смени-

лась подозрительной тишиной... Длинные и очень холодные пальцы аккуратно опустили ей на плечи, обдав холодом.

– Милая, милая Зоя, неужели ты собираешься меня покинуть, – очень трагично прозвучал голос прямо у нее за спиной. Девушка застыла от страха. Правая рука «сползла» с ее плеча и резко, прежде чем Зоя смогла опередить похитителя схватила обломок ножа, который она положила на подоконник, дабы освободить руки.

Раздался смех и обломок полетел прямо в подоконник. Он был метнут с такой силой, что почти полностью вошел в доски прямо под носом у испуганной девушки.

Заметив, что она дрожит, похититель взял с кровати плед и накинул ей на плечи.

– Ооо, я вижу тебя впечатлил мой сад. Ты даже не смогла дождаться меня, так захотела прогуляться по нему, – с гордостью сказал Олеко.

– Но я бы настоятельно посоветовал тебе воспользоваться дверью. Пойдем, я тебе покажу.



После очень нудной и длительной экскурсии, в ходе которой Олеко останавливался перед каждым высохшим деревом, каждой, заполненной мертвыми цветами клумбой и каждый механизм в саду и давал подробные описания с использованием совершенно непонятных терминов, часть из которых видимо не имела аналогов в русском (а может и в человеческом) языке.

Иногда он начинал сетовать, что столько сил тратит на сад, а все растения вскоре как по волшебству умирают.

– Я столько изучал, столько делал, все по книгам, один в один, и нет! Все, абсолютно все засыхают. Но ничего, когда –нибудь я пойму, что это за наваждение, нужно больше упорства и тогда! Хотя мой сад и сейчас очень красив, неправда ли, Зоя?

Прошло, наверное, часа четыре (а по ощущениям целая вечность), когда Олеко, с жаром и пылом нахваливающий свои владения резко что – то вспомнил.

– Зоя, погуляй пока одна, чуть позже я вновь составлю тебе компанию, – пообещал он и... растворился в воздухе.

Придя в себя от шока после столь моментального исчезновения ее мучителя, Зоя словно в забытьи медленно брела по дорожкам сада. Ее охватило какое – то отупение. Сейчас было самое время придумать, как убраться отсюда подру-поздорову, но то что происходило было чересчур стран-

ным. Измученная шоком и длительной экскурсии она еле переставляла ноги вместо того, чтобы рвануть отсюда как можно скорее и как можно дальше. Но внутри у нее было какое – то интуитивное понимание, что это весьма бесполезно. Похитивший ее очевидно был сумасшедшим, и при этом он вселял какой- то нечеловеческий ужас, который вытягивал из нее все силы, заставляя цепенеть. Происходящее казалось каким – то нереальным, словно дурной сон. Вот буквально совсем недавно она жила обычной жизнью, спешила домой – и вот все рухнуло и неизвестно вернется ли обратно. А если и вернется – сможет ли она принять это после того что случилось? И какую плату придется за это заплатить? С чем еще ей придется столкнуться в этом мертвом саду?

Когда с нами случается нечто непоправимое мы столь настойчиво стараемся отодвинуть момент осознания, убеждая себя в том, что ну с нами то, со мной точно не могло такого случиться! И вот я открою глаза и окажусь у себя дома, в теплой кровати, а противный звон будильника вновь погонит меня на работу.

Но звонка будильника не раздавалось, и потихоньку осознание просачивалось в мозг Зои. В какой – то момент, не выдержав навалившийся на нее Истины, она рухнула на землю и зарыдала. Лицо, залитое слезами, волосы елозили по сухой земле, а она даже не замечала этого, пока в щеку ее весьма болезненно не ткнуло что – то жесткое.

В аффекте девушка резко схватилось за это нечто и злоб-

но дернула. Каково же было ее изумление и ужас, когда из земли показалось лицо мужчины. Она схватилась за трубку, торчавшую из земли, которая крепилась к маске на его лице (почти как у ныряльщиков). Отпрянув назад, девушка потеряла равновесие, упала и теперь могла лишь широко раскрытыми от ужаса глазами смотреть как нечто, смутно напоминавшее человека поднималось из земли.

Мужчина посмотрел на нее безумными глазами и замычал. А затем резко сорвал с себя маску, и порывисто дыша, словно каждый глоток воздуха мог оказаться последним, бросился к ней. Больше инстинктивно нежели осознанно, он схватился за худые плечи девушки словно утопающий и уткнув в нее лицо, перемазанное грязью, зарыдал навзрыд. В тот самый момент, когда его руки вцепились в нее, Зоя не выдержала и завопила, но, как и ожидалось, никто не пришел ей на помощь.

Так они и сидели. Шли минуты, и отойдя от шока, девушка ответила на объятия незнакомца, внезапно ощутив поддержку в возможном собрате по несчастью.

Мужчина поднял на нее заплаканные глаза и трепетным шепотом, с выражением ужаса спросил что – то на непонятном языке.

Через мгновения спохватившись, он заговорил на английском, и Зое пришлось напрячься и вспомнить свои школьные и студенческие года дабы понять его, – а он здесь? Первородный здесь?

– Кто?

Увидев непонимание на лице девушки, незнакомец пояснил, – тот, кто нас похитил. Высокий мужчина. Хотя какой он мужчина...

– Он сказал, что ему надо по делам и... Может я сошла с ума, но он растворился в воздухе.

Лицо мужчины озарилось надеждой и радостью.

– Ушел? Правда? Аааа, тогда у нас есть шанс. Слушай меня внимательно, – он быстро огляделся и приблизившись к лицу Зои и быстро затараторил.

– Меня зовут Алим и я, я давно изучал подобных ему. И мне хватило глупости попросить у него помощи... – его лицо пронзила гримаса боли и сожаления.

– Зачем, зачем я только это сделал, наивный человек, – принялся было причитать он, но быстро взял себя в руки.

– Пойми, наш похититель – не человек, он что – то вроде древнего Духа, и просто так нам его не одолеть. И отсюда так просто не уйти, пока он сам нас не отпустит, а он не отпустит. Мы в другом измерении. Но есть надежда, пусть и ничтожная. Слушай меня внимательно, я читал, что есть способ – столь простой, что кажется нереальным, но может нам повезет. Огонь, очищающий огонь может уничтожить этот мертвый мирок. И пусть тогда нам не выбраться, но поверь мне это в стократ лучше, чем остаться у него в заточении. Наши тела и души сгорят в очищающем пламени вместе с ним, но наши духи будут свободны, свободны! Будем молиться за

то, чтобы огонь очистил этот мир от него! – выпалил он буквально на одном дыхании. Его глаза горели, взгляд казался безумным, и увидев скепсис и сочувствие в глазах девушки, он смутился.

– Я... Я говорю правду, – заверил он, потупив взор.

– Лучше поверь мне.... И я так и не спросил, как зовут мою спасительницу.

– Зоя, меня зовут Зоя, – ответила девушка, помогая ему подняться.

Под слоем все время сыпавшейся с него земли сложно было идентифицировать внешность ее нового знакомого. Он выглядел лет под сорок, но грязь, отросшая щетина и изможденный вид могли неплохо его состарить. Черные, растрепанные от «воскрешения» волосы, карие глаза, резко выделявшиеся на фоне заляпанного грязью лица, рубашка предположительно, когда -то бывшая зеленой и свободные штаны с каким – то восточным узором – вот и все, что можно было сказать про его внешность. Он был среднего роста, но казался ниже, так как горбился, опираясь из-за бессилия на Зоино плечо.

– Мне право так неловко, что приходится меня тащить. Знаешь, ты ведь и сама можешь подпалить тут все. Боюсь от меня не будет особого прока, я могу лишь тормозить в таком состоянии.

Зоя все еще списывая все странное на причуды изможденного стрессом мозга и не желая верить в какую – то сверхъ-

естественную природу происходящего сразу же принялась горячо переубеждать его.

– Мы сбежим, нельзя терять надежду. И сбежим вместе, я помогу тебе...

Вдруг сзади раздался хлопок в ладоши. «Беглецы» резко дернулись от неожиданности.

– Ну вот я и закончил с делами. О, Зоя, вижу ты нашла себе нового друга. Ну как же так, я начинаю ревновать.

Голос Олеко раздавался сзади, и девушка пыталось было бежать, при этом продолжая поддерживать Алима. Смекнув в чем дело, тот резко оттолкнул ее.

– Беги, Зоя! Беги и спаси свой дух!

И Зоя бросилась бежать без оглядки. Вслед ей раздавался раскатистый смех Олеко. А она все бежала и бежала, задолго после того как он затих вдаль, но пейзаж не менялся – казалось этому саду не было конца и края. Не в силах бежать больше, Зоя рухнула на землю и пыталась отдышаться. Ей стало так мучительно стыдно, что она оставила Алима одного, с этим чудовищем. Но голос внутри успокаивал ее (если это вообще похоже на успокоение) тем, что она все равно не смогла бы ему помочь.

– А что если он был прав по поводу огня, и это был не просто бред сумасшедшего? Что если он все еще жив, и я могу освободить его дух от заключения так, как он сказал мне? – в любой другой ситуации она бы не поверила в подобное, но за сегодня произошло столько странного, а чувство

вины столь сильно душило ее, что девушка решила пойти на отчаянные меры.

Поднявшись, девушка с изумлением поняла, что дом находится у нее под носом, хоть она и бежала в противоположном направлении. Отдышавшись она вновь попробовала уйти прочь, но каждый раз, сколько бы она не шла, Зоя вновь и вновь возвращалась к дому.

На пятом круге она уже начала подозревать что все не так просто и логично, как хотелось бы, но зато у нее было время подумать.

На тот момент, когда уже в седьмой раз впереди показался дом, у Зои в голове созрел план. Она украдкой, прижимаясь к стене и осторожно заглядывая в окна направилась к двери – та была лишь прикрыта (а собственно от кого ее запирают?). Девушка понимала, что скорее всего столкнется с Олеко, но решилась рискнуть, ведь все необходимое для реализации ее идеи должно было быть где – то внутри.

И конечно он был тут как тут. Стоило ей приблизиться к двери в попытке незаметно зайти (окна были заколочены наглухо, а форточки слишком узки), как та резко раскрылась. Зоя не успела отскочить назад, и дверь буквально сшибла ее наземь.

– Оооо, Зочка. Ты вернулась, я так рад. Он рывком поставил ее на ноги.

– Ну, ну, – нежно проговорил Тринадцатый, увидя ее заплаканные глаза, из которых снова покатались слезы. По-

смотри на себя, лицо все красное, всё в слезах, соплях и слюнях, – Олеко засмеялся, – волосы растрепаны, одежда подрана, и вся в земле, – с улыбкой журил он ее.

– Нет, на погребение в таком виде нельзя. Да, ты конечно же перепачкаешься вся, лежа в земле, но закапывать тебя когда ты вся такая лохматая и в лохмотьях не дело. Ведь погребение – это праздник. О, моя милая Зочка, – он с жаром схватил ее ладони и притянул к своей груди, – это такой праздник. Твой друг такой везунчик, что ему удалось встретить его целых два раз в жизни. Но я надеюсь, что ты будешь менее капризной, и тебе хватит одного, – в этот момент в его на удивление теплых глазах (но даже лишь глядя на них ощущалось, что за этим теплом и радушием скрывается что-то поистине жуткое) мелькнула искорка гнева.

Услышав об Алиме Зоя ощутила, как все внутри болезненно сжимается. Человек, встреченный ей в саду, прежде незнакомый, всего за несколько минут успел стать для нее важным – как собрат по несчастью, встреченный ей в этом странном пугающем месте. И Зоя понимала, что если он, изучавший Тринадцатого до того, как попасть сюда, не смог выбраться, то у нее шансов и того меньше.

А Олеко тем временем воркуя под нос какие – то милые фразы, обхватил ее за плечи и поволок в ванну. Наполнив ванну водой, он попросил Зою поднять руки вверх и взялся за подол ночнушки. Девушка сильно покраснела и инстинктивно прижала руки к туловищу.

Олеко закатил глаза и вздохнул.

– Ты же уже поняла, что я не человек.

Зоя потупила взор, и стараясь не смотреть на него, сама стащила одежду, лишь бы избежать его прикосновений. Но стоило лечь в ванну, как он схватил губку и принялся ее намыливать.

– Для погребения ты должна быть чистой и ухоженной, так что я помогу тебе, – пояснил он, отскребая с ее кожи корку засохшей грязи. Вода в ванне вскоре стала черной от земли и когда Зоя смотрела в нее, ей казалось, что она находится в глубоком и страшном омуте.

Олеко очень аккуратно отмывал девушку, и казалось удивительным насколько у этого, казалось бы, жестокого существа бережные прикосновения. Тринадцатый попутно пытался развлечь девушку – болтал, не умолкая, шутил непонятные шутки, вроде – и вот два зенга заходят в бар на Алоне. Он даже запустил в ванну робоуточку, которая каким-то чудом (а точнее благодаря специальному покрытию) отлично «чувствовала» себя в воде, и периодически с громким криканьем хлопала крыльями, игриво обдавая девушку брызгами. Но Зою естественно все это не трогало. Она лишь молча поднимала то одну руку, то другую и поворачивалась как просил Олеко.

Наконец, когда очередная смена воды наконец – то оказалась прозрачной, а не черной, он помог девушки выбраться из ванны, насухо вытер ее, дал надеть чистую одежду, и уса-

див на стул, принялся расчесывать и сетовать на свою «тяжкую судьбу».

– Давным-давно, когда Земли еще не было, у моего отца появилось тридцать отпрысков. И каждому из нас он передал какую-то часть своих сил и поручил сферу влияния. Но только мои братья и сестры оказались намного более удачливыми – уж не знаю за что, но меня отец оставил почти без способностей. И в итоге пришлось всего добиваться своими мозгами и руками. Как видишь ...

И тут, взявшись из ниоткуда, в воздухе над головой Олеко появилось письмо и упало, задев его по носу.

Девушка, сидя спиной к нему не могла видеть этого, но услышала возглас и последующую ругань, когда Тринадцатый поднял конверт и прочитал странные символы на нем.

– Вспомнишь д*****, а вот и оно. Он отдал расческу девушке.

– Мне надо бежать, Семнадцатый зовет. Не люблю я эти семейные сборища, ну да ладно. Отдыхай и готовься к празднику, скоро вернусь – Олеко нежно обнял ее на прощание, щелкнул пальцами и растворился в воздухе. Зоя уже перестала чему-либо удивляться.

– Кажется судьба дает мне еще один шанс, хотя спасет ли он меня? – девушка бросилась рыться в доме. Все комнаты были открыты – бери что хочешь, если конечно ты сможешь это найти и отрыть в завалах, не оказавшись заживо погребенным под грудой «очень ценного» хлама.

Но девушке удалось найти что она искала – и это неудивительно, учитывая страсть Олеко к изготовлению всевозможных механизмов. Запыхавшись, она вытащила канистры с горючим к входу и полила им сухую траву, замкнув тем самым дом в кольцо. Она старалась это делать так, чтобы жидкость было видно только вблизи.

Тринадцатый вопреки обещанию пропал довольно долго. Когда он вернулся, дом был окружен огненным кругом, который стремительно разрастался. Олеко материализовался чуть поодаль, словно почувствовав неладное, поэтому не попал в пламя. Зоя, с очередной канистрой в руке, заметила его возвращение и лишь молча выругалась.

– Ну вот, все было напрасно, он теперь просто сбежит.

Она все это время вспоминала слова Алима о Духе. Зоя прежде никогда не верила в подобные вещи, но теперь она уже ничему не удивлялась и возможность остаться в плену у Олеко даже после смерти пугала ее. Она уже поняла, что живой ей не выбраться, но быть может смерть от огня освобождает ее Дух, раз пламя губительно для Тринадцатого? Он не сможет последовать за ней в огонь, дабы присвоить ее Дух себе на вечное служение.

Девушка пыталась собраться с духом, чтобы броситься в подступающее пламя – а времени было мало, Олеко был совсем близко, времени по идее не было совсем, но он стоял, оцепенев, а затем задрав голову к небу издал скорбный вопль.

– Мой сааааад! Мой прекрасный сааад! – он кричал столь жалобно, что Зоя ощутила нечто похожее на сочувствие. Тринадцатый тянул дрожащие руки к горящим остовам, которые когда-то с такой заботой и надеждой сажал. Маленькими шагами, чуть качаясь и заливаясь слезами он шел прямо огненную стену, к своим давно уже мертвым, охваченным огнем деревьям. Всхлипывания и громкие рыдания не прекращались, и Зоя поняла, что это одни из самых ужасных звуков, что она слышала в своей жизни.

Не понимая, что делает, девушка бросилась к Олеко, и схватив за руку, потянула за собой, бросившись прочь от дома, прочь от пламени. Она не знала куда бежит – ведь по опыту бежать то было некуда и зачем бежит. Но почему-то она чувствовала, что не может все оставить вот так...

Тринадцатый, несмотря на то что был намного сильнее девушки, не сопротивлялся. Он весь обмяк и покорно позволил тащить себя. Они бежали и бежали – прорываясь через заросли, спотыкаясь о кочки и камни, пока запах дыма не исчез совсем. Вопреки ожиданиям Зои они не вернулись снова к дому как прежде, видимо эти чары рассеялись. Они были посреди просторной поляны, когда она ощутила, что теряет сознание и упала на мягкий мох и колючую хвою.

Когда девушка очнулась, первым что она увидела, было голубое небо, обрамленное высокими соснами, тянущимися к свету. Она довольно долго смотрела вверх, вспомнив как в детстве вместе с другими ребятами они пытались разгля-

деть в облаках какие – то узнаваемые формы. Зоя долго не решалась оглядеться по сторонам, смутно помня, что было до падения, словно это было во сне и в глубине души надеясь, что это был лишь страшный сон. Но она ощутила, как чужая рука коснулась ее ладони.

Девушка машинально оглянулась, и увидела Тринадцатого, лежавшего на земле возле нее. Он тоже глядел на небо. В нем словно что – то изменилось (а может быть в ней?) и почему – то сейчас он не вызывал у нее страха. Заметив, что она очнулась, Олеко осторожно сжал ее руку в своей, и Зоя почему – то улыбнулась.

Олеко гордо вышагивал по почерневшей траве своего сада. На руках он бережно словно дитя нес неподвижное тело Зою. Девушка еще дышала, но находилась в глубоком забвении. Остановившись перед свежевыкопанной ямой, Олеко не удержался и словно вальсируя пару раз крутанулся с телом. Затем он бережно опустил тело в будущую могилу и с нежностью коснулся лба девушки. Олеко закрыл глаза и стал дышать в ритм дыхания своей жертвы.

– Огонь? Так вот какие легенды обо мне ныне слагают смертные. О, а это уже довольно мило... И так человечно... – на его тонких губах появилась улыбка.

– Я не зря выбрал тебя, ты и вправду заслуживаешь спасения. Спи, дитя, я подарю тебе покой, – он по – отечески нежно поцеловал Зою в лоб.

– А затем Сад поглотит тебя, и я буду оберегать тебя

до конца времен, – пообещал Дух и его слова вплелись в сон несчастной. В тот же момент она болезненно дернулась, словно от дурного сна, а ее лицо исказилось гримасой ужаса, но Олеко продолжал все так же нежно улыбаться.

– Эх, люди. Не ведают своего счастья. Он последний раз поправил тело, осторожно приладил маску с трубкой на лицо и вылез из ямы. Весело мурлыкая себе под нос он принялся забрасывать Зою землей.

Раз в сотню лет Повелитель Грез и Снов, Дух Забвения и Смерти, Повелитель Неживого, приходит на Землю. И не повезет тому, кого он сочтет достойным спасенья. От него нельзя ни убежать, ни спрятаться, его нельзя умолить. Олеко забирает своих избранников в Сад, где погружает их в самые прекрасные в их жизни грезы и закапывает спящих заживо. И нет выхода из того Мертвого Сада.

Да восславим Великих Духов.

Философия огня

Первым что в своей жизни увидела маленькая Теус было пламя костра, освещавшего пещеру. Каждый вечер, когда заходило солнце, и землю окутывали мрак и холод, а людские души – страх, страх перед тем, что затаилось там, в темноте, все племя собиралось около него. Мужчины охотники, женщины, целыми днями возившиеся по хозяйству, сшивая шкуры и приглядывая за непоседливыми детишками, которых днем было практически невозможно удержать в пещере, ослабшие старики, еще живые лишь по милости своей родни, – с наступлением темноты все они, вне зависимости от возраста, пола и занятий собирались возле единственного источника света и тепла в этом столь враждебном и опасном с наступлением ночи мире.

Вторым же, что увидела в своей жизни новорожденная Теус, с любопытством разглядывающее это странное и пока незнакомое место, в которое она попала своими светло серыми, немного раскосыми глазами – был ее старший брат Авель. Когда ему дали подержать ее, она показалась ему такой мягкой, теплой и легкой, словно пушинка. Ему казалось, что стоит ему пошевелить рукой, и отдающая бронзой кожа его сестры треснет, лопнет от малейшего неловкого движения.

– Я... Я боюсь ее держать, она такая... мягкая, – боясь

пошевеливнуться, с трудом вымолвил шестилетний мальчик с почти такими же серыми, но чуть более темными, глазами чем у Теус. Только он был светловолосый, а немногочисленные, еще мокрые волосы на ее маленькой головке отливали рыжизной.

Старуха Ингиль – знахарка племени, суевившаяся с бойкостью, несвойственной для ее возраста, вокруг их матери, помогая ей прийти в себя после родов, лишь засмеялась, услышав его слова,

– Люди – дети земли, мальчик. Когда мы рождаемся, мы мягкие и пластичные, словно влажная глина. Но с каждым годом нам кажется, что мы все больше и больше понимаем, как устроен этот мир, наш разум теряет прежнюю гибкость, а характер закаляется жизнью, и мы превращаемся в камень.

– Вы не похожи на камень, – не подумав, ляпнул мальчик и покраснел, поняв, что сказал глупость, но старуха лишь еще громче рассмеялась.

– Тут ты прав, старость подобно воде источила камень, и теперь жизнь песчинка за песчинкой уходит из меня. Мое время струится песком через мое слабеющее тело, и я не могу остановить его поток.

– Ну вот, ты отлично справилась, дорогая, – подкладывая роженице шкуру под голову, похвалила ее Ингиль.

– Авель, дай мне ее, дай мне мою дочурку, – измотанная родами, ослабевшим голосом попросила Хина.

Мальчик осторожно, боясь уронить, протянул ей Теус. В

последнюю минуту, сестра вцепилась своими маленькими ручонками в его одежду и жалобно запищала.

– А ты ей понравился, – ухмыльнулась знахарка.

Глядя на сестру, с жадностью припавшей к груди матери, Авель понял, что ради нее, ради этого маленького человечка, он должен вырасти как можно скорее, чтобы стать таким же сильным как его родители и защищать свою сестру. Когда наевшаяся и раскрасневшаяся от тепла довольная Теус развалилась на шкуре рядом с мамой, он наклонился над ней и тихо прошептал,

– Я буду приглядывать за тобой.

Теус что – то весело залепетала в ответ.

Она оказалась очень непоседливым и непослушным ребенком. Целыми днями от нее никому не было покоя – Теус была жутко любопытной и обожала расспрашивать всех и вся о том, что они делают. Больше она любила лишь похвалиться своими проказами и приключениями, которые она буквально «притягивала» к себе ввиду своего неутомного характера и потрясающего «везения». Зато никакие ее проделки не оставались тайной – она сама же разбалтывала о них, а потом сама же несла наказания от прознавшей о них матери. До глубокой ночи Теус носилась по лесу, либо бедокурила в пещере.

Родители уже давно потеряли счет извинениям, которые им приходилось приносить соплеменникам за поломанные ею вещи и украденные припасы – Теус отличалась непомер-

ным аппетитом, которому могли позавидовать даже рослые охотники, но при этом умудрялась оставаться одной из самых стройных девушек в племени. Но несмотря на ее проделки все любили ее – за легкий, хоть и вспыльчивый (но быстро отходчивый нрав), за ее непомерную веселость и умение подбодрить, за ее живую заинтересованность и заботу о жизни каждого члена племени – рядом с ней люди буквально расцветали и прощали ей все ее проделки. Ну а больше всех ее любил ее брат Авель.

Часами он приглядывал за ней, заботился и защищал – в основном от самой себя. У Теус был талант вляпываться в истории и ему не раз приходилось спасать ее. То она лезла к медвежьей берлоге, то пыталась спуститься по почти отвесной скале, то вздумала прыгать в воду с вершины древнего дуба (а в речке Мороя ой как много острых камней, торчащих из воды).

Но хуже всего было увлечение Теус огнем. Только научившись ходить, она все время, радостно лепечя, тянула к нему свои маленькие ручки и на еще неокрепших ножках, топала прямиком в костер. Всякий раз, когда ее оттаскивали, она принималась неблагодарно хныкать, но вскоре, снова замороженная видом пламени, успокаивалась и довольствовалась малым – сидела и, не отрывая глаз, следила за огнем.

Одним душным и жарким летним днем, когда сил хватает лишь до того, чтобы доползти до реки и обратно, Теус подошла к брату, корпевшему над очередным копьём.

– Авель, пойдем, я хочу тебе кое – что показать, – позвала она. Брат послушно последовал за ней, гадая, что же его непоседа-сестра придумала на этот раз.

Если она что – то задумала, то лучше уж я буду рядом и смогу ее защитить, – к такой позиции они пришел после многочисленных безуспешных попыток возвать к ее голосу разума. По дороге Анвель успел перебрать кучу вариантов проделок – одна другой ужасней и опаснее и тут поймал себя на том, что не может перестать попутно любоваться своей сестрой.

Теус уже исполнилось пятнадцать. Из неуклюжего пухлого комка, каким ее впервые увидел брат, она превратилась в красивую изящную девушку. Ловкая, быстрая, она нередко побеждала брата в их шуточных забегах и облазила почти все деревья и пещеры в окрестности. Ее рыжие, золотившиеся на свету волосы отросли и доходили до узких подтянутых бедер. Многие юноши в племени заглядывались на нее, ведь никак приближался возраст, в котором по традиции девушки выбирают будущего мужа из числа своих ухажеров.

Но повзрослев внешне, в душе Теус все еще была ребенком. Огромный удивительный мир манил ее, и ей хотелось изучить его. Наслаждаясь силой и гибкостью своего молодого здорового тела, она, глядя на ослабевших стариков, понимала, что так будет не всегда. Когда-нибудь и ее золотистые волосы побелеют, словно земля после первого снега, а упругая нежная кожа обвиснет и покроется морщинами.

Тело ослабнет и не видать ей больше прежних юных забав. Поэтому – то ее так и тянуло, пока она может, пока не стало слишком поздно, тянуло, а куда она точно не знала сама. Жадными глотками она пила из чаши жизни и никак не могла напиться, ведь ей всегда было мало. Столько раз она оказывалась на грани между жизнью и смертью, но это не останавливало, а лишь подстегивало ее еще сильнее, и уже на следующий день после очередной «смертельной проделки» с рассветом солнца она вновь убегала из пещеры, навстречу новым приключениям, новым испытаниям (как для себя, так и для своего бедного брата).

– И куда мы идем?

– К Кругу.

Кругом они называли большую поляну посреди леса. Она была практически идеальной округлой формы. Ее окружала стена из близко стоящих гигантских сосен, из-за чего это место казалось изолированным от окружающего мира. Траве в сосновом лесу приходится довольствоваться остатками света и воды, что не забирают себе эти могучие деревья, а в Круге она, свободная от своих угнетателей, столь редкая и хилая по краю поляны, жарким летом чуть пожухлая от переизбытка света и тепла, буйно разрослась, украшенная, прорывающимися ее зеленых покров цветами. Этот островок света, окруженный мраком, царившем в сосновом лесу был одним из любимых мест игр Анвеля и Теус в детстве.

Когда они уже почти дошли до места, юноша заметил, что

часть деревьев обуглена.

– Лаин предупредил вчера, что во время охоты услышал треск пожара неподалеку от этого места. «Теперь я вижу, что он был прав», – сказал он, с жалостью касаясь почерневших стволов.

Теус почему – то покраснела.

– Думаю, нам стоит уйти отсюда. Лето выдалось жарко, земля пересохла – вдруг опять начнется пожар? Было бы безопаснее неподалеку у реки.

– Нет, смущенная непонятно чем, сестра потащила его в Круг, – Все будет хорошо, просто поверь мне. На этот раз я знаю, о чем говорю. Мы ненадолго.

– Знаешь о чем говоришь? Знаешь сколько раз после этой фразы мы вляпывались в неприятности? Я не думаю, что ты сможешь обогнать огонь, сестричка.

Теус загадочно улыбнулась и повела его в центр Круга.

– Ну и что же ты хотела мне показать? Да, да, я прямо стогаю от нетерпения узнать ради чего ты решила погубить своего родного брата.

Теус, не обращая внимания на ворчание Анвеля, отвернулась от него и начала вглядываться в лес.

– Что там? – спросил он.

И тут трава по краям Круга вспыхнула ярким пламенем.

– Твою ж мать! – заорал Авель, он схватил сестру за руку и дернулся назад, но уже через мгновение столпы пламени окружали их со всех сторон.

– Что за чертовщина?! – юноша из всех сил старался подавить панику, ведь с ним была его сестра, и он не мог позволить себе из – за страха потерять голову, когда она была в опасности. Но не взирая на все его попытки, леденящий ужас все сильнее сковывал его.

Тем временем пламя лизнуло деревья и быстро поползло вверх, но почему-то огонь не спешил сжечь сухую траву внутри Круга.

– Так, – быстро оглядевшись, подумал Анвель, но пути отступления не было, – что же делать, ну же, думай, думай, дурак! Придумай что-нибудь!

Пока юноша пытался придумать что-то, он совсем упустил из виду сестру. Она была почти у края Круга, завороченная, наблюдала за огнем, шаг за шагом приближаясь к стене пламени. Авель испугался, что она, потеряв рассудок от страха (ощущая, что подобная участь вскоре постигнете и его разум) прямо как в раннем детстве, шагнет в огонь.

– Стой! Теус!, – закричал он.

– Я должна перепрыгнуть, – ответила сестра.

– Что!? Пламя слишком высоко! Ты с ума сошла!

– Но другого выхода нет, ты и сам видишь это. Я перепрыгну, – с каменным лицом сказала она.

– Стой! – взмолился Анвель, но разве она послушается его. Авель бросился к ней, широко расставив руки, но не успел. Девушка разбежалась и прыгнула. Все произошло

слишком быстро. Не в силах смотреть, Анвель зажмурил глаза и до боли сжал лицо ладонями.

– Моя Теус, моя маленькая Теус. Поскорей бы пламя добралось и до меня, – шептал он, скорчившись посередине обугленного круга.

– Эй! – послышался голос сестры.

– Она смогла... Она смогла!, – Анвель, не веря собственным ушам, открыл глаза. Мгновение назад бушевавшее пламя исчезло, оставив лишь свои черные метки на деревьях и траве, а Теус – живая и невредимая, без единого ожога стояла перед ним и что самое странное – смеялась.

– Ты бы видел свое лицо!

– Как? Я не понимаю... О моя милая Теус, ты жива, ты жива! Но как? – он крепко обнял ее.

– Сейчас поймешь. Просто смотри на эту сосну.

В то же мгновение дерево охватило пламя.

Авель схватил сестру за руку и потянул ее за собой. Он не знал, почему огонь так внезапно исчез, но сейчас было не до того, чтобы раскрывать тайны мироздания, надо было уносить ноги.

Она не сдвинулась.

– Стой и смотри. Мы в безопасности, просто поверь мне.

Огонь снова исчез. А через минуту на вершине каждого стража Круга зажглись огоньки. И тут началось что-то и впрямь невероятное – змейками, описывая спираль вокруг стволов, перепрыгивая с ветки на ветку, они поползли к зем-

ле и потухли.

Анвель строго посмотрел на сестру, до него что-то медленно начало доходить.

– Тааак... Я не знаю как, но это ведь твоих рук дело, признайся?



Та рассмеялась еще громче и закружилась по поляне, словно в танце.

– Вчера я видела зарождение огня. В лесу начался пожар, и он звал меня. Я смотрела на пламя, и оно слушалась меня, словно читая мои мысли. Я могу управлять огнем, Авель!

Брат смотрел на нее, словно громом пораженный, а она продолжала кружиться. Пламя охватило Круг, не трогая лишь их двоих. Огонь был практически повсюду, огонь скользил по телу Теус, огонь отражался в ее широко раскрытых восторженных глазах, в ее золотистых волосах проблескивали огненные искорки, а щеки покрылись черной сажой, но пламя не причиняло ей вреда.

Анвель протянул к ней руки, – Теус, ты сожжешь себя. Осторожнее, прошу...

Но та лишь рассмеялась и принялась кружиться еще быстрее. Огонь следовал за ней, вспыхивая все ярче и ярче, деревья по краям Круга уже горели вовсю, и языки пламени на их верхушках жадно тянулись к небу.

– Огонь не сожжет меня. Я управляю им. Нет, я сама огонь! Эта сила была во мне все эти годы, она звала меня, вырывалась наружу. Я каждый день слышала этот зов, но не знала, чей он все искала, искала. А это сила внутри меня просилась наружу, она сжигала меня, она согревала меня, – кричала Теус невпопад, упиваясь ощущением собственной

силы.

Анвель злился, дико злился на нее, но, когда он смотрел на нее сейчас, окруженную пламенем, он чувствовал, как странное тепло охватывает его – и не только потому, что его окружало пламя. Он был растерян, напуган, дико зол, но не мог отвести от нее восхищенного взгляда – пока не зашелся в приступе кашля. Огонь начал распространяться вглубь леса, а поляну заполнил дым. Юноше было тяжело дышать, голова кружилась, а в горле пересохло. Жар становился просто невыносим.

– Теус, пожалуйста, остановись, – взмолился он.

Она с удивлением посмотрела на него.

– Почему?

– Она и вправду огонь. Ей все мало и мало, – подумал юноша, никак не насытиться.

– Я задыхаюсь, Теус. Ты убьешь меня, сестра, – Анвель тяжело закашлял, качнулся и упал на колени.

Глаза Теус, горевшие безумием минуту назад, вмиг стали серьезными и обеспокоенными. Огонь сразу потух, оставив после себя лишь пепел и дым. Она бросилась к брату, и помогла ему подняться.

– Вот так, обопрись на меня и пойдем. Прости, я просто забылась... Я не хотела... Не хотела навредить тебе...

– Отведи меня подальше, я не могу здесь дышать... К реке... Отведи меня к реке...

Окунувшись в прохладные воды реки. Анвель на удивле-

ние быстро пришел в себя.

Теус вела себя очень робко.

– Возможно, она даже страдает от мук совести, – наивно подумал Авель, и несмотря на обиду, ощутил какое – то тепло к провинившейся сестренке, резко сменившееся холодом после ее следующей фразы.

– Слушай... Давай это останется между нами? Боюсь, соплеменники мне этого так не простят, – робко попросила она.

– Так вот отчего она так куксится! А я было подумал, что ей стыдно! А она просто заискивает! – резко нахлынувшая обида была столь сильно, что юноша буквально ощутил ее в теле, больно резанувшую внутри подобно затупившемуся ножу.

– Ты хоть понимаешь, как мне было страшно! Это уже не смешно, Теус! А что если бы мы погибли!? Да, ты у нас теперь повелительница огня, но я чуть не задохнулся от твоих очередных «забав»! А что намного хуже – ты сожгла Круг, Теус! Деревья, трава, животные – ты сожгла их всех одним махом, даже не моргнув глазом! Да, ты и впрямь огонь – жадный, голодный, неуправляемый, – юноша буквально выплевывал каждое последующее слово прямо в лицо сестре, на глаза которой навернулись слезы.

– Авель... – робко прошептала она, протягивая руки, но он резко отвернулся и побрел прочь, в сторону пещеры.

– Я не хочу больше разговаривать с тобой, – бросил он

через плечо, – используй для своих «развлечений» кого –нибудь еще.

– Прости... Прости меня... Я люблю тебя! – закричала ему вслед Теус, но брат даже не обернулся.

Он так никому и не раскрыл ее тайну...

Прошло три года, а Анвель так и не смог простить Теус. Они почти не разговаривали – могли лишь обменяться парой дежурных фраз, когда дело касалось «общих», племенных дел.

А она сильно изменилась за эти года, встретила свою первую (и последнюю любовь) – Тиона – темноволосого, рослого добродушного юношу, чуть старше ее, и что вдруг стало с прежней малышкой Теус? Она родила двойню – мальчика и девочку, и все реже и реже убегала из пещеры, даже стала осмотнительнее и осторожнее.

Прощай беззаботное (за исключением каждодневных спасений сестры) детство, прощайте прежние веселые игры, прощайте те дни, когда весь мир был наполнен сказкой и тайнами. У Теус теперь семья, муж, дети, а вот Анвель остался один.

Он не осмеливался приближаться к племянникам, но нередко бросал на Теус и них печальные взгляды, пока никто не видел, и все внутри у него сжималось от нежности и, что его удивляло – ревности.

Когда все, кроме стражей спали, Авель незаметно пробирался к племянникам и тихо, стараясь не разбудить, поправ-

лял на них накидки из шкур, а порой оставлял подарки.

Он стал еще более тихим и неразговорчивым нежели прежде. И его теперь еще больше чем прежде тянуло к воде, к реке. Ему нравилось сидеть на берегу, разглядывая зыбкие, колеблющиеся отражения неба в водной глади. Они завораживали – как огонь завораживал Теус, и стоило посидеть достаточно долго, восприятие «сбитое» бесконечным колебанием воды начинало замечать в ней нечто большое нежели просто отражения неба и с трудом проглядывающееся дно, оно порождало новые, удивительные видения.

Вот и на этот раз Анвель опустил руки в воду, столь прозрачную, чистую, спокойную... Его всегда поражала своеобразная «гибкость» воды. Даже если реку перегородить, она найдет обходные пути и в то же время по кусочкам, годами будет разрушать преграду. Авель встал – пора было возвращаться, скоро мужчины пойдут на охоту, и нехорошо будет если он не придет. И водяной поток потянулся за ним, юноша почувствовал прохладу воды, ласково обтекавшей его тело. Не веря своим глазам, он повернулся к реке. Водяной столб поднялся из нее, обволакивая его тело. Было холодно, но приятно от нежных прикосновений водяного потока.

Юноша впервые за последние несколько недель улыбнулся – поток послушно выполнял все его мысленные указания: разделялся, снова сливался, бил фонтаном, поднимая струи в воздух, он мог рисовать ими, а затем, они, падая обратно в реку, окатывали его брызгами. Промокший и счастливый,

Анвель все-таки не забывал о своих обязанностях перед племенем, поэтому пообещав себе позже проверить свою новую силу как следует, решил вернуться в пещеру, но тут заметил странное отражение в реке.

Подойдя поближе, он застыл пораженный – посреди водной глади вырисовывалась картинка, которая становилась все более четкой, когда он присматривался к ней. Он увидел своего соплеменника – Туона, увидел столь ясно, что даже оглянулся, дабы проверить вдруг тот незаметно подкрался к нему – но вокруг никого не было, а картинка зависла посреди отражения неба в водной глади.

Туон в отражении был в весьма специфической позе – «лежа на животе», но с неестественно выгнутыми назад конечностями и сильно повернутой на бок головой. Он «смотрел» прямо на Анвеля остекленевшими, мертвым глазами, и тут кровь хлынула из внезапно открывшихся ран на его теле, разносясь багрянцем по воде. Пораженный и напуганный юноша в ужасе отшатнулся и не в силах выдержать столь жуткое зрелище отвел взгляд, а когда собравшись с силами посмотрел снова на то место, где только что было видение не увидел ничего кроме привычного отражения белых облаков.

На охоте Авель был сам не свой – не замечал добычу, спотыкался о ветки, товарищи уже не раз сделали ему замечание и подумывали уже было отправить домой – охотник, который погружен в себя и не может сосредоточиться скорее обуза нежели помощь.

Юноше было неловко за свою невнимательность, но он никак не мог выкинуть то жуткое видение из головы.

Ему представлялось два объяснения произошедшего – возможно он повредился рассудком, и само видение, так и его «игры с водой» ему привиделись – безусловно весьма печальная перспектива (да, в те времена еще не было «чудодейственных» нейролептиков, а если бы и были – много кому они помогают сейчас?), но альтернатива – что он, как и его сестра способен управлять стихиями и видение в реке было пророчеством (кто знает?) была еще более пугающим.

Всю охоту он не сводил настороженного взгляда с Тиона, тот даже начал с удивлением поглядывать на него в ответ. Когда они в очередной раз пытались выследить оленя, Авель, погруженный в свои тревожные думы, неловко хрустнул веткой и спугнул его.

Охотники, обозленные прежними неудачами, бросились за добычей, но вскоре резко затормозили – перед ними разверзлось узкое ущелье – олень грациозно оттолкнулся от края и приземлился на другой, оставив не столь ловких преследователей с носом.

Но Тион, охваченный азартом погони и ввиду молодости и неопытности, дезориентировался в ходе погони, и не глядя под ноги, не слыша крики товарищей позади бросился вслед за оленем, не заметив расщелины – до того самого мгновения, когда земля вдруг исчезла под его ногами, а затем, после непродолжительного падения возникла вновь, ломая кости,

выдавливая кровь, расплющивая тело – словно в насмешку над человеком, попытавшимся покорить природу, подчинить ее себе, собственным нуждам.

Подбегавшие к краю обрыва охотники с ужасом смотрели вниз, где с неестественно задранными конечностями лежал их товарищ, окрашивая землю кровью. Но они довольно вышли из этого «ступора». Безусловно им было жаль терять своего соплеменника, но подобные случаи в их жизни, особенно на охоте были далеко не редкостью, и уже не сильно шокировали и не приводили никого в трепет – никого, кроме Анвеля в этот раз.

После произошедшего на охоте Анвель начал избегать реку, а если и подходил к ней дабы утолить жажду или охладиться в жаркий полдень уже не любовался водной гладью как прежде, опасаясь очередного «видения».

Правда потихоньку ему удалось взять себя в руки, и он попытался взглянуть на это с другой стороны – вдруг, узнав о грядущих бедах, он сможет предотвратить их. Так и оказалось, когда в следующий раз он позволил себе созерцать водную гладь, она буквально в сию же минуту одарила его новыми видениями. И всякий раз, если он не пытался как – то повлиять на их реализацию они исполнялись. Так что теперь у Анвеля вошло в привычку регулярно «проверять» будущее и стараться предотвращать неприятности, грозившие ему и его соплеменникам. Но никто не знал о его «подвигах».

Однажды, разглядывая образы в реке, он увидел до боли

знакомые две пары желто-карих глаз, глядевших на него из воды. Когда картинка стала более четкой, и он смог разглядеть их обладателей целиком, Анвель охнул от неожиданности – его племянники, смотрели на него светло-карими глазами, так похожими на глаза их матери... (Авелю, хоть он и был ее братом от матери достались серо-голубые глаза.)

Затем картинки стали мелькать все быстрее и быстрее и почти везде было пламя и эти оранжевые глаза.

– Нет, нет, – пробормотал Анвель, с ужасом уставившись в воду.

– Этого не может быть, ты мне врешь, врешь! – закричал он, и в гневе ударил по водной глади.

Но сразу же после удара, не взирая на круги по воде, возникло яркое видение – казалось словно вода загорелась, а потом на смену огню пришла чернота. В реке отразились обугленные стволы деревьев посреди черной пустоши, а под ними – обгоревшие скелеты. Еще мгновение и вода приняла свой обычный, «нормальный» облик, и глядя на голубизну ясного неба, отражавшегося в ней сложно было поверить в те ужасы, которые она только что показала.

Не одну ночь не Анвель не мог сомкнуть глаз после увиденных кошмаров, тайком бегая к реке и пытаясь найти хоть какую-то зацепку как можно предотвратить столь жуткий исход. Каждый раз, когда ему в голову приходила более – менее сносная идея, предсказание менялось, обрастая новыми деталями, но исход был везде почти одним и тем же.

Шли недели, и Анвелю все сложнее было отгонять мысли о наиболее радикальном решении проблемы. И вот однажды, собравшись с духом, он сконцентрировался на столь пугавшей его идее, и заглянул в водную гладь. И река опять показала ему трагедию – жуткую, невыразимо печальную, но уже не столь глобальную как прежде, и из глаз юноши закапали слезы, пуская круги по зыбкому видению на водной глади.

Однажды ночью Теус внезапно проснулась, обуреваемая странным чувством тревоги. Мельком окинув взглядом пещеру, она поняла, что ее детей нигде нет. Она хотела было толкнуть, храпевшего под боком мужа, но услышала чьи – то крадущиеся шаги возле входа в пещеру. Теус сначала подумала на стражника, но тот совершенно безответственно дрых у входа, храпя и порой делая вялый выпал рукой с копьем, видимо отгоняя приснившихся ему нарушителей. Луна осветила странно знакомую фигуру, и девушка, холодея от ужаса увидела у нее в руках два маленьких свертка – своих детей. Она могла бы закричать, позвать на помощь, но поняла, что стоит ей поднять шум, и таинственный похититель заметит ее и бросится прочь, поэтому сдерживая дрожь, девушка затаилась – фигура не успела заметить ее, и ступая как можно тише незаметно последовала за ней.

Возле реки фигура обернулась и уставилась прямо на нее. – Черт, заметил, – ругнулась про себя Теус и тут же обомлела, наконец разглядев лицо похитителя – им был ее брат, Анвель.

– Я знал, что ты придешь, и знаю, что мне не удастся тебя убедить... – голос брата был очень печальным.

– Но я не могу дать тебя уйти, не объяснив тебе... Все равно... Сестра, подойди, я должен кое – что тебе показать.

Ошеломленная Теус подошла к Анвелю, уставившемуся в водную гладь, но посмотрев на воду, она не увидела отражения звезд и луны на черном небосводе, как ожидала. Огонь, огонь плясал посреди воды, вызывая жуткие разрушения, пожирая все на своем пути, превращая ее любимый лес в бесплотную обугленную пустошь вместе с близлежащими землями – на многие, долгие сотни тысяч километров.

– Что это черт подери, – прошептала пораженная Теус, пересохшими от изумления губами.

– У меня тоже есть «необычные способности», сестра, – не без тени гордости заметил брат.

– Я похоже умею... управлять водой..., а эти изображения – что – то вроде предсказаний, они всегда исполняются... Если ты с ними что – то не сделаешь... Я проверял много раз. Ты... Видела их?

– Да, это ведь мои дети, Анвель?

– Не притворяйся что не узнала их.

– Но это не могут быть они. Мои дети! Мои дети не могут быть повинны во всем этом!

– Твои – могут. Им передалась твоя сила, вернее их сила намного, намного больше твоей. И она скоро проснется, а они еще не умеют ею управлять, Теус... Все погибнет...

– И зачем же ты притащил их сюда? – с опаской спросила Теус, скорее выигрывая время, ведь она уже знала ответ. Все ее мышцы напряглись, но вдруг в спину ударил поток воды и сбил ее с ног. Девушка попыталась встать, но вода обвила ее подобно змее и ударила о глыбу, торчащую из воды. Оглушенная, она с ненавистью взглянула на брата, невзирая на кровь, заливающую ее глаза.

– И что! Неужели это единственный выход?

– Скорее всего – да. Но времени в любом случае уже мало. Они в любом случае погибнут Теус, мне очень жаль. Я не хочу этого, правда, не хочу... Если бы ты только знала, как тяжело мне это делать.

– Ты! Ты – врешь, все врешь! – заорала девушка, силясь встать, – Да, у тебя есть силы, но какого черта ты используешь их чтобы лишить меня моих детей! Я всегда, всегда видела, как ты смотрел на меня, братец! И как ты смотрел на них! Тебе всегда было обидно, что я выбрала другого, другого, а не тебя. А чего ты хотел!? Ты ведь со мной даже не разговаривал последние годы! Ты просто хочешь, чтобы я осталась одна, совсем как ты.

Анвель дернулся, словно его ударили, – Да, ты права, я всегда любил тебя... И не только как сестру. Но я никогда, никогда не стал бы врать тебе, и ты это знаешь...

Теус наконец – то смогла встать на ноги, и пошатываясь, протягивая руки к своим детям, пошла к брату. По щекам, смешиваясь с кровью лились слезы.

– Ты не можешь, не можешь забрать их у меня... – всхлипывая, умоляла она, – Не можешь! – девушка резко сорвалась на крик, и Авель почувствовал жар огня на коже.

Анвель ощутил жуткую боль, но сестра атаковала не в полную силу, опасаясь за детей, так что он успел быстро создать водный шар возле тела.

Теус взвыла нечеловеческим голосом, и лес вокруг охватило пламя. Охваченная гневом, она и не заметила, как вода подхватила ее, поток с легкостью поднял ее хрупкое тело в воздух и резко ринувшись вниз, насадил его на острый сук, плававшего в реке поваленного дерева.

Девушка захрипела, дернулась и затихла, окрашивая кровью злосчастный ствол и воду вокруг. словно во сне, Анвель опустил оружие от страха свертки в воду и через пару мгновений их крики затихли. А он все стоял, не шевелясь, и пустыми глазами смотрел на то место, где черная вода поглотила их.

Весь в ожогах, задыхаясь от дыма, юноша побрел к сестре и осторожно сняв ее нанизанное на сук тело, взял его на руки и крепко обняв прошептал, – Прости... Прости меня. Я люблю тебя, хоть и сделал нечто ужасное...

И река в тот же момент вышла из берегов, излившись на горевший лес. Анвель позволил обезумевшему потоку схватить и унести себя, из последних сил прижимая к себе тело Теус. И безжалостный, подгоняемый ненавистью водного мага к самому себя поток нещадно тащил своего создателя

за собой, погружая в свои темные глубины, где его уже ждали два маленьких холодных свертка...

– Анвель, посмотри, кажется у Ниэн получается! – звонкий мальчишеский голос отвлек мага от созерцания водной глади.

– Правда? Ну – ка, сейчас «подплыву» и проверю.

Обезображенный следами ожогов, сгорбленный и ссохшийся старец, побряхтывая поднялся с «пригретого» местечка на песчаном берегу. Подойдя к кромке воды, он уже собирался «унести» себя водой к его юным ученикам, но тут его внимание привлекла особо крупная белесая галька.

– Неужели... Неужели это... – ощущая, как к горлу подкатывает комок, а на глаза наворачиваются слезы, подумал он, поднимая с песка такой маленький детский череп.

Живая тюрьма

В моем мире все усеяно ими – белыми, склизкими, с темными колкими ресницами, с радужками всевозможных цветов и форм. Они всё время смотрят на меня, сидя на стебельках ножках, закрываясь лишь на мгновение – хлопнет веко, стечет склизкая влага, и Оно продолжит наблюдать за мной, двигая зрачок вслед за каждым моим движением.

Реже встречаются ушные раковины – светло фиолетовые, с черной дыркой в глубине и короткой, почти не видной мочкой. Они не столь подвижны как глаза, но всё же стоит мне пройти мимо, начинают синхронно трепетать, загибая края.

Из чего состоит мой мир? Черно фиолетовые стены – всегда было интересно есть ли что за ними, да и может ли быть что-то еще кроме этого лабиринта, может он и есть все сущее. Фиолетовое прерывается красными пульсирующими нитями, проголодаешься – вонзи в них единственное острое что у тебя есть – свои зубы, свои ногти, и река-сосуд прорвется, наполняя тебя багровой теплой питательной жижей. Каждый раз засыпая, раскинувшись на теплом, мягком полу я вижу над собой сиреневое небо, усеянное тысячами глаз, смотрящих на меня. Стоит расфокусировать зрение, и они станут похожи на белые точки. В такие моменты меня посещает ощущение словно эти белые точки... словно это что-то важное, словно где-то уже я видел похожее, а что – не помню.

Однажды, я нашёл кое-кого в своем мире. Я занимался своим обычным делом, чем же ещё можно заняться, как не ходить в надежде увидеть что-то новое – и я увидел. Он сидел на полу, сжавшись в комок, с искаженным от переживания лицом, и заметив меня тут же, вскочил как ужаленный.



Выражение страдания изменилось на секунду на искреннюю радость, а затем резко омрачилось еще сильнее нежели прежде, он громко крикнул, – Брайан! Я уж боялся тебя больше никогда не увидеть! – и крепко обнял меня.

Заглянув с надеждой в мои глаза, он увидел в них лишь непонимание и смутившись, уставился в пол.

– Ты до сих пор не помнишь, да? – тихо спросил незнакомец.

Я лишь промолчал в ответ и боковым зрением заметил, как напряглись уши и как вытянулись стебельки глаз в нашу сторону. Я привык к ним, но сейчас мне показалось, что это ой как не к добру.

– Ты – величайший преступник Вселенной, Брайан. Ты пожелал уничтожить их, мы пожелали – ты собрал нас, но нас выловили одного за другим и бросили сюда.

Что-то, чего я не видел прежде, длинное и продолговатое поползло из пола и стен, и это что-то тянулось к нему, но я продолжал молчать.

– Нас поймали одновременно, вместе, и я помню твое отчаяние. Нет, не из-за пленения, а из-за того, что твой план провалился. Господи, как ты рвался, как кричал, когда Они тебя тащили... – он обхватил мое лицо ладонями, и заглянул мне в глаза, – но ты все еще можешь, я знаю, ты все еще можешь...

Нити были совсем уже рядом, на конце каждой начала вырисовываться воронка с мелкими острыми коготками. Тут то и он их заметил.

– Дьявол! – крикнул незнакомец, но было слишком поздно – «щупальца» уже протянулись к нему, на минуту застыв перед финальным броском, а затем резко дернувшись, обхватили его.

– Ты знаешь где выход! Вспомни! – крикнул он, собрав последние силы, а в следующее мгновение крохотные отростки впились в него, срезая кожу и мясо, перемалывая кости, пока незнакомец не исчез полностью – кусочек за кусочком в их прожорливых пастях, поглощённый неведомыми палачами.

– Мы когда-то были друзьями? Откуда я знаю это понятие – друг? Неужели было что-то помимо и до этих фиолетовых стен, унизированных глазами? Опять что-то важное, но не помню... Не помню... Брайан... Я Брайан? Почему? Ты знаешь где выход... Выход куда? Вспомни... Что вспомнить?

Когда я уснул, мне снились странные сны. В них был другой я и другой мир. Там тоже были глаза и уши – везде, повсюду. Они следили, они вслушивались в мельчайший шёпот. А еще там были звери – мёртвые звери, напялившие маски морали и добродетели, трупы, прятавшие свою гниющую плоть под длинными одеяниями, протягивающие ко мне свои руки, губы, еле заметные сквозь прорези масок, настойчиво требующие – стань таким же как мы, умри, надень мое лицо. И я пожелал убить зверей, насколько можно убить

то, что давно мертво. Я собрал команду – юный Рики (он погиб первым, хотя должен был умереть последним, своенравная Лита и мой самый близкий друг – вчерашний незнакомец. Как же его звали? Но глаза сдали нас своим хозяевам, и все обломалось, обломилось, рассыпались планы.

– И Я ЗНАЮ ПУТЬ ОТСЮДА! Помню, как Лита принесла мне флешку, и на голограмме засветилось это место – мы знали, что в случае провала нас ждет смерть или она – Окуло Секьюра, тюрьма для величайших преступников во Вселенной – живая, единая камера, оплетенная тканью, пронизанная сосудами и нервами, что ведут в центр управления, где расчетливый, безразличный к страданиям пленных мозг, под надзором стражей, ежесекундно обрабатывает тысячи звуков и изображений от сенсоров, где бьется, питая тюрьму и нас своей кровью, сердце этого жуткого места. Они не могут читать мои мысли, они не знают, что я уже помню. Но что-то уже заподозрили, они знают, что я мог вспомнить. Надо выждать – и действовать.

Окольными путями, блуждая то туда – то сюда, возвращаясь по несколько раз в одни и те же места, петлями, крючками – чтобы не дать им подсказки, что я вспомнил, я пришел в нужное место. Вот он – Окуло Кастос, не око – подделка, дверь, стоит дотронуться до ресниц в нужном порядке – откроется, но другие же увидят. Ждать пока моргнут – мало времени. А вот и сосуд, в крови мое спасение. Пью неряшливо, делаю вид, что поперхнулся, кашляю. Разбрыз-

живая кровь вокруг, мотая обрубок, изливающим мою кровавую тень, что застелет глаза и даст мне шанс.

Я вышел, опять темный коридор, но серо черный, целиком не из плоти, а стали, хотя и она тут есть – пульсирующие сосуды и нервы тяжами тянутся по стенам, а я иду, хотя идти мне недолго. Карта есть, но спасения нету – мы проработывали план побега, и единственный вывод которому пришли – дверь из Окуло Секьюра есть, а выхода нет.

Я шел, прятался, хитрил, но они опять, как и в прошлый раз поймали меня. Кинули в камеру – снова глаза вокруг. Что теперь – казнь?

Дверь открылась и зашел стражник. Поставил передо мной миску с порошком, открыл флягу, залил и порошок мгновенно распух, превратившись в серо-белое месиво.

–Ешь, – бросил он, а сам, дожидаясь, когда можно будет забрать миску (мало ли что я с ней сделаю, ложек не дают – ими можно проколоть глаза, приходится хлебать так, умирать – так грязным, перемазанным), внимательно смотрел на меня.

– Ну что?

– Что?

У него была только половина маски, ровно обрезанная снизу, так что я ясно видел насмешливую улыбку на его полуистлевших губах, а когда он говорил, исходя слюнями и обдавая меня запахом разлагавшейся плоти, острые желтые зубы и треугольный, слишком правильной формы – словно

специально обрезанный, язык.

– Величайший преступник Вселенной. Брайан Андерсон, удалось ли Вам уничтожить нас?

Я продолжал молча хлебать безвкусную похлебку.

– Хочешь узнать, что тебя ждет?

Я прервал свою скудную трапезу, – издевается или и впрямь расскажет, чтобы поиздеваться еще больше?

– Ты знаешь ходы, ловить тебя опять нам лень, хотя и не сложно. А переделывать тюрьму – много мороки... Проще стереть тебе память. И мы сделаем это лучше тебя, уж поверь.

– Опять быть пленником? Уж проще убить. Я бы сам себя убил, но сколько не пытался – не дали.

– Ты – любимая игрушка директора, уж он не даст тебя в обиду, – страж засмеялся, – даже тебе самому. Так что ты здесь до конца своих дней – или его.

Помолчав с минуту, он продолжил, – Так осточертела неволя? А разве раньше ты был свободным?

– А разве нет? – огрызнулся я в ответ, – захотел – пошел уничтожать ваш мир, не захотел – не пошел.

Он ослабилась, радуясь, что скажет наконец последнюю фразу. Думает добить меня, сломать. Ну что ж, пусть попробует.

– Ты всегда был пленником, Брайан. Пленником собственного тела, – он указал на миску, – Хочешь жрать? Можешь жить без жратвы? Можешь жить без воздуха? Пленник сво-

их желаний, ты их не выбирал – твой мозг, запрограммированный еще до твоего рождения, в утробе твоей матери, залитый гормонами твоих желез, лишь реагировал на внешнее окружение. Но такой плен тебя устраивал? Разве многое изменилось? Тебе не сбежать, Брайан, цепи удержат тебя. Свободы нет, тебя нет – ты собран из осколков, обрывков, ты не человек – лишь слияние случайностей, плод многолетних переплетений.

Он потащил меня, а я не отбивался – что толку. Я не молил о пощаде, когда меня приковывали к белоснежному креслу, когда на голову надевали шлем – они безжалостны и непоколебимы, стражи Окуло Секьюра.

Звездное небо. Звезды? Что за странное слово, и что оно означает? Откуда я взял его? Сиренево-фиолетовое небо, а на нем – десятки глаз, что всегда будут следить за мной.

Пустота

Банковский клерк Семён Андреевич проснулся в три часа ночи, что по началу ни ему, ни как думаю вам, не показалось чем-то из ряда вон выходящим. Тут автор не может удержаться и не заметить, что Семён Андреевич был на редкость правильным господином – он всегда, даже в выходные вставал рано утром, а по будням, последовательно, по строго отработанной схеме собирался на работу, на который за ним, между прочим, не числилось ни одного опоздания. (Если умолчать о случае с новым несработавшим будильником, от постыдных воспоминаний о котором Семён Андреевич – пусть и редко, но порой просыпается по ночам в холодном поту и в панике смотрит на часы.)

Но на этот раз его разбудили вовсе не ночные кошмары. Семён Андреевич несмотря на это, на всякий по привычке глянул на часы и сонным взглядом обвёл комнату – в комнате не было ровным счётом ничего странного. Тогда он со спокойной совестью облокотившись на подушку, закрыл глаза и собирался уже уснуть сном праведника, как вдруг за окном раздались странные шелестящие звуки, перемежающиеся надрывными побряхтываниями. Семен Андреевич, несколько обеспокоенный, встал с кровати и собирался уже подойти к окну, как вдруг комнату, пробираясь даже через плотные занавески залил ослепительный белый свет и боль-

но резанул по глазам. Обеспокоенный уже чуть больше, наш герой подкрался к окну и осторожно заглянув за занавеску, ругнулся. Если бы вы знали его чуть получше, то поняли бы, что раз столь приличный господин, как Семён Андреевич начал ругаться, значит случилось что-то настолько из ряда вон выходящее, что самым разумным решением будет смотреть с этой планеты и как можно скорее.

Перед окном зависло нечто небольшое – размером с крупную легковушку, треугольное и сплющенное в продольном направлении, черное словно само ночное небо, но с очень яркими прожекторами спереди, разбудившими Семёна Андреевича. Притом луч света этих прожекторов был четко направлен на его балкон и окно. Все явно было рассчитано на то чтобы ослепить нашего героя и при этом не привлечь внимание посторонних прохожих, которые в столь темную ночь и ввиду отказа ближайших уличных фонарей (не правда ли странное совпадение?) могли и не заметить непонятный темный треугольник, зависший возле окна шестнадцатого этажа, а лишь почувствовать человеку с столь развитой никтофобией, побудивший его освещать собственный балкон посреди ночи столь ярким светом.

Но Семёну Андреевичу недолго пришлось раздумывать кто и с какой целью отправил к нему самолет технологии стелс поскольку в следующее мгновение он увидел нечто еще более странное – на балконе, залитые ослепительным светом стояли три человекоподобных существа – низкие, ростом с

десятилетнего ребенка, худые, с длинными вытянутыми конечностями, походившими на лягушачьи, землисто серого цвета. Казалось, что их кожа и раскосые черные глаза покрыты какой-то пленкой – тонкой, бликующей на свете и морщинившейся на казавшейся гладкой коже. Помимо этой плёнки – если это была не их кожа, на существах не было ничего. Правда причины для того чтобы стыдиться своей наготы у них отсутствовали, как и одежда.

– Эй! Эй, человек, открой! – кричали они по очереди. Один из них, к ужасу Семена вдруг бросился на стекло и с безумным взглядом пытался разбить его, но первый быстро оттащил его за «шкурку».

– Ну – ну, хороший человек. Иди сюда, будь хорошим мальчиком, открой окно...

– Знаю, надо сказать, что мы пришли с миром.

– С миром? И он что поверит? Какой наивный вид...

– Ну твои хороший мальчик как видишь тоже не работают... – ответил второй обиженно.

– А может он глухой?

– (непереводимые 2 побряхтывания и длинный свист) подсунул нам глухого? И что нам теперь писать тем самым «карандашом» на той странной штуке?



– Они называют это бумагой.

– Ну ладно, давай сюда свою бумагу.

Неуклюже взяв карандаш всеми пятью тонкими пальцами, пришелец принялся усердно переписывать буквы, высветившиеся в ответ на его череду посвистываний, на лист бумаги.

– Только не говори, что ты не взял ту штуку. Ну который они убивают буквы.

– Ластик? Я забыл...

– Твою ж...

– А ты зачеркни. Они так тоже делают.

– Ну и грязнули.

Через 20 минут, сопровождавшихся непереводимыми ни на один из человеческих языков ругательствами, послание «глухому» Семену было готово. Пришелец приложил изрядно исчерканный и помятый лист бумаги к стеклу.

Пусти, мы с миром Тутхолодно.

– А (кряхтения) никак нельзя было?

– Они не умеют (снова кряхтения).

– До сих пор? Что за безграмотный вид. А как же они подают прошения в Межгалактический Союз Наций?

– А никак.

Застывшие словно скульптуры, пришельцы смотрели на Семена, а Семен смотрел на них и боялся пошевелинуться.

Так продолжалось, наверное, минут пять.

– Ну мне это надоело. Тащи (непереводимые кряхтения), будем вскрывать!

– Его? Зачем?

– Да не его, идиот, а окно!

Но слово «вскрывать» подействовало моментально, Семен дрожащей рукой повернул ручку и тяжело вздохнув, потянул створку на себя. В комнату ворвался холодный ветер, кинул в лицо колкие снежинки.

Семена трясло, но даже в таком состоянии он смог спросить самое главное.

– Ааааа... А чччч... что йе.. йе... если соседи увидят?

Пришелец лишь махнул рукой, и по счастливой случайности у жителей их планеты этот знак означает то же самое, что и у нас.

– Да кто им поверит. А если вас заметят – утверждайте, что все ложь и клевета.

– Назовите их сумасшедшими! – подсказал второй.

– Почему вы выбрали именно меня? Скажите честно, со мной что-то не так? – с надеждой в голосе спросил Семен.

– Как раз-таки наоборот, для достоверности проверки нам нужна обычная особь... Ай! – вскрикнул он, когда его коллега наступил ему на ногу и зашептал, – ты не поминаешь, это их обижает... – тут они вместе взглянули на Семена, внезапно вспомнив, что забыли выключить переводчики, нажали на какие – то кнопки и следующие две минуты он слышал

лишь покряхтывания и шелестение.

– Так вот, я оговорился, – продолжил объяснять пришелец, снова включив переводчик, – нам требуется самая о... уникальная, неповторимая, удивительная особь! И вы, мой друг, как раз подошли по всем этим критериям... уникальности, неповторимости, чудесатости, вы со своими странностями, отклонениями... Ай! И схватился уже за вторую ногу, – Это что, тоже их обижает?

– В общем, вы избранный, избраны нами для одного очень важного эксперимента. Но только вам потребуется пройти с нами в корабль. Тут недалеко... Мы опустим трап прямо до балкона, не расшибетесь. Уж мы то знаем, – пришелец заговорщически подмигнул.

– Нникуда я не пойду! Ну уж нет! Это бред и безумие, – Семен схватил себя за голову, вцепившись в жалкие и без того потрепанные три волосины, и бросился к двери.

– Очень жаль... Но все-таки пройдемте... – Что-то щёлкнуло, прожужжало, наш герой провалился во тьму. Ругаясь непереводаемыми ругательствами, инопланетяне потащили его на корабль.

Очнулся Семен внутри белой непонятной штуковины, напичканной еще более непонятными штуковинами. Он дико запаниковал, но тут дверь открылась, за ней показался его обожаемый балкон. Окно было открыто, его любезно придерживал один из похитителей. Мужчина бросился внутрь.

– Милости прошу, – сказал пришелец, когда Семен, опасно раскачиваясь на трапе, буквально ввалился в собственное окно. Он снова попытался бежать к двери, но споткнулся о маленькую табуретку, которой у него никогда не было. Поднимаясь, он заметил, что часть мебели ему не знакома.

– Что за чертовщина... Вы что сделали, ироды! Куда вы меня притащили!

Один из гуманоидов лишь молча указал ему на кровать. Кровать, благо была та же самая и на том же месте. Но на ней кто-то нагло развалился.

Семен уже бросился отстаивать свою собственность. Но замер на полпути. Лицо «незнакомца», освещенное «фарамии» корабля через окно, показалось ему до жути знакомым. Сначала он подумал, что это его отец, но тот умер уже лет семь назад. То был старик, но очень похожий на него самого. Как замороженный, Семен подошел поближе, не сводя глаз с морщинистого лица, с трех седых волосин и родинки слева под губой – совсем как у него самого, и еще одной – прямо посередине шеи, запрятавшейся в складках сморщенной кожи.

Старик казалось крепко спал – что удивительно ввиду шума и гама, что творился вокруг. Гуманоиды столпились сзади и молча наблюдали. А дыхание становилось все тише, и тише. В какой-то момент оно прекратилось, и старое, до боли знакомое, пусть и более поношенное, более засаленное одеяло больше не вздымалось. Семен медленно, словно во

сне, вспомнив все два урока мед помощи, что у него были в жизни, пощупал пульс старика, и услышал лишь тишину. Он пробовал вновь и вновь, так и сяк. Но результат не менялся. В итоге он потерял терпение и грубо схватив старца за иссохшие плечи, начал трясти его. Но тот лишь повис в его руках словно тряпичная кукла.

– Помогите ему, помогите... – Семен бросился к пришельцам, затем бросился к телефону, но не смог его найти на прежнем месте.

– Уже не поможем...

Мужчина бессильно опустился на пол, по его щекам струились слезы. Он уже никуда не бежал, а лишь твердил, – помогите, помогите ему. Ему было удивительно больно, словно он увидел смерть не какого-то незнакомца, а кого то, кого он знал очень хорошо и очень давно. И при этом словно не знал вовсе.

Гуманоиды затрещали что – то на своем полуптичьем языке. Снова раздался щелчок, тонкое – вжух, и Семен провалился во тьму.

Когда Семен очнулся, он уже был в своей комнате в кресле. На улице было темно, корабль куда-то пропал, а в комнате горела люстра. Мужчину было уже решил, что все произошедшее это всего лишь сон, но тут из – за кресла вышел один из пришельцев. Семен хотел бы громко крикнуть, позвать на помощь, броситься бежать, но он чувствовал себя абсолютно обессиленным.

– Мы ввели тебе кое – что, но не бойся, эффект скоро пройдет. Так тебе будет спокойнее.

– Что это было? Кто это был? – просипел он, во рту пересохло.

– Это был ты.

– Я? Такой старый...

– Мы же не только меж звезд перемещаться умеем.

– Но как там? Зачем?

– Наша раса давно уже путешествует не только через пространство, но и через время. И знаешь, чего первые путешественники хотели больше всего? Они хотели жить. Отправлялись в будущее, находили себя, спасали, и умирали. И так раз за разом. Мы тоже смертны, как и вы. Наши технологии далеко впереди, мы продлили свои жизни в тысячи раз, но ни одна наша технология не может спасти наши тела от разложения. К концу наших жизней мы становимся напичканными всевозможными механизмами, лекарствами. В итоге не в нас устанавливают импланты, а остатки нашей плоти, нашего естества ютятся в прослойках между ними. А плоть пока она жива, не законсервировать, можно лишь перестроить – тотально, бесповоротно, но тогда это будешь уже не ты. Редко случаются несчастные случаи, но, когда живешь тысячи лет, рано или поздно вляпаешься. И мы решили – пусть каждый увидит свою смерть. Не чтобы исправить. А чтобы смириться. И на этом зиждиться наше общество. Мы смотрим на вас, изучаем, смотрим как вы смогли смириться

с собственной смертью.

– Мы не смогли...

– Видимо да, видимо так. Благодарю тебя, – перед глазами Семена что-то вспыхнуло, и он провалился в сон.

Утром прозвенел будильник. Семен, бормоча и ругаясь лениво поднялся с кровати. Голова раскалывалась уже с самого утра. Сонный он было поплелся в ванную, но тут его взгляд упал на какую-то бумажку.

Пусти, мы с миром Тутхолодно, – было выведено на ней корявыми буквами. Семен ощутил леденящий ужас. Он медленно опустился на кресло, не веря своим глазам.

– А какие-то они несерьезные, – с горькой иронией подумал он.

– Вот так взяли и оставили. Хотя кого им бояться?

И так он сидел, сидел долго, потеряв счет времени, а внутри него росла пустота, жадно пожирая все смыслы и мечты на своем пути. И она росла до той самой грани, после которой рассудок оказался бы полностью разрушен – и тут наступила полная безмятежность отчаяния, и ужас перед неизбежным сменился спокойной уверенностью в собственной обреченности. И пустота, уже готовая поглотить разум, внезапно сжалась до крошечных размеров, но лишь для того, чтобы с каждым днем все расти и расти. От этой пустоты не может спасти ничего – ни уютный диван дома, ни сон по выходным, ни успехи на работе, ни любовь близких, казавшиеся прежде важными мечты – ничего не спасает от этой пустоты кроме

нее самой. Пока ты еще не поглощен ей, она терзает тебя, но стоит тебе стать ею – и больше она не может навредить тебе.

Семен грубо, с долей остервенения скомкал этот несчастный лист и бросил его в окно – как можно дальше.

Он посмотрел на часы – была пора бежать на работу, и он побежал. Но побежал скорее, как по заученному уроку, по привычке, а может пытался сбежать от той пустоты?

Влетев в лифт, он кивнул соседу, отчего-то ошарашенно посмотревшего на него, а затем всю дорогу до первого этажа особенно тщательно разглядывавшего свои ботинки. Лишь выйдя из подъезда, Семён Андреевич понял, что несмотря на данное себе обещание всегда тщательно собираться по работу, он забыл переодеться и сейчас семенил по белоснежному, свежевывавшему снегу в почти столь же белоснежно чистой пижаме. На улице было очень холодно...

Синдром Творца

Где-то на просторах лоскутной мультивселенной существует мир столь похожий на наш с вами – там, в местном Млечном Пути горит свой собственный хиленький желтый карлик – местное Солнце, делая возможной жизнь на Земле – двойнике. И да, на той голубой планете жили люди, очень похожие на нас. Так что, если бы Вас чудом занесло в это отдаленное место, Вы бы далеко не сразу заметили разницу, а позже может даже смогли бы выпить пива на пару с собственным двойником (ну хоть в параллельной вселенной есть кто-то, кто меня понимает!).

Правда между нашими столь похожими с первого взгляда мирами есть немало отличий и одно из главных (в масштабах человечества конечно) заключается в эволюции человека, а именно – в следующем за человеком разумном звене. И под этим звеном, под человеком будущего я подразумеваю вовсе не инопланетоподных существ с худосочным телом и гипертрофированной головой из прогнозов псевдоученых – нет, я подразумеваю волшебников. И я имею в виду не шарлатанов с телевидения, не гадалок, дерущих безумные деньги и отнюдь не безумцев, водящихся с богами, демонами и прочей нечистью – я имею в виду настоящих волшебников, живущих бок о бок с нами, и обычно даже не подозревающих о своих способностях. Воля волшебников обладает осо-

бой силой, их мысли и слова способны материализоваться – но в нашей Вселенной из-за отсутствия веры в чудо и собственные силы, из-за нехватки фантазии все, что они неосознанно создают прекрасно маскируется под счастливое стечение обстоятельств. Но что поделать – наши волшебники еще молодой вид, и кто знает, сколько веков эволюции пройдет, прежде чем они создадут что-то из ряда вон выходящее.

Эволюция магии – как естественного продукта развития человеческого разума во Вселенной двойнике пошла несколько другим путем – в ней волшебники или как их там называют Сомнии, да и все их окружающие прекрасно осведомлены об их даре. Но, к сожалению, магические способности далеко не всегда повышают ваши шансы на выживание и продолжение рода – только представьте себе, что было бы если даже самые ваши бредовые мысли и идеи, эмоции, которые вы испытываете «под шафе» или в состоянии аффекта могли моментально материализоваться. Так что из Сомний под действием естественного (а в нашем представлении скорее сверхъестественного отбора) выжили лишь те, последствия материализации мыслей которых не разрушали окружающий мир и их самих. И нет, это случилось вовсе не потому что Сомнии превратились в эдаких сверхразумных трезвенников, контролирующих свои мысли и осознающих собственные мотивы – для такого эволюционного скачка, пожалуй, не хватило бы и всего времени существования Вселенной. Выжили лишь самые бесполезные из них – да,

они могли воплотить в реальность любую из своих фантазий, но только в ограниченную реальность, создавая микровселенную со своими собственными законами. И ничто из этой вселенной нельзя перенести во Вселенную внешнюю, и ничто из Вселенной внешней нельзя поместить внутрь – только и остается делать, что любоваться ею и глотать слюнки.

Многие века способности Сомний служили лишь для эстетики – аристократы, богачи нанимали их, дабы померяться у кого в поместье Вселенных больше. А какая пусть даже самая капризная кокетка устоит, если Вы подарите ей целый мир на цепочке, дабы она заключила его в качестве украшения меж своих пышных грудей? В итоге Сомнии так и не сформировались как отдельный вид, оказавшись тупиковой ветвью эволюции, но за счет «подкормки» от гнавшихся за модой богачей и продажных кокеток они все-таки сохранили свою генетическую информацию в генофонде.

Так что в одном на сотни тысяч детей «просыпались» гены Сомнии. И обычно к этому относились как к какой-то пусть и не сильно страшной, но довольно неприятной болезни. Да, самые талантливые и удачливые Сомнии, как и в прежние времена посредством своих способностей могли достичь признания, богатства и славы, – но даже самые успешные из них почти всегда отдалялись от своего мира, с каждым днем все больше и больше погружаясь сознанием в свои творения, ведь чтобы у Сомнии не было в жизни, он почти всегда мог придумать нечто в разы более прекрасное (как во всяком

случае им казалось). И так годам к 30 – 40, кто-то позже, а кто-то раньше, они перестают замечать мир вокруг, без конца рефлексирова, наслаждаясь созиданием и созерцанием созданного. Для созданных ими миров они – Боги, а для своего родного – живые мертвецы, чудачки с дряблыми телами, пляшущие в минивселенные и пускающие слюни на то, чего никогда даже не смогут коснуться. Творцы, упивающиеся собственным наркотиком, который затягивает их медленно и незаметно – кажется, что может случиться, но годы идут, и в «реальной» жизни из-за сотен часов, потраченных на фантазии и созерцание, а также ввиду предрассудков в обществе и скрытой травли, Сомнии оказываются не у дел. И тогда их творения затягивают их еще сильнее... И сильнее... И сильнее...

Но это лишь предыстория, теперь же я хочу рассказать об одном «невозвучем» среди сотен тысяч других «нормальных» детей мальчишке, которому передан этот необычный дар, почти всегда обращающийся в проклятие.

Этого мальчишка звали Ян, ему было десять, и он был на редкость талантливый и трудолюбивый. Ян жил с мамой Ниной и бабушкой Якобом в небольшом и уютном домике в тихом маленьком городке. Отец его погиб весьма нелепым способом – на него обрушилась вывеска от магазина дамских чулок, пока тот возвращался домой с работы, когда сыну было восемь. Они были с Яной очень близки – намного ближе нежели со строгой, вечно недовольной мамой, и неудиви-

тельно что Ян во многом походил на своего отца.

Как и его отец, Ян был весьма трудолюбив и смекалист, так что заслуженно обладал званием «будущего гения», которым все восхищались в школе и дома. Но он был еще и мечтателем, и сделав уроки (а они давались ему легко) мальчик зачитывался приключенческими романами и сказками всех сортов. Немало времени он проводил и за придумыванием своих собственных миров. Это сильно пугало маму, она боялась, как бы эта тяга к приключениям и «нереальному» не отвлекла сына от его блестящего будущего, которое ему все пророчили.

И вот однажды, вдохновившись очередной фантастической новеллой, Ян предался своему любимому занятию – начал придумывать собственную историю. На дворе стояло лето, и, пользуясь тем, что сейчас каникулы, и нет никаких уроков, мальчик полностью отдался процессу. Он закрыл глаза и начал представлять свою альтернативную реальность во всех подробностях. Ян был довольно умным и внимательным к подробностям мальчиком, поэтому старался, чтобы его фантазия была не просто яркой и красочной, но и более-менее логичной (хотя бы в рамках фантастической реальности).

Когда, услышав крик мамы с кухни, звавшей всех на обед, Ян открыл глаза, он привскрикнул от удивления. Перед ним в воздухе завис разноцветный шар. Мальчик пригляделся и внутри шара увидел все, что успел себе навообразить за последние пару часов – и сказочные леса, и удивительных жи-

вотных, и прочих волшебных созданий и конечно же людей. Все это было миниатюрным, и казавшееся с первого взгляда игрушечным, было вполне себе реальным и живым – оно двигалось, жило, разговаривало и развивалось.

Ян слышал про Сомний и не сильно удивился – его скорее охватил восторг от раскрывшихся перед ним возможностей. Он с гордостью показал свое творение родным – дедушка восхитился и пораженно покачал головой, а мама отреагировала весьма неоднозначно. Чувствовалось, что ей все это не по душе, но она не знала, как сказать ему это, не обидев.

Теперь, первым делом просыпаясь и приходя после учебы мальчик бросался к своему мирку. Он старался сделать так, чтобы его обитателям было хорошо, но ему не всегда это удавалось – ведь он как-никак все еще был маленьким мальчиком, пусть и очень умным, и добрым. Теперь, помимо школьных учебников и фантастических книг, Ян увлекся трудами про Сомнизм, пытаюсь понять, как осчастливить своих миниатюрных подопечных. Маму, прежде надевшуюся, что это увлечение быстро закончится и забудется, происходившие с ее сыном перемены с каждым днем пугали все больше и больше. Он все еще хорошо учился, но, когда что-то плохое случалось с его творениями, Ян сильно расстраивался и часами просиживал над Вселенной, из-за чего порой не высыпался.

Однажды Ян проснулся около полуночи и почувствовал жажду. Тихо, на цыпочках, дабы не разбудить домашних

мальчик спустился на первый этаж, но он зря старался не шуметь – свет на кухне горел, и из-за закрытой двери слышались приглушенные голоса взрослых. Мальчик уже собирался зайти внутрь, но его одолело любопытство – редко, когда удастся подслушать взрослые разговоры и, подкравшись как можно ближе к двери, он замер.

– Это не приведет ни к чему хорошему. Он слишком много времени проводит со своей Вселенной, – раздался раздраженный голос матери.

– Не заметно, чтобы это ему сильно мешало. Он все еще отлично учится, – пытался ее успокоить дедушка.

– Я не жалуясь на его учебу, на его отметки... Но ты и сам знаешь, как заканчивают Сомнии. Он ведь такой талантливый, столько всего может добиться в будущем, и я не позволю чтобы мой мальчик с его то способностями! вел такую жизнь... как они... – с брезгливостью парировала Нина.

– Ну знаешь, Сомнии обычно весьма талантливы... И неплохо зарабатывают... – Якоб пытался отстоять интересы внука.

– Неплохо зарабатывают! Да на кой черт им эти деньги! У них же в жизни кроме их фантазий ничего не остается!

– Нина, моя дорогая Нина, я воспитал тебя – и не всегда я делал это правильно, но я старался, честно скажу, я старался. Ты его мама, и тебе решать, как воспитывать своего сына. Но как твой отец, как его дедушка я прошу тебя – поверь в него, не только в его таланты, но и в то, что он сможет сам верно

избрать свой путь. Он имеет на это право.

На минуту воцарилось молчание.

– И знаешь, – робко продолжил Якоб, если бы его отец был жив, он бы позволил Яну решать самому.

– Я подумаю, – голос Нины после упоминания погибшего супруга резко погрузнел и стих.

У Яна резко заболел живот – он всегда болел, когда мальчику было страшно. Он ощутил жгучую обиду. Он столько старался, столько учился, всегда слушался – ну почти всегда, а мама все еще боится, что он станет плохим, жалким человеком, когда вырастет. Но что еще хуже она хочет, чтобы у него не было его Вселенной, его дорогих его сердцу творений, его маленьких беззащитных созданий. Горючие слезы текли по его покрасневшимся от возбуждения щекам, он очень плохо спал в эту ночь, а утром постарался припрятать Вселенную получше – на всякий случай. Но как выяснилось, старался он недостаточно...

Он ждал серьезного разговора с мамой, ждал, что она начнет его отговаривать от его увлечения, может даже накажет, но она была его мамой, и Ян верил ей даже сейчас, поэтому даже и представить не мог, что она сделает то, что она в итоге сделала.

Вернувшись домой после учебы, Ян первым делом проверил тайник, но к своему ужасу маленького шарика там не было. Он понял все и взревел от отчаяния. На его крик сразу сбежались все домашние.

– Ты! Это сделала ты! Я слышал ваш ночной разговор! – весь в слезах бросился он на мать. – Где, где моя Вселенная? Куда ты ее подевала?

Нина, потупив глаза виновата сказала – Милый... Я хотела как лучше... Эта Вселенная слишком отвлекала тебя. Тебя ждут другие дела, более великие, ты же у меня самый-самый! Вот увидишь, – она заискивающе улыбнулась.

– ГДЕ... МОЯ... ВСЕЛЕННАЯ?! – не унимался Ян.

– Понимаешь, я ее выбросила. Так будет лучше, ты поймешь это, когда вырастешь, – лепетала Нина в ответ.

Но мальчик не слушал ее бессмысленных оправданий, он бросился на улицу

и побежал к ближайшей помойке. Рыдая, он перерыл весь мусор, невзирая на недоумевающие взгляды прохожих и попытки матери оттащить его.

Но мусорщики уже успели вывезти все на городскую свалку – однажды ночью тайком он пробрался и туда, наплевав на то, что хорошие мальчишки так не делают, наплевав на грязь и все инфекции, что там можно подцепить, ведь где – то там, среди груды мусора Они ждали его.

Сомнии могут управлять своими мирами лишь на близком очень расстоянии, стоит отойти буквально на метр, и Вселенная переходит на автономный режим, развиваясь по законам, которые в нее заложил ее создатель. Мальчик знал это, но также он знал и то, что его Вселенная еще не доделана, в ней все время что-то разрушалось и все время прихо-

дилось что-то править и чинить – пока она еще не могла обходиться без своего Создателя. Часами он рылся на свалке, часами пытался установить связь со своим миром, бегая от одного конца к другому.

Но сколько он не искал, ему так и не удалось найти свой Мирок. Наверное, тот оказался столь недоделанным, что, оставшись без присмотра творца даже на краткий срок разрушился изнутри...

Шли годы, Ян рос и мужал. Он не стал хулиганом и не забил на учебу, как сделали бы многие на его месте из мести. Дедушка Якоб умер, когда Яну исполнилось 16, и они с Ниной остались вдвоем, но за все десять лет, прошедшие с момента их «ссоры» Ян так и не заговорил с матерью.

И тут в их мире начали происходить удивительные вещи, куда более удивительные нежели существование Сомний.

Этой весной дерево махуа, плоды которого очень любил Балу, так и не зацвело. Сливочного цвета восковые лепестки были сожжены зноем, прежде чем успели развернуться, и лишь несколько дурно пахнущих бутонов упало на землю, когда медведь стал на задние лапы и потряс дерево. Потом шаг за шагом безмерный зной пробрался в самое сердце джунглей, и они пожелтели, побурели и наконец почернели.
<...>

Птицы и обезьяны ушли на север в самом начале года,

понимая, что им грозит беда, а олени и дикие свиньи забегались далеко в сохнувшие на корню поля вокруг деревень и нередко умирали на глазах у людей, которые слишком ослабели, чтобы убивать их. Коршун Чиль остался в джунглях и разжирел, потому что падали было очень много. Каждый вечер он твердил зверям, у которых уже не хватало сил уйти на новые места, что солнце убило джунгли на три дня полёта во все стороны.

<...>

А зной всё держался и держался, и выпил всю влагу, и в конце концов из всех потоков оставалось только главное русло Вайнганги, по которому струился тоненький ручеёк воды между мёртвыми берегами; и когда дикий слон Хатхи, который живёт сто лет и даже больше, увидел длинный синий каменный хребет, выступивший из-под воды посередине потока, он узнал Скалу Мира и тут же поднял хобот и затрубил, объявляя Водяное Перемирие, как пятьдесят лет назад объявил это Перемирие его отец.

Редьярд Киплинг. Книга Джунглей.

Никто не понимал, что произошло – в течении буквально пары месяцев температура почти по всей планете начал резко подниматься. Кто-то говорил про глобальное потепление,

вызванное загрязнением окружающей среды, кто – то – про смещение орбиты Земли. Исследовательские институты работали без выходных почти круглые сутки, босоногие пророки высыпали на улицы, грозясь божьей карой, а водоемы тем временем все мелели.

Творилось нечто экстраординарное, к чему никто не был готов, все всех винили, но никто толком не мог объяснить происходящее. Что самое странное и самое страшное – это нечто затронуло весь мир, и в редких местах на Земле можно было найти от него спасение. Цивилизация, не смотря на свой уровень развития технологий, не была готова к чему – то столь стремительному и внезапному. Все силы были брошены на то, чтобы обеспечить людей водой. Раскальвались и вывозились ледники, соблюдение гигиенических мер вроде мытья тела, посуды и прочего были резко ограничено, что в свою очередь привело к вспышке всевозможных эпидемий у ослабших от зноя и нехватки воды людей.

Несколько месяцев продолжалась засуха – реки почти обмелели, а их берега и полупересохшие русла были усыпаны трупами – в экстренных условиях люди превращались в животных, и никто и ничто – ни совесть, ни неволя больше не пугали их. Всякий, кто приходил за спасением, кто пытался вытянуть зловонные животворящие капли из грязи бы обречен погрязнуть, утонуть в своем спасении, обескровленным – поздно было гнушаться чужой крови. Люди боролись за жалкие крупички воды, и самые сильные оккупировав во-

допои не только убивали наивных глупцов, понадеявшись под покровом ночи пробраться незаметно, но и забирали их влагу – вспарывая артерии и вены, припадали к этим животворящим (для нападающего) фонтанам, с жадностью глотая каждую каплю драгоценной жидкости.

Но однажды случилось чудо, которого так ждали – над большой частью суши, (которая кстати включала в себя городок, в котором жил Ян), небо заволокло тучами, и люди, похватав бутылки, тазики – все, что только можно было заполнить, выбежали на улицу.

Вот и понеслись к земле первые капли, провожаемые жадными, полными надежды, взглядами. И когда они наконец упали, по всей земле разнеслись крики – но это были крики не радости, это был всеобщий вопль боли, ужаса и непонимания. Каждая капля несла в себе смерть, прожигая все на своем пути подобно кислоте.

Нина, закопавшаяся с поиском подходящей емкости, застыла на пороге распахнутой двери, увидев, что это за «манна небесная».

Ян стоял рядом. Он уже не был тем патлатым мальчишкой, что прежде – спустя десять лет он превратился в высокого, щуплого юношу. Благодаря своей усидчивости, терпению он, не смотря на мамины страхи смог вырасти в «успешного человека», и уже года два как учился в университете, делая большие успехи – но какое это значение имело теперь?

Нина медленно, словно во сне повернулась к нему. По ее

постаревшему за эти годы лицу катились слезы.

– Знаешь, кажется, теперь я понимаю, что чувствовали твои создания, оставшись без тебя, – с горечью в голосе сказала она.

– Ты не заговоришь со мной... даже сейчас? – умоляюще попросила она.

Ян молчал, как и все эти десять лет.

Нина зажмурилась, словно от боли.

– Ладно, – с трудом сдерживая рыдания, сказала она. Ладно... – и опустила голову, всхлипывая.

Когда Нина вновь подняла голову и посмотрела на Яна, выражение ее лица резко изменилось – ее глаза, полные слез сияли, а на губах играла легкая улыбка.

Нина стояла возле открытой двери – капли не достигали ее, а она словно любовалась тем разрушением, что творилось снаружи.

Нина обернулась к сыну на мгновение, поджав губы, посмотрела ему в глаза. Она с материнской нежностью провела рукой по его щеке и сказала, – Вот и все. Ты не идешь? Это же последняя сцена.

Прежде чем Ян успел сообразить хоть что-нибудь она с быстротой, не свойственной для своих лет выбежала на улицу, подняла голову к небу, раскинула руки, и морщась от боли закричала, – прими меня, Господи! Прими и защити от всякого зла! – и в следующее мгновение зашла в вопле боли.

Сбросив с себя оцепенение, Ян было ринулся к ней, и жгучие капли дождя обожгли его руки, но только почувствовав их, он сразу же бросился обратно в дом. Нет, вовсе не потому что не захотел жертвовать собой – просто то, что осталось от Нины было лучше уже не спасать. Ее голос вскоре затих.

Ян, пятясь назад, ушел от дверного проема. Ему было страшно – страшно как никогда прежде, но внутри он понимал, что бороться не имеет смысла. Нет смысла звонить, включать радио или телевизор в надежде на спасателей – все антенны и провода уже давно развел голодный жадный дождь. Может кто-то где-то спасется – вряд ли дождь идет везде, да и может кто доберется до бункеров – хотя долго ли продлится спасение последних? – дождь, из чего бы он не состоял, пожирал буквально все – начиная от человеческой плоти и заканчивая земной твердью. Может, кто и спасется – но точно не он.

Ян осел на пол. – Ты не заговоришь со мной... даже сейчас? – прозвучало у него в голове. Он почему – то начал вспоминать свою маленькую Вселенную, вспоминал, как мечтал о том, что может, и у его мира есть свой маленький мальчик, который их создал. Ян в отличии от своей матери никогда не верил в Бога – он перенял идеи своего отца, хотя и знал его так мало лет. Ему просто нравилось мечтать о том, что по ту сторону Вселенной есть такой же мальчик, как и он сам.

И сейчас, когда было поздно что-либо делать, пока он

ждал пока капли дождя разрушат верхний этаж и доберутся до него, когда он мог лишь оттягивать мгновения до агонии, Ян вдруг понял, что не так уж важно, есть ли где-то Создатель или все случилось само собой – важен лишь некий импульс, позволяющий Вселенной раскрываться, зарождаться и умирать. И этот же импульс, лежащий в основе всего сущего, побуждает нас к жизни, он побудил Нину и его папу дать ему жизнь, и побудил его самого создать свою Вселенную. И этот импульс, Всеобщий Закон – который так тщетно пытались придумать религиозные фанатики, и открыть и описать ученые он ощущал сейчас, в этом дожде. И он был готов оказаться стертым в своей нынешней форме, и был готов ожидать пока из той каши, в которую превращал их дождь, измельчая и смешивая воедино, возникнет что-то новое. И тогда все они, некогда ошибочно выделяя себя из мира внешнего, объединившись в ходе этого слияния, повинувшись этому импульсу, обретут новые формы.

Ян подошел к окну, стекло которого уже давно растворилось и еще какое – то время смотрел, как его мир стирается – крупница за крупницей, точка за точкой...

Призрак

Я слишком много боялся и слишком много страдал. Я кричал от боли, раздиравшей меня изнутри, и давящей снаружи, моля мир о пощаде, но он был глух к моим мольбам, посылая мне испытание за испытанием. Меня затягивало в вереницу событий, а я не поспевал за чередой сменявших друг друга картин. Как бы быстро я не бежал, я всегда оставался позади, падал, но мне не позволяли остановиться, подгоняя раз за разом.

В мире не было места, где я бы был в безопасности, в мире не было никого, кто бы мог защитить меня – одним было не до меня, другие же были слишком слабы.

Лишь сон давал мне успокоение, но он был слишком краток, и тогда я наконец решился спасти себя сам. Собрав последние силы, я создал вокруг себя стену, чтобы никто более не мог обидеть меня, и там, внутри своей капсулы я уснул на много лет – обрел покой до тех пор, когда наконец смогу обрести счастье.

Когда я проснулся, все мои прежние страхи истлели, обратились в пыль столетия назад. Все, кто что-либо значил для меня, давно покинули этот мир, но я никогда прежде не чувствовал себя столь счастливым и столь спокойным. Но вскоре мне открылась страшная правда. Освободившись от гнета своих восставших детей, мир умирал. А я наконец-то

ожил, чтобы прожить последний и единственный день своей истинной жизни. Он угасал, а я, вбирая его спокойствие, холодное, но столь прекрасное умиротворение – спустя столько лет боли и страха – миллиарды его и тысячелетия моего, наполнялся новыми, прежде неведомыми мне силами и желаниями.

И вот, когда настал конец всему, и мой мир умер – тихо, спокойно, столь уставший и наконец то обретший покой, а я, возродившийся после боли и сна, был обречен угаснуть внутри него, заключенный в его умирающее тело словно ловушку. Его последний вздох, полный умиротворения наполнился моим отчаянием, и он, опустевший вобрал меня в себя, я всегда был лишь частью его, но теперь он стал частью отзвука моего сознания. Время и пространство сломались, смешались, и хаос поглотил систему, а я – последний, растворился в путанице из событий и грез. Потерявшись, я познал все то, от чего так силился бежать и чего так желал, лишь тогда, когда оно уже безвозвратно исчезло.

Я призрак из старого мира, пленник, запертый внутри своего мертвого дома, разносящийся эхом предсмертного крика по новой Вселенной.

Дитя нового Мира, меня давно уже нет, но ты ведь слышишь меня?

Лекарство от стресса

Я люблю приходить сюда после работы. Впервые меня вдохновил на поход в бассейн старый знакомый с работы – я уже много лет не общаюсь с ним, но все следую его совету. Помню, как он тогда хлопнул меня по плечу, с показной тревогой посмотрел на мои синяки под глазами, и с видом эксперта заявил, что физическая нагрузка, особенно что-то столь легкое и расслабляющее как плавание помогла бы мне справиться с стрессом, от которого я, по его словам, «ужасно страдаю» и еще более ужасно выгляжу.

Так что теперь, если мне захочется впечатлить собеседника, я могу покорить его сразу двумя столь модными сейчас вещами – да, да, у меня стресс, и да, я веду здоровый образ жизни. Главное не уточнять, что веду я его ровно три часа в неделю, не больше, а в остальное время с лихвой ликвидирую его столь полезные последствия недосыпом, попытками «запить» недосып шотландским виски, ссорами на работе, ссорами дома и «легкими» перекусами в фастфудных кафешках.

Да, определенно если в ходе беседы вы ляпнули нечто глупое или же нечем разбавить, повисшее в воздухе неловкое молчание, скажите, что у вас стресс, а еще лучше использовать более «модное» (потому что более длинное и страшное) слово – депрессия. А если вам пришлось на днях проронить

пару слезинок – сразу же не поленитесь оповестить об этом всех знакомых, сопровождая для пущей эффектности рассказ трагическим закатыванием глаз, наглядным сморканием в платочек и фразами, – О боже, это было так ужасно! Такой стресс, такое давление!

Бинго! Вы герой! А в беседе с особо близкими друзьями в конце стоит словно невзначай бросить фразу – Ах! Надо что ли покончить с собой во вторник! Ой нет, во вторник у меня совещание. Ну может в среду... – и меланхолично вздохнуть.

Сегодня мне повезло – в бассейне никого, лишь спасатель на скамейке лениво листает что – то в телефоне. Увидя меня, он корчит недовольную мину – как никак я нарушил его блаженное бездействие.

Поднимаюсь по хлипкому трамплину, вытягиваю руки, закрываю глаза – не хочу видеть переход от этого мира в другой, хочу «очнуться» уже там, по ту сторону, хотя бы на пару секунд затеряться в этом расплывчатом голубовато-белом мирке, ласкающим мое слабое тело легкими волнами теплой воды, пропахшей хлоркой.

Легкий толчок, «элегантный» прыжок (с элементами неловкого бултых) и вода принимает меня с распростертыми, чуть прохладными с непривычки объятиями. Открываю глаза – их нещадно щиплет хлоркой, но я терплю, наслаждаясь этим мутным голубовато-белым миром. Пытаюсь как можно дольше не всплывать, не возвращаться к реальности, обитой желтоватыми прямоугольными плитками стен, лени-

вому спасателю, моим розовым резиновым шлепкам возле бордюра, работе, надоевшему браку... Но вскоре начинает не хватать воздуха, да и устаю бороться с попытками воды вытолкнуть меня наружу. Пытаюсь всплыть, но вдруг чувствую словно что-то обволакивает мою ногу. На мгновение меня охватывает паника, так как легкие уже готовы взорваться, не получив очередную порцию воздуха. Но собрав волю в кулак я поворачиваю голову, дабы растеряться окончательно. Что -то черное, внешне похожее на ткань, а на ощупь на слизь, обволакивает мою лодыжку и не хочет отпускать ее, не смотря на все мои старания. Начинаю замечать, как подобная «слизь» начинает окружать меня со всех сторон. Я бы конечно позлился на нерадивого смотрителя бассейна, который настолько не следит за чистотой, но в тот момент я испытывал лишь страх и отчаянное желание получить глоток воздуха.

Черной слизи становится все больше и больше, еще пара мгновений и я теряю из вида пол и стены бассейна, а свет «внешнего мира» почему-то сначала отдаляется, а затем и полностью перекрывается склизкой тьмой.

Я не выдерживаю и делаю вдох, слизь проникает в рот, протекает в горло, заполняет легкие, и я с удивлением осознаю, что могу дышать ею.

Сердце бешено колотится, я начинаю задыхаться от паники (а может этой жижей все-таки нельзя дышать) и цепенею от ужаса. Чуть отдышавшись и отойдя от оцепенения пыта-

уюсь плыть, но вскоре, охваченный страхом не могу контролировать движения, начинаю бултыхаться, в панике беспорядочно размахивая конечностями, потом вновь задыхаюсь и цепенею – и так много раз.

Через какое – то время мой взбесившийся мозг уже более не способен генерировать страх, и я смиряюсь. Отупев от пережитого шока, я словно в бреду пытаюсь нащупать хоть что-то помимо собственного тела в этой непроглядной темноте, найти хоть какой-то ориентир, поскольку, бултыхаясь в панике уже позабыл где находится верх, а где низ, и не нахожу ничего. Пытаюсь проплыть вперед, вбок, вниз, вверх, дыша слизью, но границы бассейна словно растворились, ни стен, ни пола, ни самое главное – возможности всплыть на поверхность – везде лишь одна черная субстанция.

У меня в голову пришла нелепая ассоциация – я подумал, что я подобно яголке в черничном варенье, обволакиваемый черной жижей. Сама мысль была очень глупой, но я-почему-то не выдержал и из моего рта вырвалось хриплое – Ха, похожее на кашель заядлого курильщика. Пребывая в полной изоляции, я болезненно вздрогнул от звука собственного голоса и почему-то ощутил стыд.

Я не знаю сколько времени я так «плыл», но лишь однажды где-то над головой забрезжил слабый источник света. Я пытался подплыть к нему, и какова же была моя радость, когда он стал увеличиваться. Я протянул руку к нему и тут посреди этого черного пятна возник черный силуэт ладони,

тянущейся к моей руке. Я закричал от радости, сделал рывок – и опять провалился в абсолютную непроглядную тьму. Растерянный, я захныкал от обиды словно маленький ребенок, не понимая, что случилось – может мой мозг, пребывая в состоянии изоляции, спасая меня от перегрузки выдал мне столь обнадеживающую галлюцинацию? Но от нее стало лишь хуже...

Устав плыть, я пытался считать собственный пульс, чтобы хоть как-то занять себя и примерно ориентироваться во времени, пытался говорить сам с собой чтобы как-то заполнить пустоту. Вскоре пришли яркие галлюцинации, они давали хоть какое-то облегчение, но каким же болезненным каждый раз было возвращение из их пестрого, яркого мира обратно – я снова и снова вспоминал что произошло.

Я начал думать, что выхода из создавшегося положения возможно нет (чем бы оно не было). В таком случае у меня есть лишь две надежды – мой мозг станет восполнять нехватку информации еще большим количеством галлюцинаций, которые уже почти не пугали, а наоборот манили меня, либо – смерть. Черная жижа видимо с лихвой утоляла мои потребности в воде и дыхании. Голода я тоже не чувствовал, но с учетом потерянности во времени не мог сказать связано это с питательной ценностью жижи или же я просто не успел проголодаться, так что суицид начал казаться мне более чем разумным решением.

Но как? Убить себя явно надо было как можно быстрее и

желательно безболезненное, так как для меня как человека без суицидальных наклонностей (до сего момента) осознанно причинять себе боль и разрушать свое тело и жизнь было весьма непростой задачей.

Перебрав множество вариантов в голове, я стащил с себя плавки, по привычке ощутив стыд наготы (хотя стыдиться было явно некого). Плавки на мою удачу были сделаны из весьма плотной ткани. Безусловно, смерть от удушения трусами не представлялась мне почетной, но от одной мысли о голодной, долгой и мучительной смерти посреди этой черноты меня передергивало. Так что я выбрал весьма жалкий способ уйти из этого (а вернее «того» мира).

Я не раз думал о произошедшем, пытаюсь найти ему объяснение, но стоило мне начать затягивать ткань на своем горле, как мой мозг подобно вспышке молнии пронзила яркая и пугающая мысль. Я и прежде предполагал, что происходящее мне может лишь мерещиться (может не рассчитал прыжок и ударился головой о дно бассейна или не смог вовремя всплыть, а может я вообще лежу сейчас дома в кровати и вижу очередной кошмар).

Перед моим мысленным взором предстала такая картина – вдруг я, отключился в ходе несчастного случая, вдруг в мире прошло не так уж много времени и сейчас меня активно пытаются спасти, привести в чувство – тот же спасатель, отбросив в сторону свой телефон, а моя попытка суицида – проекция угрожающей мне в том мире смерти, и стоит мне

убить себя, как мой организм перестанет бороться, и я умру не только здесь, но и там.

Я ослабил хватку и растерянный завис в черной жиже – обнаженный и напуганный, один на один с непроглядной тьмой.

Лесной Принц

Марк и Матиус из всех героев больше всех походят на осколки моей собственной души, до боли знакомые мне и столь невидимые для окружающих.

Марк хорошо знал тропинки этого леса. Ему нравилось сбегать сюда после уроков – немного свободы между учебой в школе и скуки дома. Стояла ранняя осень и солнце еще ярко светило, а листья еще хранили свою изумрудную зелень. Он был здесь сотни и сотни раз. Ему нравились обжигающие поцелуи солнца, нежные поглаживания трав под ногами и музыка пения птиц. Он все надеялся встретить здесь ежа или белку, а может даже зайца – они здесь обитали и временами ему удавалось заполучить столь желанную встречу.

Бабушка же рассказывала ему о кое – ком покрупнее – о гигантском олене, Принце Леса, что скрывается в чаще. Тело его испещрено глазами, и он видит и ведаёт все, что происходит в его Королевстве, оставаясь невидимым для гостей. Бабушка знала много сказок, много легенд и интересных историй, но сама стала историей в прошлом году. Без нее дома стало еще более пусто и скучно, словно из него ушло последнее тепло.

Утомившись – из-за школы он мало спал, Марк привалил-

ся к мощному дубу и прикорнул. Не было времени спать – и именно поэтому хотелось уснуть, ведь во сне ему не придется за сон стыдиться.

Когда он проснулся уже было темно, а значит родители снова будут ругаться. Марк достал из рюкзака заготовленный фонарик и очень смело для десятилетнего мальчика зашагал через лес домой. Он редко бывал здесь в такое время – вечерами казалось, что ветки и травы, мокрые от влаги сами хватают его за ноги, за плечи, за руки, словно уговаривают остаться.

Приближаясь к городу, Марк услышал громкие всхлипывания с ближайшей поляны. Ему стало чуть жутко, он притушил фонарик и тихо подкрался. Посреди поляны стояла девочка с столь знакомым силуэтом.

– Амели, – прошептал Марк. Амели, удивительная Амели, с золотистыми волосами, рыжеватыми веснушками и кристально голубыми глазами. Амели – пахнущая карамелью, его прекрасная Амели, его – пусть она пока и не знает об этом.

Нет, пока она не видит его, не замечает его, и не ведает его мечтаний о ней. Не замечает низкого замкнутого мальчишку с растрепанными черными волосами на фоне статных и громких бугаев из их класса. Но когда – нибудь она будет его.

– Амели, – попробовал он окликнуть ее, но в горло пересохло от волнения, ноги стали деревянными, а сердце колотилось как безумное. Дрожащей рукой он включил фонарик,

а девочка испуганно вскрикнула.

– Это я, это я, – закричал он, поспешно выскакивая из кустов, пока она не убежала от страха.

– Марк?! – с удивлением и облегчением вскрикнула она, а еще – к радости Марка с радостью и бросилась к нему.

– Я заблудилась в этом ужасном, ужасном лесу. Мы гуляли здесь днем с Тиной и Томом, а потом они убежали. Девочка обиженно надула губы и топнула ножкой, что показалось Марку очаровательным.

– Убежали, а я не знаю дороги, я никогда – никогда не хожу сюда! В этот ужасный лес! Он испачкал мне платье! И тут холодно, и темно!

– Ттттак ддавай, я вы... выведу тебя отсюда, – запинаясь произнес Марк.

Он специально пошел длинной дорогой и не спешил по пути, ведь наконец – то рядом с ним шла Амели, его Амели.

Он накрыл ее своей курткой и заботливо подавал руку, помогая перебираясь через острые коряги. Постепенно они разговорились. Марк рассказал ей что лес не столь ужасен, что он часто бывает здесь и ничего страшного не случилось.

– Знаешь, лес для меня особенное место, мне нравится уходить сюда. – признался он, когда они подходили к ее дому.

– Это словно мое царство, где я свободен – ни родителей, ни домашки, ни хулиганов... Только ты никому, никому не говори об этом... Хорошо?

Амели улыбнулась, и Марк несмотря на вечерний сумрак увидел ее улыбку в свете городских фонарей, разглядел ее ямочки на щеках.

– Не расскажу, – пообещала она и смущенно, на лету чмокнула его в щечку, а затем – так же на лету, стремительно и легко бросилась – полетела к двери.

На следующее утро Марк пришел пораньше – ему хотелось испытать удачу и попробовать заговорить с Амели до уроков. Мысль об этом то обжигала его жаром, то обращала в лед от волнения. Когда он зашел в класс – его постигло разочарование, Амели сидела в стайке других ребят, а все почему – то смотрели на него.

Да, хулиганы любили его задирать, обижать, забирать деньги на обед, но обычно расценивали как пустое место. А сейчас все глаза были обращены на него, кроме глаз Амели, которая смущенно прятала взгляд.

– Чууудииилаааа, – затянул один из мальчишек.

– Лесной чудик, леший, леший, – вскоре подхватили все остальные (да, у детишек странные представления об обидных прозвищах, как и у автора данного текста).

Сердце Марка ушло в пятки, он растерянно смотрел на Амели и понимал, что она его предала. Она всем рассказала его тайну.

Его жгло изнутри от обиды – обиды за то, что его так осмеяли, обиды, что это продолжалось неустанно год за годом, но хуже всего была что она – его Амели, Амели, что должна

была быть его, предала, обманула его.

Он смотрел через призму слез, застилавших глаза на злые, насмешливые лица вокруг – и обида сменялась отчаянием. Ему хотелось кричать, кричать о том, как ему больно, как ему одиноко, умолять, умываясь слезами, соплями, чтобы его пощадили, чтобы хоть кто – то, хоть кто-нибудь утешил его. Но всем было все равно, а стены давили, смыкались и ему было невыносимо в них оставаться.

Марк пулей, под смех одноклассников выскочил из кабинета, чуть не сбив на входе удивленного учителя. И бросился прочь – он бежал, останавливаясь лишь чтобы перевести дух – прочь от этих злых лиц, от жесткого смеха, от смущенного взгляда Амели, от сжимающих стен и непонятных холодных людей, прочь от города в лес.



В лесу он наконец то смог разрыдаться, уткнувшись в холодный и влажный мох. Недавно прошел дождь и было зябко, но этот холод даже успокаивал его. Знакомыми тропами Марк неспешно дошел до озера. Не взирая на холод ему захотелось окунуться в эту темную воду, чтобы ощутить водную гладь, что держит его. Он прыгнул с разбега, но мокрые камни подставили ему «подножку» и мальчик вместо красивого прыжка в воду, рухнул с холмика на серый булыжник.

О А мели, моя Амели, в мире нет места нашей любви.

Красная кровь ручейком стекала в черную воду, а голову Марка заполнила тьма. Лишь еле слышные слова нежным шепотом долетали до него через эту тьму.

Дитя... ты всегда принадлежал нам.... Но теперь... отказавшись от людей... пути назад нет... Тот, кто вошел в Лес... из него не вернется....

Марк открыл глаза и поднялся – тело было столь легким, и не чувствовало боли, несмотря на падение. Озеро было окутано белым туманом, как и сознание мальчика – знакомое место казалось таким нереальным, но почему – то от этого еще более знакомым.

Стоило ему поднять глаза и посмотреть в сторону тропки, что привела его сюда, и он оцепенел – сначала от изумления, а затем от ужаса. Среди белого тумана вырисовывалась темная фигура. Олень – такой огромный, Марк никогда и не ду-

мал, что они бывают столь большими, стоял перед ним, преграждая путь. Он смотрел на мальчика – но не только двумя блестящими черными глазами, как все олени, он смотрел на него десятками глаз, рассыпанными по всему его серебристо-черному телу. И глаза это были человеческие.

Марк бежал – и стоило добежать до границы с городом, он вновь возвращался к озеру, словно мальчик оказался в заколдованном круге. Он бежал в разные стороны, но не видел ни дорог, ни людей, ни домов.

За деревьями раздался смех – игривый, легкий, зачаровывающий. Мальчик в надежде бросился туда – и влетел прямо в объятия удивительных девушек – нагих и прекрасных, с сияющими глазами. Их ноги были как корни, а руки как ветви, звонкие голоса напевали ему песни. То девушки, то деревья, усыпанные цветами.

Их песни баюкали его, а смех не казался злобным, но Марк в еще большем ужасе вырвался из их цепких ветвей. Он бежал, а лес оживал, наполняясь странными существами, которых он и представить не мог. От ужаса некуда бежать, остается лишь выгореть и признать – признать невозможное, признать сверхреальное.

Не бойся дитя – я короную тебя и узришь ты тайны мои – сотнями глаз.

И невидимое стало видимым, и беззвучное обрело голос.

Глава 2. Альбедо

Тёмный свет

История о трех сумасшедших.

Виктор, незаметно отхлебнул из фляги и наконец-то сообразившись с духом, постучал в дверь.

–Входите, – раздался приглушенный голос издателя.

–Чёрт, я забыл, как его зовут, – спохватился юноша и в последний момент кинул взгляд на табличку на двери.

–Юрий Сергеевич, Юрий Сергеевич... Юрий Сергеевич, – прокручивал он у себя в голове, подходя к стулу и боясь поднять глаза на обладателя сего имени.

Он шел сюда, полностью убежденный в своем провале. Встречу ему устроили «по знакомству», а не за какие-то особые заслуги в творчестве, но что-то все равно гнало его сюда. Что-то внутри, столь гадкое, уродливое, но столь родное заставило его прийти сюда. Это что-то то жестоко терзало его, то сладким шепотом умоляло, – расскажи...

–Итак, Вы Виктор насколько я понимаю? – спросил сидевший за столом грузный мужчина.

–Ддаа, – промямлил юноша, а Вы издатель? – и тут же

спохватился, осознав какую глупость ляпнул.

Юрий Сергеевич недоумённо поднял одну бровь.

–Извините, я просто волнуюсь, – обезоруживающе приподняв руки исправился писатель.

–Ничего, ничего, попейте, может станет лучше, – поддержал его издатель, протягивая пластиковый стакан с водой из кулера, стоявшего возле стола.

–Что ж, если Вы успокоились, может приступим? Вижу Вы без бумаг, Ваши «рукописи» на флешке? – издатель улыбнулся собственной игре слов и потянулся к кнопке включения компьютера.

–Нет, я сам... Мои истории это я... То есть... Я расскажу Вам по памяти одну из них. Если позволите... Это не займёт много времени.

–Как Вам будет угодно, – издатель оперся локтями в стол и уткнувшись лицом в скрещенные пальцы, постарался придать ему сосредоточенное выражение.

Виктор, прикрыв глаза, вздохнул. Ему показалось, что повеяло холодом и он начал свою «маленькую историю».

*Пойди туда – не знаю куда,
принеси то – не знаю что*

Было около шести часов утра, я сидел на остановке возле общежития и ждал первый автобус, чтобы успеть на поезд домой. В такую рань заснеженная улица была пуста, за

исключением меня и странного мужчины в темном пальто и лёгонькой шляпе, из-под которой неаккуратно торчали уже изрядно поседевшие волосы. Незнакомец стоял неподалеку от остановки под фонарем и казалось кого-то ждал. То и дело начинал завывать ветер, но пробравшись под куртку и бросив мне в лицо горсть колких снежинок он снова успокаивался на какое-то время.

Автобус задерживался, но я вышел заранее, так что все еще успевал. Окончательно продрогнув, я попробовал сделать легкую зарядку дабы согреться. Через минут десять, весь взмокший, но зато согревшийся я в какой раз убедился, что спорт – это не мое и плюхнулся на скамейку перевести дух. От нечего делать я решил поискать созвездия, но взглянув на небо не нашел ни одного – все мои звезды словно «растаяли» под светом прожекторов «большого города» и уличных фонарей. Свет искусственный затмил настоящий.

Я заметил, что мужчина наблюдает за мной. Я хоть и не из робкого десятка, да и он был довольно «нежного» телосложения и интеллигентного вида, но так как на улице были мы одни, а оружия у меня с собой никакого не было, мне стало не по себе. Поймав мой взгляд, он наконец решился подойти поближе и спросил, – извините, не могли бы Вы мне помочь?

– Да, – с нежеланием выдавил из себя я через пересохшие от волнения губы, пытаюсь успокоить себя тем, что я студент, а студенты те еще фантазеры и любят накручивать себя.

– Знаете, я жду тут одного человека, но я понятия не имею

как он выглядит, так как прежде его не видел. Может быть это Вы?

–А я жду автобус и мне никто не назначал встреч здесь и сегодня, так что боюсь ничем не могу помочь.

–Можете, еще как можете, возможно... Знаете, ведь мне тоже никто не назначал встречу сегодня.

–Поэтому Вы решили назначить ее мне прямо сейчас? – этот странный джентльмен уже начал действовать мне на нервы.

–Прошу Вас, не сердитесь, – примирительно сказал он, не возражаете если я присяду? – спросил незнакомец и не дожидаясь ответа сел на скамейку слева от меня.

Теперь мне еще сильнее захотелось чтобы автобус пришел как можно скорее.

– Вот Вы, наверное, думаете – какой чудак привязался. Ищет то, не знаю кого и чего – прям как в народных сказках. Да он прям мысли читает...

–Ищу то, сам не знаю, что... – а ведь и правда... – он замолчал на минуту и его взгляд стал очень грустным.

–Но у меня есть причина, я хочу узнать истину, не эти нелепые псевдоистины, о которых кричат на каждом углу, – Бог спасет Вас, верьте в Бога, любовь способна все победить или эти мрачные – мы все умрем, человечество обречено, нет, это всё не то, – с жаром продолжил незнакомец, его и без того красные от мороза щеки заалели еще сильнее, а глаза загорелись. –Вот я попал, – с грустью подумал я, незаметно

поглядывая на часы.

А мой собеседник все не замолкал, – знаете, у Дугласа Адамса была одна книжка... Там высшая раса построила суперкомпьютер и потребовала с него ответ на главный ответ Вселенной. И представьте себе их возмущение, когда машина выдала им – сорок два. Сорок два, представьте! Поэтому то я и спрашиваю – в чем заключается вопрос, а не ищу ответ. Люди веками искали смысл жизни, а вот с чего скажите они взяли, что должен быть смысл? Разве нужен атомам смысл чтобы в нас сложиться? -он тяжело вздохнул.

–Вот поэтому я и сам не знаю, что ищу.

Но видимо незнакомец был не из тех людей, которые так легко сдаются, он устоял на скрытое светом фонарей небо и продолжил мне досаждать, – Интересно, какова вероятность, что сегодня – 19 января 2017 года, мужчина глянул на часы, в 6:15 утра здесь, именно здесь я встречу человека, который сможет мне ответить в чем заключается самый главный вопрос?

Я понял, что не могу больше выдерживать этот бред и спросил напрямую, – Вы пьяны? Или просто ненормальный?

К моему удивлению, он не смутился и не разозлился, даже наоборот. Глаза мужчины радостно сверкнули, он резко вскочил со скамейки, крутанулся на месте, с уважением приподнял шляпу и воскликнул, – благодарю, Боже, как же мне повезло, благодарю Вас! Что ж... Теперь, когда задан вопрос мне осталось самое легкое – найти на него ответ, – и убежал

во тьму узеньких улочек.

Вдали засветились фары моего автобуса.

По глазам издателя Виктор понял – это провал.

–Юноша, я не хочу Вас обидеть, но может Вам самому стоит подумать об ответе на эти «важные вопросы бытия». Вы ненормальный? Или может быть пьяны?

Юный писатель впервые за весь разговор осмелившись посмотреть собеседнику в глаза ответил – Да, и вспомнив о заветной фляжке, чуть покраснев, добавил – немножко, – и широко улыбнулся.

P. S. Третьим сумасшедшим был не редактор.

Письмо

Нравилась ли она ему? Сложно сказать. Надеялся ли он на большее? Он еще и сам не знал. Ему просто нравилось идти рядом с ней и болтать о всяких мелочах. Ему даже казалось забавным, что люди – лишь буквы, если не меньше в Книге Бытия столь волнуются по поводу того, с кем им придется проводить день за днём: просыпаться, завтракать, прощаться перед уходом на работу, встречаться снова и засыпать – и так тысячи раз по жизни проходить один и тот же замкнутый круг.

Но все же он бережно хранил в памяти все подробности их первой встречи. Когда к ним в музей пришла работать Юля, её изящная миниатюрная фигура и приветливая улыбка сразу привлекли Игоря. Они оба работали зрителями в соседних залах, и нередко болтали во время обеденных перерывов, но лишь когда Юля с гордостью сообщила, что ее устроили в место получше (кто и за какие заслуги Игорь спросить постеснялся, но его терзали не очень хорошие сомнения), он наконец-то решился позвать ее на прогулку. Да, на обычную прогулку в парк, без просмотров сопливых мелодрам в кино и без безвкусных ужинов в дешевых кафешках. За одной прогулкой последовала вторая, и третья – почти каждые выходные они куда-нибудь да выбирались.

На этот раз выбор места был спонтанен – Игорю хотелось

на природу, хоть на денек вырваться из шумного переполненного людьми города, вот и найдя совершенно незнакомое им место подальше от Москвы, в ближайшие же выходные они сели на электричку и уехали.

Место оказалось даже слишком немногочисленным и тихим, и Юлю это несколько напрягало. При малейшем шорохе девушка испуганно вздрагивала, но юноше было всё равно – что-то манило его в чащу, подальше от города, подальше от людей, от обыденности. Его не отпускало ощущение словно там, среди зеленой листвы затаилась какая – то сказка, какая – то тайна, и его тянуло раскрыть ее.

И вдруг среди деревьев показалось что-то серое. Юноша грустно вздохнул – видимо людям удалось пробраться и сюда, но стоило им подойти поближе, он понял, что ошибся. Это не походило на творение рук человеческих – разве что на плод разыгравшейся фантазии очень одаренного и не менее безумного архитектора, ещё одно творение современного искусства. Но зачем тогда помещать его на маленькой полянке посреди леса, где некому будет возле него вздохнуть и притворяться ценителем?

Казалось, они попали в одну из сфабрикованных передач, что целыми днями крутят по РЕН ТВ – серое с металлическим блеском и несколько сплющенное нечто стояло прямо перед ними, и они понятия не имели, что им теперь делать. И вдруг в гладкой поверхности появилась трещина и из нее показалось нечто. Юля пронзительно вскрикнула. Игорь сразу

же заткнул ей рот ладонью, но было уже слишком поздно – нечто уже заметило их.

Оно походило на человека, но намного выше, крупнее и окрашено под стать своему жилищу. Гладкая, облегающая кости кожа почти везде была прикрыта разодранными сиреново – фиолетовыми лохмотьями. Но больше всего приковывали взгляд глаза – по форме столь похожие на наши, но без выраженного зрачка и радужки, однотонно окрашенные и ярко вспыхивающие то неоновым синим, то красным, то зеленым.

Люди стояли и смотрели на существо, а существо стояло и смотрело на них. Так продолжалось довольно долго. И тут Игорь сделал нечто безумное – один шаг, всего один шаг в сторону неизведанного. Существо мгновенно среагировало – подняв «руку» оно вытащило из «лохмотьев» коробочку и направило её на несчастную парочку. Юля, испуганно взвизгнув, бросилась прочь, а Игорь, парализованный страхом, не мог сдвинуться с места. Раздался треск...

– Господи, как же я рада, что ты жив...

– Ты убежала.

Девушка густо покраснела, – прости...

– Не извиняйся, – показно отмахнулся Игорь, хотя по нему было видно, что он сильно разочарован в ней, – если бы он решил атаковать, ни ты, ни я скорее всего не смогли бы ему противостоять.

–Так зачем...

– Да так, просто... Извини... Забудь...

Оба ещё не отошли от шока. Выбежав из леса, а это в состоянии паники далось ей нелегко, Юлия хотела сесть на первую же электричку и уехать как можно скорее и как можно дальше от этого места, но тут запищал телефон и на экране высветилось сообщение, – я в порядке. Подожди меня.

Ждать пришлось недолго, и вот электричка уже уносит их прочь, домой, в шумную, но столь родную Москву, проносясь через казавшийся столь умиротворенным, но на деле хранящим страшную тайну, лес.

А они сидели в маленьком уютном вагоне и все произошедшее казалось им каким – то бредовым видением, сном. Хотелось спросить, – а ты это видел? Это ведь взаправду было? Но слишком уж страшно было услышать утвердительный ответ.

Первым от этого состояния очнулся Игорь. Смотря пустым взглядом в окно, он зашептал столь тихо, чтобы другие пассажиры не услышали.

– Он говорил со мной. Эта коробка.... Она переводчик что ли... Он сказал... Он сказал... что мы письмо, послание... Их народ.... Они живут дольше чем мы. В их восприятии продолжительность человеческой жизни – лишь мгновение. Они облетели почти всю Вселенную, проложив по ней свои невидимые тропы. Но в ходе своих путешествий им надо как-то связываться друг-с-другом. А даже с их технологи-

ями, передатчики на такие огромные расстояния передают сигналы слишком медленно. А что толку в информации, которая устарела миллионы лет назад? Что было истиной сегодня, завтра может оказаться ложью, информация пластична, изменчива – как сама жизнь. Они способны создавать жизнь, программировать ее дальнейшее развитие. Мы – это лишь шифр, изменчивый код, письмо, миллионы лет ждущее на их привычных тропах посреди звезд своего получателя.

– Он уже прочитал нас?

– Не знаю.

– А что потом? Что с нами будет потом, когда мы уже не будем нужны?

– Я не знаю. Он сказал мне лишь это, повернулся и ушел в свой... свой корабль... Я звал его, но безуспешно. Не понимаю почему, почему он рассказал мне всё это, а затем сразу ушёл?

– Думаешь, он собирается нас стереть? Вдруг он захочет «написать» ответ.

– Этого я и боюсь. Но нам нужно что-то предпринять. В полицию обращаться бесполезно – сразу в психушку отправят, да и что смогут обычные фараоны против них, против такой мощи... Я знаю, что это глупо, но всё же... Ты же хвалилась, что у тебя есть связи даже среди военных...

– Не поверят.

– Но попробовать надо, мы должны, понимаешь. Им известно больше чем нам, может даже они уже знают про них...

Я знаю, что это безумие, и если он захочет нас стереть, мы вряд ли что сможем сделать, но всё же... Вдруг все-таки есть шанс, мизерный, но есть?

– Я не стану этого делать. Что обо мне подумают? Ты все-рвёз думаешь, что нам кто-то поверит? Да и вообще, может он просто прочитает нас и не тронет?

– Что подумают? Разве это столь важно сейчас? Сейчас, когда на Землю сошел сам Создатель и сообщил, что мы ему больше не нужны?

Больше они не виделись.

Он так и не осмелился рассказать о прошедшем кому-то ещё. Дни шли, человечество и не думало вымирать, но стыд за собственную трусость и страх мучали его с каждым днем всё сильнее и сильнее. И вот он решился.

– Для них десятилетия – лишь мгновенья, а пара дней – и того меньше. Может он все ещё «считывает» нас, может быть он всё еще там, – думал Игорь, пробираясь через лес. Когда между деревьев на том же месте – а найти его было непросто, показался корабль, юноша почувствовал одновременно и облегчение, и разочарование, но сильнее всего – страх. Последние шаги дались ему труднее всего. Ноги словно окаменели, каждая клеточка тела, призывала повернуть назад и бежать без оглядки, но он просто не мог уйти.

– Я делаю это не для других, – внезапно понял он, – никто – ни правительство, ни военные, ни тем более я, никто из нас

не сможет противостоять ему в случае угрозы уничтожения. Я просто хочу узнать правду. Что нас ожидает, узнать, даже если не смогу ничего изменить, узнать, даже если это будет стоить мне жизни. Какая же это будет глупая смерть...

Как и в прошлый раз его визит не остался незамеченным – пришелец не заставил себя долго ждать. Обшивка корабля бесшумно треснула, и он медленно, шаг за шагом, подходил все ближе и ближе. У Игоря тряслись ноги, сердце стучало в висках, во рту мгновенно пересохло, но он, несмотря на заплетающийся от страха язык, спросил, – что с нами будет теперь?

Пришелец остановился. Их разделяла всего пара метров. – Что вы делаете с прочитанными письмами? Складываете в шкатулку на память? Рвете на части и выкидываете в мусорку? Что? Что с нами будет теперь?

Пришелец молча смотрел на него.

– Почему ты молчишь? – сам того не замечая, Игорь сорвался на крик – он столь маленький, столь слабый, один на один с этим гигантом. Ведь для него, все мы – лишь вещь, одна из многих вещей, раскиданных по огромному дому – Вселенной.

– Почему ты мне рассказал тогда что мы на самом деле? Почему ты хотел, чтобы я узнал это? И почему молчишь сейчас?

Пришелец молчал.

И тут юноша понял. Зачем отвечать на вопрос, на который

задающий сам знает ответ? Он с облегчением вздохнул.

– Ты не сотрёшь нас, так ведь? Да, мы не нужны тебе, но мы не стоим даже того, чтобы нас уничтожить – тебе это просто не нужно. Но тогда я всё равно не понимаю одного. Зачем ты вышел ко мне, рассказал мне о вас? Опять молчишь? Считаешь, что и тут я сам знаю ответ? Тогда вот мой единственный ответ и последний вопрос – вы, покорители космоса, вы – для которых чужие жизни – лишь буквы, вы – для кого вечность длится мгновенье, вдруг вы тоже чьи-то послания? Вдруг где – то есть кто-то еще более могущественный, создатель создателей, в которой вы, отправляющие планеты друг другу словно письма, сами всего лишь игрушки?

В глазах пришельца отразилось нечто, похожее на грусть. Послышался скрежет, и сразу же, ему в унисон, из коробочки в его руках механическим голосом прозвучал ответ, – я не знаю.

Сделка с ангелом

Безбожская пародия на русские народные.

Зачем мне возвращаться за тобой, когда у меня есть крылья?

С далеких небес, сидя у порога райского сада шестикрылый Серафим наблюдал за людьми. И сильно печалило его, что утратили они прежнюю веру, начали забывать Бога, а уж ангелов и подавно. И тогда он решил спуститься с небес на землю, дабы вернуть людям утраченную веру.

Шествовал он по мёртвой пустыне и встретились ему там три путника. Замученные жаждой они взмолились, – давно не было у нас во рту и капли, недолго нам так осталось жить. Помоги нам, добрый человек.

Хотел было ангел разозлиться на них, что не признали его, но сменил гнев на милость и спросил, – раз вы умираете, почему же не молитесь о спасении?

– Молимся? Кому нам молиться? И кто ты? – спросили они, – долгие месяцы мы скитались здесь в одиночестве, и ты первый кого мы встретили здесь. Разве может человек выжить здесь в одиночку?

– Я не человек, я – ангел, слугитель Божий, и я помогу

вам, но впредь обещайте, что отныне будете почитать Господа нашего и меня, как слугу его.

Странники не раздумывая согласились, и Серафим наполнил их своей кровью – жадно, до последней капли выпили они ангельскую кровь, и сразу вернулись к ним силы, а Серафим, довольный собой продолжил свой путь.

Но вновь, во второй раз встретил ангел тех же путников. И вновь взмолились они, – давно у нас не было во рту и крошки пищи, недолго нам осталось жить. Помогите нам, ангел.

– Что ж, я снова помогу вам, но впредь обещайте молиться и прославлять Господа и меня еще больше.



Путники заверили его, что впредь будут ещё больше прославлять Господа, и его, ангела, вовек не забудут за доброту его, и Серафим накормил их своей плотью – жадно, до последнего кусочка обглодали люди скелет ангела, оставив нетронутыми лишь крылья, и вновь, еще более довольный собой, чем прежде, он продолжил свой путь.

Но и в третий раз он встретил их. Теперь люди уже были полны сил и не думали умирать, но все равно взмолились, – краток наших жизней срок, о добрый ангел, а мир так удивителен и прекрасен. Хотели бы мы повидать чудеса, что есть в нем, да тела наши немощны и ноги слабы, чтобы обойти землю. Скитаемся мы годами по бесплодной пустыне, а свет так и не видывали. Одолжи нам, о, ангел, свои крылья на время, а мы еще больше будем восхвалять тебя и нашего Бога.

Дал им ангел свои крылья, и взмыли они в небеса, впитавшие от его плоти и крови ангельской силы, а сам он остался внизу, ждать на земле. Но годы шли, а путники так и не возвращались. А череп ангела так и лежит там, уставившись пустыми глазницами в небо, в надежде что ему вернут его крылья.

Счастье в картинках

Жутко трещала голова, казалось еще чуть – чуть и она взорвётся от мелькавших картинок, переполнивших её – что это за образы, кто эти люди? Проносятся перед внутренними

взорами и исчезают, чтобы вернуться – раздирающая сознание пульсация образов.

– Я должен открыть глаза, должен... Что-то не так...

Картинки внезапно закончились и осталась лишь тьма, и тьма наступала.

– Нет, нет, я не могу дать ей поглотить себя, нужно открыть глаза... Открыть...

Яркий свет, белые стены, непонятная аппаратура, множество кнопочек, люди – десять, нет чуть больше, в кроватях, опутанные проводами. Спят? Мертвы? И она... Такая молодая среди мертвецов (мертвецов ли?) и белого стерильного света... Тьма поглощает...

– Эй, вы в порядке?

– Вы ко мне обращаетесь?

– А к кому же ещё?

– Ну... Мы не одни.

– Но они... – девушка, забавно поджав губы «в ниточку» посмотрела на «спящих».

– Кто я? Вы помните кто я? А то я нет.

– Помню.

– И кто?

– Стоит ли мне вам рассказывать – вы ведь сами захотели почти все забыть. Хотите чаю?

– А можно?

– Да, только вам надо встать. Так, так... Осторожно, Вы еще слишком слабы. Выпейте это – полегчает.

– Так что случилось?

– Вам про всё или про вас?

– Давайте про всё. И про себя заодно.

– Мы сейчас в колонии Цибус – маленькой планетке в системе N287. Помните Великое переселение?

– Нет.

– Значит, все чуть хуже, чем я думала.

– В смысле?

– Я про вашу память, но может оно и к лучшему... Тогда слушайте.

– Что с моей памятью?

– Не так быстро. В ходе Великого переселения были заселены 12 планет. Одни из них – обладали жизненно необходимыми ресурсами, другие же попали в зависимость от Матки – так теперь называют Землю. Земля и наиболее независимые колонии создали альянс и провозгласили себя Империей. Другие же колонии, в том числе наша попали в зависимое положение. День за днем нам приходится вкалывать, добывая ресурсы для Империи в обмен на воду и воздух.

– А улететь?

– Пути перекрыты – только для перевозки ресурсов, а они каждый раз тщательно проверяется. Если кого угораздит проскользнуть на грузовой корабль – его распыляют без суда. Нам не вернуться. Нас привели сюда романтические мечты о покорении космоса, но теперь мы словно загнанные звери в клетке. Вкалываем за глоток воды. А кто не хочет

вкалывать – убивает ради него или умирает сам. Теперь же я расскажу Вам о вас.

– Пойдите, расскажите сначала о себе.

Девушка чуть покраснела и поставив чайник, продолжила рассказ.

– Лина, меня зовут Лина. Когда я прилетела сюда... Нам обещали великое будущее покорителей космоса... Тогда я училась на медика, наш университет открыл здесь свой филиал, и столь же скоро закрылся. Помню, как голос диктора объявил, что у нас больше нет прав, что мы отрезаны от внешнего мира – вначале завуалированно, прикрываясь красивыми витиеватыми фразами о великом будущем человечества, а затем прямо, резко и жестко открыв перед нами все карты. И теперь мы сами как сырье, питающие ненасытную Матку.

– А разве мы можем быть кем-то кроме сырья?

Девушка с удивлением осуждающе посмотрела на него, – а в вас что-то осталось... от вас... Вы говорили похожие вещи, когда только пришли сюда.

– Надо же, я похож на себя... Но об этом чуть позже, – нашему герою, а им был мужчина средних лет, среднего роста, худощавый, с серой щетиной и серыми волосами, посеребрёнными ранней сединой, почему-то хотелось узнать кто эта Лина. Да, у него крутилось множество вопросов в голове, – кто он и откуда, но смутный страх призывал его оттягивать момент получения ответов на них. И, пожалуй, лишь вялое

состояние после пробуждения, да заботливо подмешанные успокоительные от Лины, удерживали его от того леденящего ужаса, что затаился в глубине его разума.

– И кто вы теперь?

– Я – ловец снов. Ко мне приходят те, кто хочет забыть кем они были, все кроме пары мгновений – самых счастливых в своей жизни. И кто при этом смог скопить кругленькую сумму. Видите, этих несчастных – она указала рукой на кровати, они спят и видят то, что пожелали видеть – самые счастливые моменты своей жизни, местами чуть приукрашенные по их запросам.

– И я был одним из них?

– Были... Но потом, – на мгновение девушка замялась и отчего то густо покраснела, – потом произошел сбой, мне пришлось отключить вас, чтобы спасти, но память... и ваш сон – все пропало... – Лина смущенно опустила глаза и тихо спросила, – вы расстроены?

–Нет. Наверное... Я же получил что хотел – забыл, – мужчина развел руками.

– Но ваш сон. Ваше счастье.

– Я хотел забыть и забыл, – отрезал мужчина. – Теперь я никто. Слушайте, дайте мне имя. Имя, чтобы я стал хоть кем-то, кем-то новым.

– Имя? Ну что ж. Надо подумать... Будете Гэри?

–Хорошо, я буду Гэри.

–Приятно ознакомиться, Гэри.

И мне Лина, и мне.

Он на мгновение задумался, – а почему все-таки Гэри?

– Да, дурацкое имя... Когда я еще жила на Земле у меня так звали рыбку. Нет, не подумайте, – она резко покраснела. – Это просто первое имя что пришло в голову.

Он лишь улыбнулся.

– Ну давайте дадим вам другое имя, – девушка попыталась загладить неловкость, – пусть оно будет звучным, красивым, – Стефан, хотите быть Стефаном? Или быть может Леонард?

Оба прыснули со смеху.

– Нет, я буду Гэри, нелепым Гэри.

Поставив чашку, он встал из-за стола.

– Спасибо за чай. Я осмотрюсь?

Девушка пожалала плечами, – мне нечего скрывать.

Их лица – такие умиротворенные и такие мертвые... Счастливые словно у наркоманов под дозой, полные блаженства. Внимание Гэри привлекла канистра с бензином в углу, а на полке над ней зажигалка.

– Лина, зачем вам бензин?

Ранее девушка краснела, а тут в мгновение она стала белой словно полотно.

– Итак, – взял он себе на заметку и понял, что спросил о том, о чем спрашивать нельзя.

– Не важно, – резко ответила она и сделала вид, что слишком увлечена уборкой со стола.

– Как вам здесь? Среди них? – спросил мужчина, пытаясь перевезти тему.

– Тоскливо.

– Мне жаль. Правда жаль. Но вы ведь помогаете им – они были несчастны, а вы...

И тут она резко взорвалась, – я помогаю? Я убила их. Смотрите – они мертвы, мертвы! – и столь же резко взяла себя в руки и в прямом и в переносном смысле слова, обхватив им свою талию и потупив глаза.

– Простите. Я просто устала. День ото дня слежу за ними, – девушка кивнула в сторону спящих.



– Я могу помочь?

– Можете, но не должны.

– Ну раз могу. Все равно я сейчас считай никто и мне некуда идти.

– Тогда..., Пожалуй, мне пригодится ваша помощь.

– Я готов, что делать?

– Это довольно сложно, но я научу. Слушайте...

И он научился. Спустя несколько месяцев Гэри разобрался в системе жизнеобеспечения и не менее сложной системе создания сновидения почти так же хорошо, как Лина.

И однажды за чашкой утреннего кофе она очень робко посмотрела на него и тихо, почти шепотом попросила, – мне нужна твоя помощь. Я. Я хочу туда...

– Куда?

– Домой, – в ее глазах стояли слезы, и он понял, что она еще совсем ребенок. А еще понял, что проснулся вовсе не из-за сбоя в системе и его словно окатило ледяным душем.

– Вот оно как, – подумал Гэри и спросил, – ты хочешь уснуть?

– Да. Ненадолго, час – два. Ты подключишь меня?

– Можешь на меня положиться, – мужчина заботливо сжал ее руку.

Когда Лина уснула, Гэри посмотрел на экран монитора – солнце, небо, трава вместо серых дорог, еле освещённых

тусклыми фонарями Цибусы. Счастливые лица – ее, других – наверное родных и друзей – всё это поглотила серая Цибус, все это разрушила беспощадная Матка. Он ходил от монитора к монитору – у него ведь больше не было больше своего счастье, одна лишь пустота, и он смотрел на чужое, впитывая его.

– Мертвы, мертвы, – вспомнил он слова Лины, и её такой странный умоляющий взгляд перед Погружением в сон и тут понял все, абсолютно всё. Понял, что она хотела сделать, но побоялась, и о чём на самом деле просила его. Он бросился к компьютеру, и из принтера полетела бумага – яркая, зеленая, синяя, красная, жёлтая – в улыбках и смехе, в летнем тепле и родных объятиях. Накинув плащ Лины, он надёжно запрятал стопку под него, и взяв канистру начал лить бензин – между кроватей, на светящиеся, сразу же недовольно замигавшие мониторы, на полные блаженства лица, на её лицо, но её такой чистый медицинский халат. Подойдя к выходу, Гэри чиркнул спичкой зажигалкой на прощание и вышел.

Замок Сна пожирало жадное пламя, столь яркое на фоне серых улиц, а проходим было всё – в обнищавшей колонии преступления стали нормой, и за них больше не приходится платить. Сзади догорал Замок Сна, а он шел в темноту искать счастье, бережно сжимая под плащом фотокарточки – свою путеводную звезду среди этих серых улиц.

И лишь один человек наблюдал за ним – ненормально высокий мужчина с длинными руками и ногами, в странном

белом одеянии, походящим на ночную сорочку, стоял в переулке напротив горящего здания и ухмылялся.

Последний цветок

Это было обычное утро с противным звоном будильника, ещепятиминутным сном, опять прерванным звоном уже осточертевшего будильника, горячим кофе и жутким нежеланием идти куда-либо в такой холод, а особенно на работу. Привыкшая крепко спать Женя этой ночью к собственному удивлению просыпалась чуть ли не каждый час. Ей мерещились какие-то странные звуки, снились кошмары, но каждый раз просыпаясь, она, не приходя в сознание засыпала вновь – и так всю эту ночь. Окончательно проснувшись утром девушка списала это на холод – за ночь случилось резкое похолодание, и всю квартиру целиком и полностью проморозило.

Одевшись потеплее Женя направилась к остановке, чтобы доехать до метро, но там ее ждал неприятный сюрприз. Пробка казалось тянулась до самого горизонта, и в рядах машин не было заметно ровно никакого движения.

– Да я быстрее пешком дойду, – решила отчаявшаяся и уже успевшая продрогнуть Женя. Топая по морозу, она прикидывала сколько ей осталось до метро, но результаты не утешали. На улице никого не было.

– Да и неудивительно, кто же пойдет пешком в такой мороз, все в машинах сидят, подумала она и с надеждой взглянула на шоссе, но машины, несмотря на не такое уж большое количество их на дороге почему-то продолжали стоять.

Она с завистью посмотрела на пассажиров автобуса, который почему-то несмотря на час пик был почти пустой, и вдруг столкнулась взглядом со странным мужчиной – странным была не его одежда и даже не внешность, но то как он неестественно повис на поручне. Но еще более странным и даже пугающим был его пристальный взгляд пустых остеклевших глаз, от которого и по без того замерзшей коже шел мороз. Что хуже всего этот взгляд был направлен прямо на нее.

– Какая жуть, – подумала Женя и отвернулась, так как она в отличие от этого жуткого и некультурного типа с детства знала, что пялиться на незнакомцев невежливо, но не успев отойти от автобуса и пары метров почему-то снова взглянула на него. Мужчина продолжал буравить ее взглядом, и ослабленная ночным недосыпом психика не оставляла ей выбора кроме как быстро убраться отсюда или же остановиться как вкопанной, что она к своему собственному удивлению и сделала. Он смотрел на нее, а она на него, но это было не столь романтично как могло показаться некоторым, особенно сентиментальным читателям. И тут Нина поняла, что же с этим человеком еще не так – он не мигал, и его грудь под толстым слоем синтепона куртки не поднималась и не опускалась от дыхания.

– Не может быть, – подумала девушка, – он не может быть мертвым, неужели никто не видит, что он умер? В ней, всего минуту назад испытывавшей презрение и страх к этому незнакомцу, зародилась жалость.

– Он ехал на работу и умер... О чем они там вообще думают? – благо автобус стоял на краю шоссе, и она могла, не опасаясь, что ее собьют подойти к нему вплотную и заглянуть внутрь. Помимо мужчины в автобусе была всего лишь пара пассажиров – старенькая бабушка и юноша, который сидел с противоположной стороны, повернувшись к окну, поэтому Нина не смогла разглядеть его лицо. Она постучала в стекло возле которого сидела бабулька, но сразу же в ужасе отшатнулась от него, потому что та тоже была мертва.

– Какого черта... – Нина бросилась к кабине водителя, и увидела его неподвижно лежащим на руле. На нее начала накатывать паника, и она, забыв о всех правилах предосторожности бросилась на середину шоссе – все равно машины стояли, не шелохнувшись, и бегая от одной машины к другой с ужасом везде встречала одну и ту же картину. Пытаясь хоть как-то спасти ее шока, мозг выдал шуточку – мертвая пробка, и Нина нервно хихикнула. Она бросилась бежать от этой жуткой, словно застывшей во времени улицы, но в дворах ее встречала такая же безмолвная пустота, и ей не встретилось ни одного живого человека – лишь несколько трупов, навсегда застывших на асфальте.

Паника не отступала, а вот дыхание подвело, и ей пришлось остановиться. Задыхаясь, Нина сквозь завладевший ее мозгом страх поняла, что еще чуть-чуть и ей грозит гипервентиляция, поэтому постаралась успокоиться, что ей хоть плохо, но все же удалось. Дрожа от холода и шока, девушка

скрюченными от мороза пальцами вытащила мобильный из сумки.

– Что-то случилось в моем районе, а может и во всем городе, но каким-то образом я осталась жива. Наверняка в новостях уже написали, что случилось, наверняка уже весь мир знает, а может я даже смогу понять куда мне надо идти, – пыталась себя успокоить Нина. Но интернет не ловил, куда бы она не шла. Она попыталась позвонить маме, жившей в десяти станциях от нее, в надежде что это странное нечто не дошло до ее района, но телефон по своему исконному прямому назначению работать тоже не хотел. Тогда Нина решила выбираться за зону поражения чего-то, чем бы оно ни было, а так как она понятия не имела где та кончается, она выбрала ориентиром мамин дом, понимая, что не сможет успокоиться, пока не убедится, что с той все в порядке.

–А что, если там я встречу тоже что и здесь? – тихо шептал голос разума, но она придерживалась выбранного маршрута, что было весьма непросто – девушка плохо представляла куда надо идти. Ведь раньше – дойти до метро-метро-от метро. Либо приходил на помощь навигатор, но мобильный упрямо отказывался ловить интернет. Гордый собой человек лишь оставшись без техники понимает на что он на самом деле годен без нее.

И Женя что неудивительно заблудилась. К вечеру она уставшая и голодная оказалась в совершенно незнакомом ей районе, а может даже и вышла за пределы Москвы. Она по-

дошла к ближайшему магазину, но двери были закрыты.

– Это случилось совсем рано утром, – вот почему автобус был почти пустой, многие люди еще даже не встали. И видимо умерли, но почему? И почему я не умерла? – думала она. Найдя подходящий булыжник, девушка бросила его в застекленную витрину. Что ж, голодать ей пока не придется, а если часть продуктов испортится – всегда есть сухари и прочие долговечные штуки.

Дни шли, а вымерший мир менялся. Начало мая, а только-только успевшие одеться в зеленую листву деревья начали потихоньку умирать. Неизвестный яд, пропитавший все вокруг, убивал и их, пусть и медленнее, чем людей. Он начал действовать и на Нину, с каждым днем она становилась все слабее и слабее, но самым худшим было то, что она начала терять способность трезво думать – мысли разбегались, сбегались, сталкивались и рассыпались. Везде, куда бы она ни шла, ей встречалась лишь смерть – ни одного живого человека, и она сгорала сама. Может она смогла бы что-то придумать, если бы мозг работал как прежде, может смогла бы даже спастись, хотя навряд ли. Может даже и хорошо, что ее сознание засыпало, так оно не могло полностью осознать близости конца и испугаться его. Её больше уже не заботило, что случилось с ее близкими, друзьями – того мира больше не было, и всё что в нем осталось, всё что исчезло уже не имело никакого значения.

Однажды в пустом парке, где компанию ей составляли

лишь несколько уже изрядно подгнивших трупов, она сидя на скамейке, грызла засохшую буханку, пытаясь хоть как-то ее размягчить в прокисшем молоке, и тут ее внимание привлек маленький засыхающий росток. Он наивно тянулся к солнцу, не подозревая о приближающейся гибели, и тут яд проник в него, разрушая его будущее.

На следующий день Нина вернулась к ростку с бутылкой воды, и на последующий... Каждый день она приходила к нему, словно одержимая навязчивой идеей – поливала его, достала из ближайшего цветочного магазина удобрений, даже досконально изучила несколько книг о садоводстве из библиотеки, но росток продолжал умирать, и с его увяданием в ее голове все чаще и чаще появлялась одна мысль, которая раньше показалась бы ей безумием. Даже сейчас, помутившимся от таинственного яда и пережитых ужасов рассудком, она понимала всю нелепость подобной затеи, но вместе с ее телом слабел и разум, и охватившая его идея переставала казаться бредовой, вскоре став для нее единственным смыслом самого её существования.

Девушка вытащила из кармана потрепанного и перепачканного пальто нож и протянув к ростку всегда тонкое, а теперь еще более иссохшее запястье, дрожащей рукой сделала на своей коже надрез. Багрово – алая кровь закапала на грязно – зелёные, посеревшие и почти засохшие листья, скапываясь по ним в почву, и пробираясь между песчинками к тонким корням, так отчаянно цеплявшимся за жизнь. Женя

опустилась на холодную землю и свернулась клубком возле ростка.

– Мы ведь с тобой из одного мира – мира, который умер. Но ты съешь меня и будешь жить. Съешь меня... Съешь... И ты будешь жить, жить, жить, – шептала она слабеющим голосом, повторяя одно и то же раз за разом, пока не замолкла навсегда.

Падший ангел

В подземелье ты найдешь себя и все потеряешь.

Это был один из особенных дней для Анны, но она еще не подозревала насколько. Вместе с ее другом Максом они решились смыться с уроков, притворившись жутко больными. Конечно им никто не поверит – эта парочка была известна своей тягой к приключениям, но разве можно усидеть за партой в этот погожий весенний денек? Скорее всего им влетит, и их отчитают, красиво и гневно распишутся в их дневниках – но это будет, когда –нибудь потом, а сейчас они свободны – и принадлежат только себе, теплему весеннему солнцу и друг другу.

Они шлепали по мокрому мху в ближайшем лесу, увязая ботинками в мини болотцах и прыгая по скользким камням меж журчащих ручьев. Все просыпается, все оживает, но Анну волновало больше всего сможет ли она коснуться руки Макса, идущего рядом.

А он – верный, хороший и веселый друг, словно не замечал ее влюбленных взглядов. Всегда поддерживал ее, подбивал на мелкие проказы и покрывал если их ловили. Но хоть убей – ни разу не проявлял к ней интереса как к девочке.

Макс был из тех, кто влюблен в звезды. Несмотря на про-

гулы и хулиганства, он хорошо учился, так как был весьма смышлёным. А вечерами сидел за умными книгами, разглядывая атласы звездного неба или пялился в телескоп, что ему подарил отец. Отец давно ушел из их семьи, а подарок остался, может оттого Макс и смотрит в небо, словно в надежде найти там нечто утраченное. Раньше своих сверстников он принял решение кем хочет стать, когда вырастет – космонавтом. Теперь Анне кажется, что и она хочет полететь вместе с ним.

– Глянь, – Макс внезапно остановился и указал на каменную насыпь меж деревьями. Они подбежали поближе.

– Как мне и показалось, тут проход, – перед ними зиял лаз, ведущий в черноту. Недостаточно большой, чтобы проникающий извне свет осветил там хоть что – то, но достаточно широкий, чтобы пролезть в него и идти – пусть и скрючившись.

– Давай залезем, – предложил Макс и не дожидаясь ответа достал из кармана телефон с фонариком.

Посветив разведки ради в черноту, он сделал первый шаг и галантно подал Анне руку.

– Мэм, – с ухмылкой сказал он, помогая не поскользнуться на мокрых камнях.

– А что, если мы заблудимся? – обеспокоенно спросила девочка.

– Давай так, дойдем до первой развилки. А там либо найдем опознавательный знак, чтобы не спутать куда повернуть,

либо вернемся обратно.

Но развилок все не было и не было – словно гигантский червь вырыл себе нору, упрямо прогрызая себе путь вперед и немного вниз. С каждым пройденным метром они спускались все ниже и ниже, но плавно и постепенно, без каких-либо обрывов. В какой-то момент дорога стала закручиваться спиралью – сначала почти незаметно, потом витки словно стали мельче и у Анны уже начала кружиться голова от множества поворотов в этом темном пространстве.

А в какой-то момент, за очередным поворотом забрезжил свет. Анна уже понадеялась, что это выход наверх. Но они оказались посреди пещерной залы, посреди которых к их удивлению горел огонь. Только безумец будет жечь костер под землей, рискуя задохнуться – и дети уже были готовы повернуть назад, пока дым не заполнил проход, и они не задохнулись. Но на удивлении в пещере было легко дышать и царил запах свежести и мокрой земли.

Возле костра кто-то сидел – фонарик высветил темную мужскую фигуру в черном мешковатом одеянии. Кожа незнакомца была смуглая, странного серого цвета, что особенно было заметно по его лишенной каких-либо волос голове. И странные символы – татуировки покрывали его лоб и руки. Первым желанием детей было бежать – и как можно дальше от этого загадочного незнакомца, странного пещерного отшельника. Но стоило им заглянуть в его сияющие мудростью и пониманием глаза, увидеть его широкую улыбку

ку и их наполнило ощущение тепла – несмотря на холод пещеры и покоя.

– Грейтесь – предложил незнакомец, жестом приглашая их сесть у костра.

– И не бойтесь, словно прочитав их мысли добавил он, здесь есть вентиляция. Над костром – в вышине, на своде пещеры виднелся лаз наверх, через который вдалеке мерцали звезды – долго же они гуляли здесь.

– Чаю? – предложил он и к удивлению детей, выудил из-за соседнего камня чайник и три глиняные чашки причудливой формы.

Они знали, что у незнакомцев ничего брать нельзя – особенно столь странных, но стоило ему разлить чай и пещеру заполнил удивительный запах. Манящий аромат этого травяного варева стер у них всю осторожность.

– Знаете, дети, – незнакомец выдал им по чашке. – Если соединить глину, воду, пар, дым костра, огонь и кое какие травы вместе они обладают удивительными свойствами. Загляните в воды своих чаш, освещенные огнем и отражающие дым и увидите то, чего больше всего желаете.

Анна с недоверием посмотрела в чашку и от изумления вытаращила глаза. Она увидела себя – старше, но это была определенно она. Рядом стоял Макс, они были в незнакомом ей доме. И судя по всему они были вместе – о чем-то болтали, смеялись и держались за руки, с нежностью глядя друг другу в глаза. Картинка двигалась, менялась и словно заты-

гивала в себя, манила погрузиться в нее, утонуть в ней целиком и полностью. Девочка на всякий случай глянула на Макса – не увидел ли он чего, а то ей было бы дико неловко. Но он не отрывал взгляда от своего чая – у него в кружке плескались звезды.

– Я ведь могу исполнять желания, – вкрадчиво произнес отшельник и его татуировки вспыхнули холодным светом – это продлилось лишь мгновение, и дети не могли понять это вправду было или им показалось.

– Только за них вы должны отдать самое дорогое.

Макс почему-то с печалью посмотрел на Анну, потом снова в свою кружку и сказал, – Я не знаю стоит ли тебе верить, но я бы отдал за это все.

Незнакомец улыбнулся и ответил, – Хорошо, а затем зачем-то уронил свою кружку в огонь. В ней было мало жидкости, но костер к удивлению, зашипел и сразу потух. Напрасно дети с фонариком пытались разглядеть темный силуэт в клубах дыма. Им осталось лишь как можно скорее направиться к выходу, к свежему воздуху.

Прошло пятнадцать лет, и Макс осуществил свою мечту – он был в рядах бравых и первых колонизаторов Марса. Анна хотела остаться с ним, полететь с ним – но не ради человечества и других планет, просто она не знала, как будет жить без него – своего старого друга, тайно любимого ею. И она готовилась, готовилась вместе с ним. Но даже труд и здоровый образ жизни не всегда могут переломить генетику – с рожде-

ния у нее было слабое сердце и ее кандидатуру не стали рассматривать. Зато за ее упорство, знания и смыслённость ее приняли работать в пункте управления полетов. Пока Макс летел к «звездам», она могла приглядывать за ним на земле. И скрипеть зубами от бессилия потому что в экипаже было четыре женщины.

Марс не пожелал сдаваться людям – не в этот раз. Жизни многих храбрых воинов он заберет прежде чем покориться людям. Макс полетел на Марс, но до Марса Макс – не долетел – об этом истошно пищали сирены под аккомпанемент мигающих красных экранов.

Это была ошибка, фатальная ошибка. Еще мгновение – и связь с кораблем была утрачена, оставив десятерых людей отрезанными от своей родной планеты посреди черноты космоса.

Они знали, что это конец, хотя и пытались по протоколу сделать все возможное. Макс и Дина трудились снаружи над обшивкой корабля, хотя их судьба и так была предрешена.

В какой-то момент Макс отсоединился, оттолкнулся от «борта» и отправился в «свободное плавание» – терять уже было нечего. Оставались последние минуты перед лицом чернеющей Бездны, пронзенной звездами. И он, вглядываясь в эту черноту понимал, что именно к ней он шел все это время – сбегая от своей жизни, мечтая обрести вечность, растворившись во Тьме. И он был счастлив, и он был собой – как никогда прежде.

А на Земле в пункте управления царил ад. Миллионы людей застыли перед экранами телевизоров в ужасе, пока коллеги Анны пытались спасти отчаянное положение. До последнего мгновения все старались не поддаваться панике, но внутри каждого разлился леденящий ужас. А Анна – всегда неунывающая, всегда готовая бороться до конца, хитрая, смыслёная изворотливая Анна впервые в жизни сдалась и застыла перед мигающим экраном, не в силах ничего сделать.

Чья – то холодная рука коснулась ее щеки и вытерла слезы.

– О дитя, услышала она голос, что казался ей странно знакомым.

– Обернись, – голос на этот раз прозвучал властно. И девушка обернулась. Сама не зная почему. Перед ней стоял тот самый отшельник, ничуть не изменившийся, не постаревший за эти годы. Он был окутан черной дымкой и здесь на земле еще больше походил на пришельца из ночных кошмаров.

– Я ведь могу исполнять желания, – с прежней улыбкой сказал он, как когда-то прежде.

– Желание Макса сбылось, может теперь твоя очередь? Помни – просто отдай мне самое дорогое что у тебя... осталось...



А ведь Анна потеряла почти все. Черная рука с странными символами протянула ей древний на вид, покрытой причудливой резьбой и красными камнями кинжал.

– Ты должна это сделать сама, – сказал ей незнакомец. И девушка ощутила холод стали у себя в руках. Но я помогу тебе, – пообещал незнакомец, обхватив ее руку своей ладонью и направив кинжал прямо в цель.

Никто кроме Анны не увидел его в тот день, никто не увидел и старинный кинжал. Увидели лишь ее тело, бившееся в конвульсиях пару мгновений, с бьющей из раны в шее кровью. Алая кровь залила багряные экраны и бумаги – отчеты. И Анна застыла на полу неподвижно, отдав все что у нее было.

Счастье кроликов, запертых в клетках. Счастье кроликов, не ведавших звезды.

Плодите и размножайтесь, дети мои!

– Мама., а какой сегодня день? – спросила маленькая Лина, только что севшая за домашнюю работу.

– Двадцать второго ноября, дорогая, – ответила Анна, суетившаяся рядом с готовкой – дабы успеть к приходу мужа.

– Двадцать второго ноября, – уже шепотом, скорее для себя повторила она и ей почему-то показалось что это что-то

значит.

– Все в порядке, мама?

– Да, да... А ты не помнишь что у нас двадцать второго ноября? Мне просто это число отчего то кажется важным...

Девочка лишь молча пожала плечами и снова зарылась в тетради.

Раздался звук открываемой двери.

– Папа сегодня рано, – сказала Анна и было уже направилось к двери, чтобы встретить мужа. Но стоило ей выйти из кухни в коридор и там сразу же погас свет. Дверь почему-то все еще была закрыта, а стоило ей обернуться, и Анна испугалась – всего шаг отделял ее от кухни, она это знала. Но этот шаг визуально разделился метров на двадцать. Казалось, что коридор вытянулся, превратился в темный тоннель, в конце которого уменьшающимся огоньком горела кухня с сидевшей за столом Линой.

– Что происходит, – вскрикнула девушка и ответом на ее вопрос послужил серый образ – серыми линиями – контурами, словно выцарапанный в окружающей тьме, рябивший штрихами, подобно изображению в старом черно-белом телевизоре он появился из ниоткуда.

– Привет, – его лицо растянулось в улыбке. – Я твой старый знакомый, вылез из-под земли тебя проведать. На самом деле мы знакомы ближе, намного ближе чем ты помнишь. Я ведь подарил тебе твою мечту. Только, дорогая моя Анна, к моему сожалению пришло время за нее заплатить.

Она вспомнила то что никогда не забывала – то странное путешествие с Максом, когда они еще были детьми и это жуткое лицо, что ей снилось в кошмарах. Но она абсолютно, совершенно не помнила ни панику в пункте управления полетами, ни алые мигающие экраны и конечно не помнила этот кинжал, что, когда уже – в будущем, в прошлом, в настоящем испил ее крови.

Слезы ужаса и непонимания стекали по ее щекам, а Он грустно и одновременно с насмешкой улыбнулся.

– О, милая Анна, – нежным голосом проговорило чудовище. – Это день, когда твой любимый умер, но не умрет. Это день, когда ты умерла и умрешь снова. Ты решила обрезать ему крылья, чтобы он не стал ангелом, предпочитавшим тебе звездное небо, но сегодня ты сама станешь ангелом и спустишься со мной в Преисподнюю.

Глава 3. Рубедо

Мир в твоей ладони

Александр Михайлович стоял перед огражденной витриной. За толстым непробиваемым стеклом на постаменте в маленькой сфере, похожей на сувенирный шарик, вместо блесков и искусственного снега заполненный миллиардами звезд находился целый мир. Эта, похожая на игрушечную, Вселенная – самая большая ценность Исследовательского отсека № 9, и Александр Михайлович был одним из немногих обладал доступом к ней. Несмотря на относительно юный для ученого возраст – всего 35 лет, он успел занять почетное место среди астрофизиков 25 столетия.

Вдруг, столь привычную тишину отсека нарушили торопливые шаги, детский смех и шушуканье, прерываемое раздраженным писклявым голосом Наставницы. Торопливым шагом, она подошла к витрине, грубо сжимая в своей огромной для женщины ладони, с длинными аляписто покрашенными ногтями маленькую ладошку мальчика. Он – хилый, низенький даже для своих лет, еле поспевал за ней, но наставница безжалостно тащила его вслед за собой.

Следом за ними, громко гогоча, шла орава крепких ребят. Внешне они были как на подбор – красивые черты лица,

все спортивные, подтянутые, рослые, в общем представляли полную противоположность «заложника» Наставницы, хоть и были с ним одноклассниками.

– – Александр Михайлович, – учительница попыталась придать лицу самое, как ей казалось, кокетливо – обворожительное и извиняющее выражение.

– Простите, мы опоздали. Я понимаю, что у Вас и так мало времени, – она говорила громко, с расстановкой, делая значительное ударение на отдельные слова, как и подобает воспитательнице, – и благодарна, что Вы согласились провести эту экскурсию – она очень, очень важна для наших учеников. Вы, как образованный, образованнейший человек, сами понимаете, дети – наше будущее. Тут Наставница поняла, что залезла в какие – то словесные дебри и смутившись, запнулась.

– Вот, – раздраженно выстрелила она словами вперемишку с слюной из ярко накрашенного рта в сторону мальчика, так сильно дернув его за руку, что тот тихо пискнул от боли, полюбуйтесь, Миша, как всегда, в своем репертуаре. Он умудрился потеряться! И мне пришлось его искать, я же все – таки ответственна за них, забочусь, заношусь с ними, как насадка, но где его благодарность – другие дети, как дети, а от него одни проблемы: на прошлой неделе, представьте себе, сломал школьный коммуникатор, вчера порвал свою форму из микронного волокна – ведь как это можно умудриться! А сегодня вот – отстал от группы и заблудился. Ми-

ша, извинись перед Александром Михайловичем! Это из – за тебя мы задержали его. Если я, твоя Наставница, мама, можно сказать, для тебя – не авторитет, то прояви уважение хотя бы к этому великому человеку.

Мальчик, весь покраснев от смущения, вышел вперед. – П.. П-Простите, – тихо сказал он, и что удивило ученого, вместо того, чтобы смотреть в пол, поднял голову и посмотрел ему в глаза виноватым взглядом (ну прям как котики на картинках в интернете). Мише показалось, что ученый ободряюще подмигнул ему в этот момент.

Сзади послышались злобные крики его одноотсековцев, но ему было не привыкать. За столетия человечество смогло создать поражающие воображение чудеса техники – межзвездные полеты, телепортация, мгновенное излечение ран – все, что раньше казалось раньше выдумками писателей-фантастов и существовало лишь в книгах и фильмах (которые заменили более продвинутые объёмные голографические аналоги), то, к чему так стремились люди, то, на что многие поколения величайших умов тратили свои жизни, стало явью, стало достоянием настоящего.

Контроль за репродукцией, как и многие вещи теперь был возложен на машины – и они неплохо справлялись с этой задачей (уж получше людей, вы мне поверьте). В доноры отбирались лишь представители с лучшим генетическим материалом, а все их недостатки клеточная инженерия сводила на нет. В итоге получались люди с уникальными физически-

ми и умственными данными, практически не подверженные болезням, долгожители, способные выдержать тяжелейшие нагрузки.

Но в Родильном отсеке, хоть и редко, но порой случались сбои, и из-за них и появлялись на свет астенесы – так называли тех, чьи показатели силы, здоровья, ловкости, интеллекта – некоторые из вышеперечисленных или все вместе не достигали нормы, указанной в Протоколе 2.34.

Люди, создавшие удивительные машины, преобразившие планету до неузнаваемости, покоряющие далекие миры чужих звезд, несмотря на гениальную инженерию в чем – то остались такими же, как и много веков назад. Общество все так же, как и прежде, даже с большим неистовством отвергает тех, кто отличается от нормы, превращая непохожих на большинство в изгоев и горе тому, кто из – за сбоя системы или халатности работников РодОтсека родился слабым и больным. Осознавая, что в неспособности астенесов нет их вины, люди все равно издеваются над ними, – ведь для многих из нас нет большего удовольствия, чем обидеть того, кто слабее, чтобы доказать самим себе свою надуманную идеальность.

Прошел где – то час...

– Спасибо, большое спасибо, широко улыбаясь и энергично трясая в пожатии руку Александра Михайловича, – благодарила его Наставница.

– А можно вопрос? крикнул кто-то из задних рядов.

– Конечно, с натянутой улыбкой ответил Александр, хотя

ему ой как не хотелось больше ничего рассказывать и вообще кофеек на кухне сам себя не выпьет.

– А что это в той витрине?

– О, я уж думал, Вы не заметите, разглядывая карты и макеты. Это всего лишь наш самый ценный экспонат, – с иронией сказал ученый. – Ребята, представляю Вам Вселенную R-36! В рядах послышался удивленный шепот. – Да, обычно мы не показываем столь секретные объекты, но Вера Андреевна говорила, что на вас можно положиться. Наставница смущенно захлопала ресницами.

– Но как же так? Это и вправду она? – ребята не могли поверить своим глазам.

– Да, она самая. – Почему же мы никогда не слышали, что она находится в Вашем отсеке? – Ее телепортировали совсем недавно, да и болтливостью наши сотрудники не отличаются.

– А правда, правда, что там тоже есть жизнь?

– Да, по нашим исследованиям определенно есть, правда она сильно отличается от нашей с вами.

– Какие же там они маленькие, маленькие миленькие человечки, – закричала одна девочка, нелепо махая ручками.

– И как только живут такие малявки, – с пренебрежением бросил мальчик постарше.

– Во-первых, местные формы жизни совсем не похожи на привычных нам гуманоидов, и во – вторых они и не осознают, насколько маленькие. Для них весь их мир, который помещается в мою ладонь – бескрайние просторы. – Ха, все

равно малявки! Таких на одну ладонь положить, другой прихлопнуть – и все, кранты их бескрайней Вселенной! Наставница раздраженно шикнула на наглеца, но другим ребяташкам эта фраза почему-то показалась забавной, и они рассмеялись детским, но в тоже время таким не по-детски злобным смехом.

Один лишь Миша с восхищением в глазах молча разглядывал сферу, заполненную черной дымкой, пронизанную сверкающими звездами.

«– Ну все, экскурсия подошла к концу», – сказал Александр Михайлович, поглядывая на часы. – Я вам вроде все показал, да и скоро у меня заседание, – соврал он, стараясь не подавать виду, как его насмешливые слова старшего мальчика и реакция других учеников на них.

– Да, да, конечно. Еще раз, огромное вам спасибо! Третий Образовательный, за мной! Вера Андреевна повела своих воспитанников в следующее помещение, самым последним выходил Миша. Он все еще не мог оторвать восхищенного взгляда от крошечной Вселенной, да и он побаивался ребят из своей группы – сегодня он «опять подвел всех», и они наверняка снова подкараулят его в туалете, и наверняка снова поколотят. Признаться, Вере Андреевне Миша не мог – кто знает, что сделают ребята с «крысой», ему и так хватало травли за его физическую «неполноценность».

Приходилось тайком бежать в медпункт, где работала медсестра, единственный человек из всего Отсека, который

жалел и понимал его, ведь она тоже была астеником. Пару минут – и нудящая боль проходит, синяки, царапины – все исчезает без следа, а на следующей день – все по новой.

– Что же ты никак не сдохнешь, хиляк, малявка! Ты же еле ходишь! – кричали ему, с упоением уродуя его лицо, тело – ведь все заживет. С трудом останавливались, знали, что, если он не сможет дойти до медпункта, Наставница обо всем узнает, и тогда им не поздоровится.

Как же Миша был удивлен, когда ученый окликнул его.

– Эй, Миша, так ведь тебя зовут? Подойди сюда!

– Но, я отстану от группы.

– Да подойди ты сюда, поверь, я покажу тебе кое – что особенное. Астрофизик подвел мальчика к витрине.

– Нравится? – Да... Красивая! – Да, красивая.

Отвернись. Ученый нажал на кнопку и начал вводить код на выехавшей сверху панели. Стекло с одной стороны разъехало в сторону, и Александр Михайлович осторожно взял сферу.

Протяни руки ладонями вверх. Только заклинаю, осторожно, там квадриллионы планет и почти сотая часть их заселена кем-то. (Да – да, автор тоже в шоке от подобной халатности, но будучи сам работником лаборатории клятвенно заверяет, что именно так в науке дела и делаются!)

Ученый аккуратно положил сферу на ладони мальчика, и страхуя ее от падений своими руками. – И никому, слышишь, никому и никогда не говори, что я позволил тебе это

сделать!

Мальчик, словно замороженный смотрел на сферу.

– Ссспасибо... Но почему Вы дали именно мне? Я же самый неуклюжий в группе.

– Не бойся, если ее просто держать, ей ничего не будет, она в защитной оболочке.

Но Миша все равно застыл будто каменный, боясь пошевелиться, уставившись на маленький мир в своей руке.

– Ну все. Наигрались – и хватит, Александр Михайлович осторожно водрузил сферу на постамент и закрыл витрину.

– Я заметил, как на тебя смотрели твои дру... одноклассники. И как ты смотрел на Вселенную. Ты астент, верно? Извини если прозвучит грубо... Как думаешь почему именно тебе я дал дотронуться до нее? Да, ты слабее и неуклюжее своих сверстников, но именно поэтому тебе можно доверить это бесчисленное количество жизней. Ведь именно ты понимаешь, что значит быть беззащитным, столкнувшись с тем, кто слабее тебя, ты будешь аккуратнее нежели кто-либо другой. А теперь догоняй группу и – тссс!

Миша еще раз поблагодарил ученого и уже выходил из зала, когда физик окликнул его еще раз.

– Когда подрастешь – приходи. У меня найдется работка для тебя.

Этим вечером, после того, как Наставница уложила их спать и ушла, наивно полагая, что в ее драгоценные ученики уже достаточно взрослые, чтобы оставаться без надзора ро-

бота няньки по ночам, Мишу опять избивали, дружно, всем отсеком.. Но мальчик словно не чувствовал боли, он забыл о ней, вспоминая маленький, святающийся изнутри квадриллионами звезд мир, покоящийся на его ладони.

– Пусть сейчас я не могу защитить себя, но когда я вырасту, я защищу ее, обязательно, – твердил он себе. А маленькие существа из Вселенной R-36 даже не подозревали что где – то существует «гигант», которому они так нужны.

Библиотека Матезиуса

В одном самом обыкновенном городке жил необыкновенно обыкновенный юноша. Хотя нет, он был не таким уж обыкновенным, может даже необычным, но только никто, никто, даже он сам, не знал об этом. Серые волосы, серые глаза, среднего роста – в его внешности ничто не привлекало внимания, «не цепляло». Он всегда был тем, чьё имя никто и не вспомнит, рассматривая старый выпускной альбом, а звали его Матиус.

Серая тень, пустое пятно, всегда такой тихий, незаметный, словно невидимка. Призрак, проходящий незамеченный никем через чужие жизни, чужие истории, ведь своей то у него не было.

У него была лишь одна отличительная черта – любовь к книгам. Сколько он себя помнил, его спутниками были лишь две вещи – очки и книга. И только последняя в нем менялась и быстро: сегодня он мог читать о роботехнике, а завтра слезливую классику. Книги он всегда выбирал тщательно – пожалуй кроме продавца в книжном его никто и не запомнил из знакомых детства, да и тот ничего о нем не знал, ведь как узнать интересы человека, которому любопытно практически все? Час, а то и два он мог стоять перед полками в магазине, а потом, нагрузившись так, что за стопкой не было видно головы, спотыкаясь, шел домой.

Матиус всегда делал все уроки, хоть ему это было и необязательно – его почти никогда не спрашивали, словно его и не было в классе. Он знал ответ практически на любой вопрос учительницы, но никогда не поднимал руку, а потом писал все контрольные на «отлично». Но этого было мало, ведь разве можно было сравнить его – пустоту в дальнем углу класса и аккуратную, всегда прилизанную отличницу на первой парте, которая каждый раз при вопросе от учительницы с мольбой в глазах вытягивалась по струнке, чуть не отрывая себе руку?

А что потом? Со знаниями, которыми мало кто из его более удачливых сверстников, поступивших в университеты, мог похвастаться, Матиус по наказу отца пошел работать к его знакомому на почту. Хотел ли он этого? Неужели ничего не взбунтовалось в нем, с его неутолимой жадной к знаниям против такой судьбы? А этого мы не узнаем – уж больно тихим он был.

А ведь сколького он мог бы достичь – серый человек с целым миром внутри, но никто, никто во всем мире не захотел подобрать к нему ключ, никто не захотел открыть его и выпустить наружу то, что все эти годы скрывалось за нелепыми очками, за этими такими спокойными серыми глазами. А сам он не мог. Почему, спросите Вы? Признаюсь, не знаю – может он боялся, а скорее просто не знал, не мог и представить себе на что сам был способен. Так зачем? К чему нам знать про этого Матиуса, который жил так, словно его и не

было? – Наверняка негодует читатель. А затем, что в один день с ним случилось нечто страшное...

Врач долго и внимательно осматривал чешую, то и дело нажимая, – Больно? Нет? А тут? И тут нет? Очень странно.

Закончив свой осмотр, он сочувственно посмотрел на Матиуса через очки с толстой оправой.

Тот почувствовал, что ему становится дурно, ведь когда у тебя внезапно начинает расти чешуя, и врач так смотрит на тебя – не стоит ожидать ничего хорошего. Ничего хорошего и не случилось.

– Боюсь, у вас ихтиоз. Это редкое генетическое заболевание, можно сказать, проявление атавизма...

– Да, я знаю, – пробормотал резко позеленевший Матиус.

– Только странно, что оно проявилось в столь позднем возрасте, как-никак хроническое врожденное заболевание, а тут. Вы уверены, что это ... кхм... ваши первые чешуйки?

Матиус никогда не был любителем разглядывать себя в зеркало, но совсем не обязательно иметь самооценку греческого Нарцисса, чтобы пропустить такое на своем теле, так что он лишь еще сильнее позеленел и отрицательно мотнул головой.

– Так, а теперь, пожалуй, самое главное. У Вас есть деньги? – спросил врач заговорщическим шепотом.

Бедный Матиус не сразу смог догадаться, при чем тут это и честно сознался, что денег у него весьма мало.

– Это очень плохо.

Пациент не мог мысленно с ним не согласиться.

– Тогда Вы обречены. Мне очень жаль.

Врач взял бумажку и кривым почерком написал название. – Вот мазь, втирайте, она немного облегчит Ваши страдания. Будь у вас средства, поехали бы в столичную больницу, там есть шанс найти хорошего специалиста, я же на большее не способен. Мне правда очень, очень жаль... Надеюсь вам не придется долго му.... Поправляйтесь. Всего доброго.

Матиус теперь по цвету лица мог соперничать с газончиком, раскинувшимся перед больницей. Дрожащей рукой он схватил предписание и, покачиваясь, выскочил из кабинета.

Когда дверь захлопнулась, врач, прежде чем позвать следующего пациента подумал о том, какой же он молодец.

– Поправляйтесь – как сказал то! Пациенту всегда нужно давать надежду, даже если ее нет. Да, какой-нибудь несчастный случай с трагичной концовкой очень бы помог этому бедолаге. Подумать только, жить без денег!

Но Матиус пришел в себя и решил, что надо бороться. В его голове принялись строить безумные планы – «как заработать». В его сумке лежала прописанная доктором мазь и прихваченные в книжном “Самые страшные генетические заболевания.” Мысль о том, что он накопит денег придавала ему сил, но тут он понял, что последние деньги потратил на книгу и ему неделю придется питаться завалившейся в шкафу крупой и макаронами.

Проснувшись на следующее утро – а это было воскресение-

нье, Матиус долго валялся в кровати. Когда ты наконец-то выспался и солнце так приветливо светит в окно, не хочется верить в то, что с тобой что-то не так. Кровать становится своего рода защитой, пока ты не вылезешь из неё в промозглое утро повседневности. А пока можешь лежать в тепле и уюте, наивно убеждая себя, что все хорошо, и ты в полной безопасности. Когда уже солнце преодолело половину небосвода, и нежиться в тепле уже порядком надоело, юноша одним прыжком вскочил с кровати. И это было странно, ведь обычно расставание с кроватью принимало у него форму нелепого сползания с нее на пол. Ему показалось, что у него резко прибавилось сил, словно прежде неуклюжее и слабое тело наполнила какая-то неведомая мощь.

Поставив макароны на плиту, Матиус полез в холодильник за молоком. – Вот бы мяса, – подумал он. Ему жутко хотелось есть и при этом хотелось именно мяса. Открыв холодильник, он немало удивился. Потому что там, на верхней полке стояла тарелка со здоровенным куском говядины. – Я не помню, чтобы покупал его. Это странно. Но перспектива есть одни макароны совсем его не радовала, поэтому, особо не раздумывая, Матиус отрезал седьмушку мяса – ведь зарплата ой как нескоро, и бросил на сковородку. – А зачем я жарю его? Сырое ведь тоже довольно вкусное, – и от такой мысли его рот почему-то наполнился слюной. С минуту он разглядывал кровоточащий кусок на уже начавшей скворчать сковороде, свои окровавленные руки и еще более пере-

мазанную кровью разделочную доску. – И о чем я только думаю, там же полно паразитов, – с трудом удержавшись от искушения, юноша побрел в ванную, чтобы умыться. Только там до него дошло, – Я серьезно хотел съесть сырое мясо? Чувшь какая... Надо умыться что ли, да и кофе бы не помешал. Набрав воду в ладони, Матиус заметил, как сильно у него отросли ногти. – Как же это я так умудрился, – удивился он, доставая из шкафчика щипцы. Но ногти отчего то не хотели поддаваться и после пяти минут безуспешных попыток, щипцы лишь беспомощно хрустнули и развалились. – Совсем заржавели, – недовольно буркнул Матиус, выбрасывая их в мусорное ведро. – Теперь придется целую неделю так ходить.

Закончив приводить себя в порядок, Матиус подошел к огромной библиотеке во всю стену. Но даже ее не хватало – книги тут и там лежали стопками в его маленькой, бедно обставленной, но уютной квартирке. Пробежавшись пальцами по корешкам, он раздумывал с какой же книгой проведет этот выходной. Прищурив глаза, юноша кинул взгляд на боковые полки, и хотя он знал все книги в своей библиотеке, но ему показалось, что самые крайние выглядят странно незнакомыми. Матиус подошел поближе, и понял, что не помнит этих корешков, некоторые названия были написаны на других языках, но он почему-то мог понимать их значение, хотя никогда и не изучал их. Матиус сделал шаг и еще, и еще, но шкаф не заканчивался. – Никогда не замечал на-

сколько у меня большая библиотека. И что это за книги, почему я не помню, чтобы покупал их? Может они из библиотеки родителей, хотя и их я все знаю. Матиус оглядел свой шкаф и мельком ему показалось, что на самом верху вырезано – Библиотека Матезиуса. Разве здесь раньше была эта надпись? Матезиус? Кто такой Матезиус? – потихоньку его начал охватывать страх. Мерзкий ком подкатывал к горлу, по спине пробежали мурашки. От волнения закружилась голова и казалось, что пол уходит из под ног, но с трудом пересилив себя, он опять подошёл к крайним полкам, пытаясь разглядеть противоположную стену. Она почему-то терялась где-то в темноте, что было весьма странно, учитывая размеры его квартирки. – Пора менять очки. И кажется я начинаю сходить с ума. Утреннюю бодрость как рукой сняло, Матиус внезапно почувствовал себя совершенно измотанным и даже страх неизведанного не мог побороть эту усталость. Собрав последние силы, он дополз до кровати и обессиленный упал без чувств.

Проснувшись, Матиус посмотрел на время в телефоне и ужаснулся, ведь оказывается он проспал три дня. -Старая развалюха, – выругался он, подавляя желание бросить телефон об стену (ведь до зарплаты ой как не скоро), но на всякий случай полез проверять дату в интернет. Ему оставалось только выругаться. Старая развалюха победоносно пискнула, высветив на экране восемь пропущенных от начальника, что еще больше ужаснуло и без того сбитого с толку и

перепуганного Матиуса. И тут он вспомнил произошедшее. Мне не мешало бы отдохнуть, подлечиться, – посетовал Матиус, собираясь отпроситься с работы. Но урчащий желудок напомнил об отсутствии денег. – И как тут лечиться, когда нет денег на еду, – тяжело вздохнул он и поплелся в ванную, продумывая оправдание своему таинственному исчезновению на работе.

Прошла неделя и каждый день преподносил новые сюрпризы. Во-первых, вопреки всем законам логики Матиус каждый день находил что-то новое в закромах холодильника и не какую-нибудь морскую капусту, холодильник словно знал, чего он хочет. В шкафу появилось множество новых книг, какие-то из них были довольно старинные и дорогие – он бы никогда не смог позволить себе такие, притом Матиус обнаружил в себе странную способность к языкам. Вот встаешь ты утром, достаешь первую попавшуюся книгу и тут понимаешь, что оказывается отлично знаешь испанский, хотя, хоть убей, не помнишь где и когда успел его выучить. Он давно уже потерял надежду дойти до затерянного в другом конце комнаты Края Полок. Все это было очень странно, но он не мог заставить себя волноваться. На него снизошло какое-то умиротворение, словно все идет своим чередом, словно так и надо. – Я просто сошел с ума, – со спокойствием и смирением, которому позавидовал бы любой буддистский монах думал Матиус. Единственное, что заставляло его трепетать это слова над верхней полкой. Иногда ему начинало

казаться, что это он во всем виноват, этот странный Матезиус. Его преследовало ощущение дежа вю, словно они с ним старые знакомые, но вспомнить его Матиус сколько не старался не мог. Потом он вспоминал, что сошел с ума и успокаивался. – Надо сходить к психиатру, – каждый день думал он, но каждый вечер после работы так ужасно хотелось спать, что юноша просто не мог себя заставить. Но что хуже всего, с каждым днем чешуек становилось все больше. Несмотря на запугивания доктора, что кожа в местах ороговения будет жутко болеть и чесаться, Матиус не ощущал никакого дискомфорта, кроме разве необходимости закрывать одеждой чешую. Он всегда был скромным юношей, и у него просто не хватало духу выставить напоказ доказательства своей болезни миру, поэтому день ото дня по костюму Матиус все больше и больше становился похож на восточную женщину, вынужденную тщательно скрывать свое тело от посторонних глаз.

Прошел один ужасный месяц, и на теле Матиуса практически не осталось кусочка чистой кожи. Но были и свои плюсы – он заметно подрос, вытянулся, откуда-то взялись мускулы, да и спать хотелось меньше. Он чувствовал себя намного лучше, чем когда-либо прежде, несмотря на болезнь. У него значительно улучшилось зрение, Матиусу больше не приходилось носить очки, но иногда, когда он смотрел в зеркало, ему казалось, что глаза периодически вспыхивают желтыми огоньками. О ногти (которые точнее будет назвать уже насто-

ящими когтями) он пообломал уже не одну пару щипцов и ножниц. – вот оно китайское производство, – думал Матиус. Люди стали еще больше коситься на него. Они всегда смотрели на него как на пустое место, ну максимум с неприязнью, но сейчас в их взгляде чаще проскальзывало удивление и даже страх – когда они замечали его когти, желтые огоньки в глазах и вылезавшую из-под одежд иссиня черную чешую. Бабки крестились за спиной в ужасе, а многие принимали нашего страдальца за просто перестаравшегося с модификациями фрика.

И тут началось самое плохое. У Матиуса начал расти хвост... Сначала это была простая шишечка чуть пониже спины, и он заволновался, подозревая опухоль, но через пару недель шишечка доставала пола и превратилась в мускулистый, покрытый чешуей хвост. Вот это уже скрывать было сложно, и Матиус наконец-то решил взять больничный (у него был исконно русский подход к лечению, как вы уже заметили). Набрал номер босса, он уже собирался пожаловаться на плохое самочувствие, но вдруг понял, что может издавать лишь шипение. Начальник на другом конце провода лишь недовольно пробурчал что-то в ответ. Матиус изо всех сил пытался выговорить хоть слово, но у него выходило лишь приглушенное – тсссс. А вот стоило ему лишь подумать о том, что он хотел сказать начальнику, как тот ответил, – Конечно, оставайся. Я и сам заметил, что ты... мм... неважно выглядишь последнее время. Положив трубку, Ма-

тиас сам того не замечая, высунул тонкий почему-то раздвоенный язык и грустно зашипел. – Что же это происходит, подумал он. – Откуда взялись все эти атавизмы? Мне как-никак уже под тридцать, не могли же они так просто появиться ниоткуда. Хотя они именно появились из ниоткуда. Будь здесь Матезиус, ему пришлось ответить за все это. Хотя, его же не существует. Или существует? Я забыл...

Но становилось все хуже и страннее. На спине между чешуек начали пробиваться бугорки. – Что на этот раз, – измученно подумал Матиус, но через недели две стал обладателем больших черных, отливающих синевой крыльев. Сначала это расстроило его, но потом он понял, что может летать. Прежде низкий потолок нависал теперь на высоте метров этак десяти. Матиус любил взмывать к нему и разглядывать непонятно откуда взявшиеся на нем мозаики. Тут были и сцены из мифов, и из детских сказок, и умиротворяющие пейзажи, обнаженные дамы в пикантных позах и изображения далеких космических объектов. Матиус уже перестал удивляться этим странностям. Он словно забыл о внешнем мире, – каждый день полки наполнялись все новыми и новыми книгами, его квартира стала намного просторнее, теперь даже он не смог бы облететь ее за день. Да и Матиус понял, что практически все, что он пожелает появиться прямо перед ним, так что ему не приходилось голодать. Он украсил свое жилище многочисленными растениями, раньше они быстро гибли у него, а теперь же пышно разрослись, и их ростки,

оббивая стеллажи с книгами, тянулись к самому потолку. Об электричестве тоже можно было не заботиться – все помещение заливал свет, похожий на солнечный, хотя видимых его источников нигде не было видно, ведь в квартире, хотя квартирой теперь ее можно было назвать лишь с большим натягом, напрочь пропали все окна и двери. Матиус забыл о своей теплой и уютной кровати и теперь нередко спал прямо на полках, хвостом оббив книжные стеллажи. Он стал настоящим гигантом для человека и неудивительно, он ведь уже давно перестал им быть.

Дни шли, он читал, спал – и понятия не имел, сколько времени прошло, и что твориться во внешнем мире. В библиотеке не было никаких средств связи с внешним миром – все технические девайсы упорно отказывались работать, а стрелки на настенных часах уже давно неподвижно застыли. Сначала это мало заботило его – ведь там у него никого не было, но потом его стало тянуть выбраться на улицу. Страх останавливал Матиуса – вряд ли люди, завидев дракона сильно обрадуются, они и человеком то его не сильно любили. Убьют сразу или отправят на опыты – себе дороже. Но день за днем странная, прежде незнакомая ему тоска усиливалась, и однажды Матиус не выдержал, плюнув на осторожность и собравшись с духом, наконец-то открыл дверь.

Но не послышалось испуганных криков, и никто не пытался его убить – ведь снаружи была лишь пустота. Бескрайняя тьма, насколько хватало глаз, раскинулась за стенами биб-

лиотеки. А он стоял, словно громом пораженный, на грани между бытием и пустотой, и не мог поверить своим глазам.

Матиус никогда не был привязан к этому миру. Он никогда не мечтал стать кем-то особенным, чего-то добиться, а жизнь словно проходила мимо для него – знакомая лишь по книгам, такая чужая. И его всегда это устраивало – ему хватало книг, хватало роли наблюдателя, серого пятна, тени, но сейчас – сейчас, когда все исчезло и пути назад уже не было, ему вдруг стало так горько от того, что он, пока это еще было возможно, так и не попытался жить.



И хранитель, повинуюсь новому, не понятному ему самому чувству искал – искал одну книгу, о которой он никогда не слышал, но она обязательно должна была существовать. И он нашел ее – самую древнюю, самую первую книгу на земле.

В ней, красным на пожелтевших страницах, на древнем языке – теперь он, став хранителем знал их все, в начале аккуратным ровным почерком, а в конце – корявыми, поблекшими, словно в спешке, выведенными буквами была написана история мира – с самого начала и до конца.

И Матиус читал ее – самую удивительную книгу, что ему когда-либо попадалась. Да, ее автор определенно был чокнутым и чрезмерно эрудированным (или просто любил фантазировать) – красочные описания в ней перемежались с жуткими формулами (и тут Матиус понял, что даже с его невесть откуда – то взявшимся знанием мертвых языков язык математики нередко остается загадкой), скучнейшими списками вроде промеров всех-всех-всех снежинок (кому вообще пришло в голову провести подобное исследование?) и жизнеописаниями людей и прочих существ (из разряда – гражданин такой – то 8 апреля 1982 года встал с кровати и через пару секунд почесал левый глаз). Хоть Матиус, смирившийся с столь подробными описаниями, старался пролистывать их, выискивая в книге только самое интересное, казалось, что целая вечность прошла, прежде чем он дошел до

ее конца. Его худшие опасения подтвердились, и теперь кроме него, кроме Библиотеки – единственной памяти об исчезнувшем мире ничего не существовало. Конец Света и всего Сущего был описан подробно, местами художественно и трагично, местами сухим физическим языком, но приговор был окончательный – Вселенной больше нет, осталась лишь та самая Библиотека, в которую каким – то чудом превратилась его квартира – как единственный вечный памятник былого величия. Он уже давно почти не отрывался от книги, но отчаяние, поселившиеся в его душе было намного хуже усталости. И вот когда спустя множество ночей Матиус наконец-то добрался до эпилога, он сразу понял, что тот – послание ему от автора, как и понял то, что никакой он больше не Матиус.

Мой Матезиус. Если ты читаешь это, то меня уже давно нет. Кто я? Думаю, ты уже догадался. Я – это мой мир. Раньше, еще до начала времен, как и ты, я был кем-то, но как творец порождает свое творение, так и оно в конце концов поглощает его. Почему все так кончилось? Потому что боль порождает радость, а радость боль, смерть пожирает жизнь, а там, где есть начало, там всегда будет и конец. Внутри библиотеки собрано все, что осталось из прежнего мира – души всех тех, кто когда-то жил и кого сейчас, когда ты читаешь эти строки, уже нет. Я знаю, ты слышишь их – такие сильные, такие слабые, и такие удивительные – они мечтали о рае, о счастье и больше всего желали познать главную тайну – ис-

тину этого мира. А за стенами – пустота, и ты можешь впустить ее внутрь, отомстить мне за то, что я сделал с тобой – за то, что оставил тебя совсем одного, за то, что взвалил эту ношу на тебя, уничтожив последнее эхо моего мира, последнее отражение меня. Но я хочу, чтобы ты узнал самое важное – если ты захочешь, то сможешь все изменить. Стоит тебе пожелать, и в небе снова зажгутся звезды, а земля вновь наполнится жизнью, но тебе придется отдать себя – себя целиком этому новому миру, и тогда начнется новая история – твоя история.

После эпилога пошли пустые страницы, их было много и они, словно манили заполнить их. Мало что может пробить драконью кожу, кроме драконьих когтей. Он сразу понял, чем была написана книга, чем были выведены корявые темно красные буквы – из крови Богов рождаются миры. Матезиус впился в свою кожу, и морщась от боли, продолжал давить. Обмакивая когти в собственной крови, он строку за строкой писал новую главу Мироздания. Кровь периодически останавливалась, и ему приходилось наносить себе все новые и новые раны. А тем временем, снаружи за стенами Библиотеки, из пустоты, вскормленной драконьей кровью рождался новый мир.

Ослабев от потери крови, Матезиус нанес себе последнюю рану. Он был на грани жизни и смерти, но ему нужна была кровь для своего последнего творения. Сознание мутилось, его трясло, рука – вернее теперь уже лапа, тряслась, но он

должен был дописать, должен был успеть, пока еще были силы. . . И вот последняя точка. Обессиленный, Хранитель рухнул на стол. Нет, он еще жив, он еще будет жить, но, если бы еще пара капель крови вытекла бы из его ужасных ран все было бы кончено – лишь они отделяли его от смерти. Но разве это важно сейчас, теперь, когда за дверью его мира возник новый? Борясь с тьмой, которая силилась заполнить его разум и отключить его, помутившимся взором Матезиус огляделся вокруг, отчаянно цепляясь за реальность, дабы не потерять сознание и вдруг его взгляд остановился на настенных часах. Он не сразу понял, что столь удивило его и хоть перед глазами то и дело все плыло пытался разглядеть их, пока не понял, что прежде застывшие стрелки возобновили свой ход. Ему показалось словно само Время, застывшее в стенах его Библиотеки, проснулось, пробужденное его кровавой жертвой.

И в тот самый момент, когда столь бредовая мысль промелькнула у него в голове, в дверь библиотеки постучали.

Захочешь ли Ты открыть ее?

Новый Икар

Кто я? Не помню.

Сколько я здесь и почему? Не знаю.

Там, где виднеется кружок далекого неба, наверное, уже сотни раз вставало и заходило Солнце. Я видел, как скудные остатки его лучей каждый раз вливались в мое пристанище, но их хватает лишь на то, чтобы слабо осветить его, чтобы я мог разглядеть место, где нахожусь и впасть еще в большее уныние. Их не хватает даже на то, чтобы согреть мое продрогшее тело или высушить сырость моего подземного колодца. Склизкие каменные стены, почти без выступов – но я бы и по ним выбрался, полз бы, цепляясь за холодные камни, лишь бы сбежать отсюда – цепь мешает.

Когда-то давно, как только я попал сюда, решил, что упал оттуда – сверху, там, где светит Солнце, но откуда тогда взялась цепь? Откуда на моих руках и ногах, на моей шее кандалы? Я не просто упал – меня столкнули, приковали? Или я сам? Сам прыгнул в темноту, сам нацепил на себя оковы, но если сам, то где же ключ? Неужели я сам и бросил его в одну из трещин, спрятал там, где мне его теперь не достать?

Солнце опять взошло, а значит я вновь увижу серые стены. Вот бы удалось поднять голову чуть повыше, посмотреть на небо. Как же больно двигать затекшую шею, металл врежется в истертую кожу, но я больше не хочу видеть сумрак

своего колодца. Меня зовет небо, мое небо там – в вышине.

Больно, странный треск – вода источила цепь на шее, как цепь источила меня. И впервые за столько дней – а может и за всю жизнь, кто знает? – я могу чуть приподнять голову вверх. Такое яркое солнце, щиплет глаза, но я их не закрою. Такое яркое и так далеко – как же мне больно, обидно. Я брошен, вся жизнь пройдет здесь – на дне, в этой гнили, грязи и тьме, а оно сияет там.

Вдруг, словно ножом полоснули по спине, адская боль – на лицо брызнуло кровь. Что там? Что со мной? Я умираю? То, что так давно сковывала цепь рвется наружу, через мясо, через кожу – раздирая меня вырывается наружу через плоть. Из меня – крылья, распрямившись единым рывком, раскрывают меня – обрызгав все вокруг моей кровью. Каждый взмах отдается острой болью. Что мне цепь теперь, ее тиски – ничто по сравнению с этой болью. Прорываюсь сквозь искорёженный ржавчиной металл. Свобода – крылья поднимают на дне бурю из сухой пыли, мокрой грязи, пролитой крови, выше и выше – все дальше отсюда. Выход все ближе и ближе, еще немного – и в один момент ярко вспыхивают краски вокруг, яркая зелень, яркое небо. Теперь я живой, теперь я живу – в один момент весь мир стал моим. Выше, еще выше – мне мало земли, мне нужно небо, мне нужен источник, покрывающий планету красками.

Все дальше моя старая тюрьма, все дальше от меня живая земля – выше. Сил нет – я так ослаб за время в плену, но я

долечу, ведь Солнце зовет меня. Его пламя сжигает меня – душу своим зовом, огнем опаляя крылья. Сил нет – нет, все-таки не долечу... Опять падаю вниз, но теперь не во тьму, теперь на землю. Словно комета, сгораю в воздухе. Агония – наконец – то агония... а не та нудящая боль от оков!

Такая родная земля, а так больно принимает меня. Из последних сил поверну голову – не долечу, но умирая, вижу – там вдалеке ярко горит животворящее солнце.

Башня. Пульс

Серо – голубые глаза с мольбой смотрят на меня, чуть подрагивая ресницами. Такие красивые, такие нежные – и прямо передо мной. По щеке скатывается слезинка, и я аккуратно, дабы не растерять драгоценную влагу, слизываю ее.

А через минуту, я ощущаю эти глаза у себя под ногами. Раздается треск, я жмурюсь, мысленно моля о прощении, но продолжаю свое восхождение.

Небо сейчас грязно желтое, столь «густого» темного цвета. И на его фоне куда не кинешь взгляд – Башни, сплошные Башни тянутся ввысь к этому желтому небу. И по ним ползут, цепляясь, сползая, а порой и падая люди. Изредка мы встречаемся взглядами на мгновение, и взбираемся дальше, ввысь. У кого-то Башни ниже моей, у кого – то же столь громадные, что их вершина теряется в дымке.



А из Башень торчат руки, лица, головы. Они сплошь усыпаны чьими – то глазами, ушами, ртами, ладонями. Переплетения сросшихся тел, с единой пульсацией крови в общих сосудах. И тут уже непонятно где заканчивается один, а начинается другой, есть лишь Башня. И я, взбирающийся на нее, отчаянно вцепляющийся в чужие ладони, хрустящий чужими носами, жадно слизывающий чужую слюну, стекающую по губам.

А руки хватают меня – то агрессивно толкают меня, пытаюсь столкнуть с Башни, то больно впиваются в кожу, то томно ласкают мое тело, то бережно поддерживают, позволяя мне уснуть в заботливых объятиях хотя бы на пару часов. Лица, полные обожания, лица, искривленные болью, перекошенные ненавистью, страхом. Лица, излучающие тепло и заботу, источающие негу и наслаждение – смотрят на меня, изучают меня, щекочат шелковыми ресницами, облизывают пересохшими шершавыми языками, впиваются зубами с жадностью и ненавистью в мою изможденную плоть.

И вот я достигаю вершины. Небо здесь уже другое – ясное, голубое, желтая дымка осталась далеко внизу позади. Здесь не видать ни рук, ни лиц – лишь ровная площадка телесного цвета с вдавленным в нее голубым светящимся кругом. Кажется, что он заполнен какой-то искрящейся субстанцией, вязкой словно лава.

Я сажусь посередине и вижу перед собой – как на соседней башне, что почти что вровень с моей, человек почти добрался до вершины. Прямо перед финишем одна из рук со злобой пытается отпихнуть его, и он, утратив равновесие чуть не падает. Пусть этот человек мне незнаком, но у меня перехватывает дыхание от ужаса. Но незнакомец грубо впивается в руку, и невзирая на ее корчи, и хруст ломающихся костей делает последний рывок до вершины. Рука замирает, чуть подрагивая от боли.

Незнакомец, чуть пошатываясь после длительного восхождения осматривается и замечает меня. Он садится посреди своего круга – он у него тёмно-зелёный, словно из жидкого изумруда и смотрит мне прямо в глаза.

Я вспоминаю откуда-то что весь этот путь мы проделали ради этого мгновения. Я смотрю на Другого, пожирая его глазами, и ощущаю, что это конец. Даже не касаясь, не разговаривая я чувствую этого человека, и поддаваясь нахлынувшим на меня ощущениям, растворяюсь.

В тот самый миг, когда мы вновь разделимся, мы вырвемся из потока Истока и падём вниз, дабы затем забраться вновь. Рождение, восхождение, слияние, смерть и падение – непрерывный, неугасающий пульс моего воплощения. Но каждый раз, переродившись, каждый раз, упав вниз, я буду помнить куда мне идти.

Завершение

Она растворяет меня, заливая меня своим сладким и липким ядом. Я тону в нем, и тело мое истлевает, я тону в нем и мой голос смолкает и имя мое обращается в Ничто. Захваченный ритмом ее безумного танца я не могу остановиться. Завороженный отражением миров в ее глазах я не могу оторвать от них взгляда.

Она убивает меня, она воскрешает меня. Я отдаюсь ей – а в ответ она раскрывает себя, впускает меня в себя, портал в лабиринт миров в себе открывая. И тела примеряя, имена свои меняя я за ней устремляюсь, ее зовом ведомый.

Этому никогда не будет конца, этому никогда не будет начала, вечное странствие меня. Можно лишь забыть, можно лишь вспомнить, но нельзя перестать быть, нельзя тебя не услышать.

Контакты автора: <https://vk.com/id200330889>
mr.chrom27@yandex.ru